

ЮНЕСКОНИНГ ТЕМУРИЙЛАР ДАВРИ САНЪАТИНИ
ЎРГАНИШГА БАҒИШЛАНГАН ХАЛҚАРО ИЛМИЙ
СИМПОЗИУМИНИ ЎТКАЗИШ БЎЙИЧА ЎЗБЕКИСТОН ССР
ТАШКИЛОТ КОМИТЕТИНИНГ ҚАРОРИГА БИНОАН НАШР
ҚИЛИНДИ. САМАРҚАНД. 1969.

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО РЕШЕНИЮ
ОРГАНИЗАЦИОННОГО КОМИТЕТА УЗБЕКСКОЙ ССР
ПО ПРОВЕДЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
СИМПОЗИУМА ЮНЕСКО, ПОСВЯЩЕННОГО ИЗУЧЕНИЮ
ИСКУССТВА ЭПОХИ ТИМУРИДОВ. САМАРКАНД. 1969.

PRINTED ON THE DECISION OF THE UZBEK SSR ORGANIZATION
COMMITTEE OF THE UNESCO INTERNATIONAL SCIENTIFIC
SYMPOSIUM ON THE ARTS OF THE TIMURIDES PERIOD. SAMARKAND. 1969.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АЛИШЕР НАВОИЙ НОМИДАГИ АДАБИЁТ МУЗЕЙИ
Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти. ТОШКЕНТ. 1970

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
МУЗЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ
Издательство «Фан» Узбекской ССР. ТАШКЕНТ. 1970

ACADEMY OF SCIENCE OF THE UZBEK SSR
ALISHER NAVOI LITERATURE MUSEUM
«Fan» Publishing House of the Uzbek SSR. TASHKENT. 1970

БОБИРНОМА РАСМЛАРИ

Альбомни тузувчи ва сўз боши муаллифи
филология фанлари доктори, профессор Ҳамид СУЛАЙМОН

МИНИАТЮРЫ К БАБУР-НАМЕ

Составитель альбома и автор предисловия
доктор филологических наук, профессор Хамид СУЛЕЙМАН

MINIATURES OF BABUR-NAMA

Compiler of the album and author of the preface
doctor of philology, Professor Hamid SULEIMAN

ЎзССР Фанлар академиясининг академиги И. М. МЎМИНОВ,
таҳрири остида

Под редакцией академика АН УзССР И. М. МУМИНОВА

Editor the academician of the Uzbek Academy
of Science I. M. MUMINOV

БОБИРИЙЛАР ДАВРИ МИНИАТЮРА САНЪАТИ

Марказий Осиё халқлари тарихида Темурийлар даври ўзининг социал-иқтисодий муносабатлари, сиёсий тузуми ва маданият тараққиёти билан бошқа даврлардан алоҳида ажралиб туради [1]. Ана шу даврнинг йирик вакили бўлган Темурнинг Ўрта Осиё тарихида тутган ўрни ва ролига Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг академиги И. М. Мўминов қуйидагича илмий-объектив баҳо беради: «Темурнинг Ўрта Осиёда, Мовароуннаҳрнинг ҳозирги Қашқадарё область Шаҳрисабз яқинидаги Хўжаилғор қишлоғида барлос беги Тарағай оиласида дунёга келиши соф тасодифият, албатта. Лекин бундай шахснинг юзага келиши даврнинг, замоннинг тақозоси, Чиғатой улусининг зулми, майда феодал бекларнинг ваҳшиёна эзиши, мўғул хонлари, Олтин Ўрда бекларининг Мовароуннаҳрдаги тўхтовсиз босқинчилик юришларидан азобланган, хонавайрон бўлган, 150 йил давомида чет эл ҳукмронлигидан тинкаси қуриган мамлакатнинг, халқнинг мустақилликка эришиш талаби эди. Бу тарихий зарурият Темурда, унинг лашкар бошиларида равшан кўринди. Темур давлат арбоби сифатида маълум даражада бу эҳтиёжни, талабни, заруриятни ўзида акс эттирди, яъни Мовароуннаҳрда мустақил, марказлашган давлат тузди, мамлакат эҳтиёжларига жавоб берди» [2].

Темурийлар даври жуда мураккаб социал-тарихий қарама-қаршиликлар ва меҳнаткаш халқни чидаб бўлмаслик даражада эксплуатация қилиш билан бир вақтда, инсоният билимининг барча соҳаларида шундай тараққиёт даражасини таъминладики, бу фақат феодал муносабатларининг юқори тараққиёт босқичи шароитидагина мумкин эди.

Ўрта Осиё халқларидан етишиб чиққан буюк тафаккур эгаларининг бутун бир плеядаси худди шу даврда яшаб, ижод этди. Бутун дунёга номлари машҳур тарихчилар: Шарафиддин Али Яздий, Ибн Арабшоҳ, Мирхонд, Хондамир, Давлатшоҳ Самарқандий; олимлар: Улуғбек, Али Қушчи, Қозизода Румий; файласуф-шоирлар: Абдураҳмон Жомий, Алишер Навоий, Лутфий, Саккокий, Атоий; рассомлар: Беҳзод, Қосим Али, Мирак Наққош, Маҳмуд Музаҳҳиб; хаттотлар: Султонали Машҳадий, Султон Муҳаммад Хандон, Муҳаммад бин Нур, Дарвеш Муҳаммад Тоқий ва жуда кўп бошқа шахслар шулар жумласидандир.

Бу плеяданинг сўнгги вакили Темурийлар хонадонидан чиққан буюк ўзбек шоири, олими, давлат арбоби Бобирдир.

Заҳириддин Муҳаммад Бобир 1483 йил 14 февралда Андижон шаҳрида туғилган. Унинг отаси Умаршайх Мирзо—Темурнинг набираси—Фарғона мулкининг ҳокими эди. Заҳириддиннинг онаси Қутлуғ Нигор бегим Тошкентнинг машҳур феодал зодагонларидан Юнусхоннинг қизи бўлган [3]. Бобирнинг ёшлик йиллари Фарғонада ўтди. Шубҳа йўққи, у дастлабки маълумотни Андижонда, асосан ўз она тилиси бўлган ўзбек тилида олган.

Мирзо Бобирнинг ижтимоий-фалсафий қарашлари, унинг эстетик таъби ва илмий қизиқувчанлиги Мирзо Улуғбек, Алишер Навоий, Абдураҳмон Жомий, Лутфий ва бошқа Шарқ классикларининг гениал асарлари таъсирида шаклланди.

---

[1] Темурийлар даври хронологик чегарасининг бошланиши XIV асрнинг охирги чорагидан белгиланиб, тамомланиши XVI асрнинг биринчи чорагига тўғри келади.

[2] И. Мўминов, Амир Темурнинг Ўрта Осиё тарихида тутган ўрни ва роли, Тошкент, «Фан» нашриёти, 1968, 49—50-бетлар.

[3] Юнусхоннинг қабри ҳозирги пайтда Тошкент шаҳридаги Октябрь райони территориясида (Шайхантавурда) жойлашган ва у Ўзбекистон ССР давлати томонидан XV аср ёдгорлиги сифатида қўриқланади.

Отаси вафотидан кейин, 1494 йили 12 ёшли Бобир Андижон тахтини эгаллаб, Фарғона мулкининг ҳукмрони бўлиб қолди.

Темурийлар империясига қарашли кўпчилик ерлар ўша пайтда Шайбонийлар томонидан ишғол қилинган эди. Темурийлар империясининг жаҳонга машҳур пойтахтини Шайбонийхондан озод қилиш учун Бобир Самарқандга икки марта (1498, 1500—1501) юриш қилган бўлса ҳам, муваффақият қозонолмади. Шундан сўнг Бобир ўзига содиқ бўлган бир гуруҳ қўшини ва қариндошлари билан Кобул томонга йўл олади. Бу воқеани Бобирнинг қизи Гулбаданбегим ўзининг машҳур «Ҳумоюннома» асарида қуйидагича баён қилган: «Тўлиқ ўн бир йил давомида, Мовароуннаҳр ўлкасида чиғатой султонлари билан шундай жанглар ва мудофаалар қилдиларки, уларнинг сонини тўла баён қилишга қалам тили ожиз ва нуқсонлидир... Икки юз киши пиёда, елкаларида чопон, оёқларида чориқ, қўлларида таёқ бўлгани ҳолда, беяроқ, худога тавакқал қилиб, Бадахшон ва Кобулга қараб йўл олдилар»[4].

Фарғона мулкига қарам бўлган Кобулда ўрнашиб олгач, Бобир янги лашкар тузиб, 1519 йили Ҳиндистонга юриш қилади. Фақат 1526 йилнинг апрелида Деҳлининг шимолида жойлашган Панипати яқинидаги машҳур тарихий жангдан кейин Султон Иброҳим Луди қўшинлари устидан ғолиб келгач, Бобир Ҳиндистонда марказлашган давлат — Бобирийлар империясини тузади[5]. Жамна дарёси ёқасидаги Агра шаҳрини янги империянинг пойтахти қилиб белгилайди.

Бобир Ҳиндистон тахтида беш йилгина (1525—1530) ҳукмронлик қилди. У 1530 йил 26 декабрда 47 ёшида вафот этди, Аградаги Нурафшон боғига дафн этилди. Бир қанча вақтдан кейин, васиятига биноан, унинг жасади Кобулга кўчирилиб, Боғи Бобирга қўйилди. Ф. Энгельс Кобулни таърифлар экан, «Унинг бош ёдгорлиги император Бобирнинг мақбарасидир»[6], — деб кўрсатиб ўтган эди.

Бобирдан 4 ўғил (Муҳаммад Ҳумоюн, Комрон Мирзо, Мирзо Асқарий, Мирзо Ҳиндол) ва уч қиз (Гулрангбегим, Гулчеҳрабегим, Гулбаданбегим) қолган. Унинг ўғилларидан Ҳумоюн, қизларидан эса Гулбаданбегим ўзининг юксак фазилатлари, билими ва истеъдоди билан бошқаларидан ажралиб туради.

Бобирдан сўнг 25 йил (1531—1556) мобайнида унинг катта ўғли Ҳумоюн ва 50 йил давомида (1556—1605) Ҳумоюннинг ўғли — машҳур Акбар империя тахтини эгалладилар. Бу давр — XVI аср Ҳиндистон иқтисоди ва маданиятининг порлоқ даври бўлди. Акбарнинг ўлимидан сўнг 22 йил (1605—1627) унинг ўғли Жаҳонгир ва 30 йил (1628—1658) Жаҳонгирнинг ўғли Шоҳи Жаҳон ҳукмронлик қилдилар. Шундан сўнг тахт Шоҳи Жаҳоннинг ўғли Аврангзебнинг қўлига ўтди. У ўта кетган диний мутаассиб бўлиб, ўзининг 48 йиллик ҳукмронлиги даврида (1659—1707) ҳар қандай илғор ғоя ва санъат, нафосатни барбод этувчи шахс сифатида иш олиб борган. XVIII асрда Ҳиндистонда пайдо бўлган социал-иқтисодий шароит Бобирийлар шон-шуҳратининг қайта тикланишига имкон бермади. XIX асрнинг ўрталарида, Бобирийлар сулоласи тарих саҳнасидан тушиб кетди.

Шундай қилиб, Бобирийлар Ҳиндистонда 300 йил ҳукмронлик қилдилар. Заҳириддин Муҳаммад Бобир фаолияти янги сулоланинг бошланиши

---

[4] Гулбаданбегим, Ҳумоюннома, Тошкент, ЎзССР ФА нашриёти, 1959, 24—25-бетлар.

[5] Европа тарихий манбаларида ва унинг таъсири натижасида Шарқ мамлакатларида ҳамда Россияда Бобир ва унинг авлодлари давлатини «Буюк мўғуллар империяси» деб номлайдилар. Бу таъриф тарихий ҳақиқатга зиддир. Бундай номланишнинг хатолигини адолатли кўрсатиб ўтган академик В. В. Бартольд шундай деб ёзган эди: «Европаликлар Темур ва унинг авлодларининг келиб чиқишини мўғуллардан деб ҳисоблайдилар. Бобир сулоласини белгилаш учун «Буюк мўғуллар» номини ўйлаб чиқарганлар» (В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, 1925 г.).

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 77.

сифатида шуҳрат топган бўлса, Аврангзеб ҳукмронлиги унинг инқирозидан бир белгидир.

Заҳириддин Муҳаммад Бобир ўз даврининг баркамол фарзанди ва қомусий ақлга эга шахс бўлган. У ўзининг ғайрат-шижоати, ўткир ақли, нозик таъби, юмшоқ қалби, фаолиятининг кўпқирралилиги билан кишини ҳайратда қолдиради. У йирик давлат арбоби, саркарда, истеъдодли олим, дилбар шоир, санъат шайдоси ва соҳиби, оташин қалбли ватанпарвар эди. Бобирни шоҳлик салтанати кам қизиқтирар, мамлакатнинг ободончилигини таъминловчи марказлашган давлат тузиш ташвиши унга тинчлик бермас эди. У ҳақда 1960 йили Бобир фаолиятини ўрганувчи америкалик олим Гарольд Лэмб шундай деб ёзган: «...Бобир, Улуғбек Самарқандда тутгандек йўл тутди, ўзини фақат ҳукмрон шоҳ дебгина эмас, балки инсон, мамлакатни идора этишга жавобгар шахс деб билди... Унинг фавқулоддаги фазилатлари Акбардан бошланган буюк империясида бир умрга ўз изини қолдирди» [7].

Инглиз шарқшуноси Эдуард Гольден Бобир ҳақидаги мақоласида Бобир шахси ва фаолиятига юксак баҳо беради. Бобирда буюк қалб эгасига хос бўлган барча олижаноб фазилатлар мавжуд эди, унинг асарлари юксак даражада мукаммаллик касб этади, деб ёзади у. Гольден ўз фикрини давом эттириб агар Бобир даврининг ўзига хос хусусиятлари эътиборга олинса, саркарда Бобир, подшо ва адиб сифатида, Цезар билан бир сафдан ўрин олиши мумкинлигига шубҳа йўқ. Чунки, Бобир характери Цезар характерига нисбатан кўпроқ муҳаббат ва ҳурматга лойиқдир, деган эди.

Юксак ақл-идроки, букилмас иродаси ва ғайрат-жасорати туфайли Бобир Моваруннаҳрда эриша олмаган мақсадига Ҳиндистонда эришди. У Ҳиндистон тарихида буюк прогрессив роль ўйнаган марказлашган ҳинд давлатига асос сола олди.

Жавоҳарлал Неру унга юқори баҳо бериб, шундай ёзган эди: «Бобир уйғониш даврининг типик вакили, заковатли, довюрак ва тадбиркор шахс бўлган, у санъатни, адабиётни севган, ҳаёт нафосатидан лаззатлана билган» [8].

Агар биз Бобир фаолиятини ўз салафларига нисбатан даври учун, хусусан, Ҳиндистон учун келтирган фойдаси нуқтаи назаридан баҳолар эканмиз, қуйидаги шарт-шароитларга алоҳида эътибор бериш лозим бўлади: биринчидан — Бобир Ҳиндистонни забт этишда бошқа жаҳонгирлар каби забт этилган ўлкани ўз мамлакатини бойитиш учун талон-торож қилишни олдига мақсад қилиб қўймади; иккинчидан — Ҳиндистондаги тарқоқ феодал давлатларни аста-секин бир кучли империяга бирлаштира бориб, феодал ички урушлар ва сонсиз диний низоларга чек қўйди. Шу хизматлари билан Мирзо Бобир Ҳиндистон тарихида янги порлоқ даврга асос солди. Мамлакат фаровонлиги, маданият ва экономиканинг юксалишига кенг йўл очди. Жавоҳарлал Нерунинг: «Бобирнинг Ҳиндистонга келиши туфайли Ҳиндистонда буюк ўзгаришлар содир бўлди, санъат ҳаётида, меъморчилик ва маданиятнинг бошқа соҳаларида янгича серилҳом тараққиёт юз берди» [9], — деган сўзларида Ҳиндистон тарихида Бобир ва Бобирийларнинг ўрни ва роли ғоят равшан ва объектив баҳолангандир.

Бобир ўзининг қисқа ҳаёти давомида жуда катта адабий ва илмий мерос қолдириб кетди. У она тилиси бўлган ўзбек тилида ҳамда форс-тожик тилида ижод этди. Унинг музика ва ҳарбий ишга доир рисолаларидан бошқа ҳамма асарлари бизгача етиб келган. Булар орасида унинг машҳур шоҳ асари «Бобирнома» алоҳида аҳамиятга эга. «Бобирнома»—Темурийлар даври ўзбек классик прозасининг манзур намунаси ва XVI аср бошидаги

---

[7] Lamb Harold. An aspect of the character of Zahir ad-din Muhammad surnamed Babur, founder of the dynasty known as the great Mughuls of India, Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. III, М., ИВЛ, 1963, стр. 221.

[8] Дж. Неру. Открытие Индии, М., ИЛ, 1955, стр. 272.

[9] Там же.

ўзбек адабий тилининг нодир ёдгорлигидир. Ўз асарларини дабдабали, баъзан фавқулодда мураккаб, ҳадсиз-ҳисобсиз муболағалар билан яратган сарой тарихчилари Рашидиддин, Шарафиддин Али Яздий, Мирхонд ва Хондамирларга қарама-қарши Бобир ўз мемуарини гоятда оддий, оммабоп услубда, айни вақтда бениҳоят гўзал ва равон адабий тилда яратди.

«Бобирнома» XV асрнинг охири ва XVI асрнинг бошларидаги Ўрта Осиё, Афғонистон ва Ҳиндистон халқлари тарихи бўйича қимматбаҳо маълумотлар манбаи сифатида беш асрдан буён тарихчилар, шарқшунослар, этнографлар, археологлар, тилшунослар, адабиётшунослар, санъатшунослар, географлар, зоологлар, ботаниклар ва бошқа илм-маърифат аҳлларини баҳраманд қилиб келмоқда. Шу боисдан ҳам «Бобирнома»нинг XVIII асрдан бошлаб ўзбек тилидан лотин, голланд, француз, немис, инглиз, рус, ҳинд, усмонли турк тилларига таржима қилиниши тасодифий ҳол эмас. «Бобирнома» форсчага Акбаршоҳ саройида уч марта таржима қилиниб, шулардан энг муваффақиятлиси Байрамхоннинг ўғли Абдураҳимхон томонидан 1589 йил қилинган таржимадир. Аврангзеб замонасида «Бобирнома»нинг эски ўзбек тилидан қайта кўчиртирилган бир нусхаси фан оламида «Ҳайдаробод нусхаси» номи билан машҳурдир.

«Бобирнома»нинг энг қадимги ва мўътабар қўлёзмалари XVI асрнинг охирги чорагига мансуб бўлиб, Абдураҳимхоннинг форсча таржимасида бизгача етиб келган. Улар Акбарнинг сарой кутубхонасида етишган ҳинд миниатюра санъатининг усталари томонидан ишланган расмлар билан зийнатлангандир. Шундай қўлёзмалардан ҳозирги пайтда икки тўлиқ нусха мавжуддир: бири — Лондондаги Британия музейи қўлёзмаси (OR. 3714), кўчирилиш тарихи кўрсатилмаган, иккинчиси—Нью-Делидаги Миллий музейда сақланаётгани 1598 йили кўчирилган. Шу билан бирга «Бобирнома»нинг XVI аср охирида кўчирилиб, ҳозирда эса йўқолиб кетган яна бир нусхасидан йиртиб олинган, Москвадаги Шарқ халқлари маданияти музейининг мулки ҳисобланган 69 алоҳида миниатюралар ҳам бор. Бу 69 миниатюра 1960 йили санъатшунос профессор С. Тюляев томонидан Москвада нашр этилган [10].

«Бобирнома»нинг бизга маълум бўлган миниатюрали икки мўътабар қўлёзмаларидан энг тўлиғи ва миниатюралари ниҳоятда юксак маҳорат билан ишланган тенги йўқ нусхаси—Британия музейиникидир. Бу қўлёзмадаги миниатюралардан айрим намуналар миниатюра санъати мутахассислари ва мен томонимдан нашр этилгандир [11]. Ушбу альбомда мазкур қўлёзмадаги 93 миниатюра биринчи марта тўлиқ нашр қилинмоқда. Мен Британия музейига, хусусан менинг ҳурматли ҳамкасбларим англиялик профессор Базиль Грей ва Мередит-Оуэнсларга юқоридаги миниатюралар нусхасини олишга имконият яратиб берганликлари учун чуқур миннатдорчилик билдираман. Эндиликда улар Ўзбекистондаги Бобир авлодларининггина мулки бўлиб қолмасдан, Шарқ миниатюраларини ўрганувчи ва гўзалликни қадрловчи барча кишилар учун ҳам арзигулик бир бойлик бўлиб қолади.

Буюк ўзбек шоири Алишер Навоий ўз даврининг меценати, XV аср иккинчи ярмида Ҳиротда яшаб, ижод этган фан, адабиёт ва санъат намояндаларининг улкан ҳомийси эди. Ҳирот миниатюра санъати мактабига асос солган Шарқнинг гениал рассоми Камолиддин Беҳзод ҳам Алишер Навоий ҳомийлигида тарбия топган улуғ зотлардан биридир. Беҳзод ва унинг шогирдлари (Қосим Али, Мирак Наққош, Дўст Муҳаммад, Шоҳ Музаффар ва бошқалар) ижодида юксак босқичга кўтарилган миниатюра санъати,

---

[10] Миниатюры рукописи «Бабур-наме» (автор предисловия и составитель С. Тюляев), М., Государственное издательство изобразительного искусства, 1960.

[11] 1969 йил сентябрь ойида ЮНЕСКОнинг Темурийлар даври санъатини ўрганиш бўйича ўтказилган халқаро илмий симпозиуми муносабати билан «Бобирнома»нинг Британия музейи қўлёзмасидан танлаб олинган 32 миниатюра нашр этилди («Бобирнома» расмлари, тузувчи Ҳамид Сулаймон, Тошкент, «Фан» нашриёти, 1969).

Султон Ҳусайн Бойқаро ҳукмронлиги 1506 йилда мағлубиятга учрагач, унинг кейинги эволюцияси Ўрта Осиё, Эрон ва Ҳиндистонда давом этади. XVI асрда Марказий Осиёнинг қатор шаҳарларида бадиий қўлёзма ва миниатюра санъатининг янги мактаблари пайдо бўла бошладиким, уларда Беҳзод яратган Ҳирот мактабининг энг илғор анъаналари маҳаллий санъаткорлар маҳорати билан бойитилган ҳолда янги мазмун, янгича сайқал касб этади.

Шарқ миниатюра санъати тарихида қатор мактабларни ўзига бириктирувчи тўрт асосий давр мавжуд: 1. Темурийлар даври — Хуросон ва Мовароуннаҳр (Ҳирот, Самарқанд, Табриз, Шероз мактаблари), 2. Сафавийлар даври — Эрон (Шероз, Табриз, Машҳад, Исфахон мактаблари), 3. Шайбонийлар даври — Ўрта Осиё (Бухоро, Самарқанд мактаблари), 4. Бобирийлар даври — Ҳиндистон (Агра, Деҳли мактаблари).

XVI—XVII асрлардаги ҳинд миниатюралари ҳозиргача кўпчилик олимлар томонидан эски анъанага кўра «Буюк мўғуллар» миниатюраси деб номланиб келади. Ҳақиқатга зид бўлган «Буюк мўғул» термини ўрнига «Бобирийлар» даври миниатюраси деган янги терминни илмда қўлланишини тарихий жиҳатдан тўғри ва адолатли деб ҳисоблаймиз.

Бобирийлар, ҳақиқатда, Темурийлардан бўлиб, Темурийлар сулоласининг Ҳиндистондаги давом эттирувчиларидир. Мовароуннаҳр ва Хуросонда Темурийлар давлатининг прогрессив моҳиятини очиб берган академик И. М. Мўминов уларнинг Ҳиндистондаги авлодлари ҳақида шундай деб ёзган: «...Айниқса Бобир билан Акбаршоҳ Ҳиндистонда, Темур даврида Ўрта Осиёдаги иқтисодий ва маданий тараққиёт натижасида пайдо бўлган энг яхши анъаналарни давом эттирдилар»[12]. Ҳирот ҳамда ўз ватани — Ўрта Осиё санъати, адабиёти ва маданиятини ўткир билимдони Заҳириддин Муҳаммад Бобир Ўрта Осиё ва Эрон билан Ҳиндистон ўртасида актив алоқалар ўрнатиб ҳинд маданиятининг янгича юксалиш йўлига бошлади.

Эрон ва Ўрта Осиё халқлари санъатининг Ҳиндистон санъатига баракали ижобий таъсири ўзининг ажойиб самараларини берди. Хусусан, Бобирийлар даври ҳинд миниатюраси Темурийлар, Сафавийлар ва Ўрта Осиё мактаблари билан маҳаллий ҳинд мактаблари анъаналарининг ижодий синтези сифатида туғилди.

Бобирнинг ўғли Ҳумоюн Ҳиндистондаги ғалаёнлар пайтида Сафавийлар сулоласидан бўлган шоҳ Тахмасп томонидан самимият билан кутиб олинади ва у бир қанча вақт Қазвин ва Табризда истиқомат қилади. Ҳумоюн Табризда бўлган пайтида расм санъати билан жуда қизиқади, Беҳзод шогирдларининг буюк ва ҳайратомуз асарлари уни мафтун этади. Шоҳ Тахмасп саройида Ҳумоюн машҳур рассомлар Мир Саид Али Табризий ва Хожа Абдусамад Шерозийлар билан танишади ва 1550 йили Ҳиндистонга қайтганида бу икки рассомни ўз саройига олиб кетишга муяссар бўлади. Беҳзоднинг шогирди Мир Саид Али Табризий Ҳинд миниатюраларига Темурийлар даври Ҳирот миниатюра мактаби анъаналарини олиб кирган бўлса, Сафавийлар даври Эрон миниатюраси анъаналари Ҳиндистонга Хожа Абдусамад орқали ўтган. Шундай қилиб, бу икки санъаткор Бобирийлар миниатюра мактабини Темурийлар, Сафавийлар мактаби билан узвий боғловчи ҳалқа вазифасини бажарган.

Мир Саид Али Табризий ва Хожа Абдусамад Шерозийлар Бобирийлар миниатюра санъатига асос солдилар, сарой кутубхонаси қошида Ҳумоюн томонидан ташкил қилинган миниатюра санъатининг янги мактабига йўлбошчилик қилдилар. Ҳумоюннинг ўлимидан кейин тахт унинг ўн тўрт яшар ўғли Акбарга ўтади. Акбар империя тахтини пухта эгаллагач, Бобирийлар миниатюра мактабининг тараққиётига алоҳида аҳамият беради. Ҳиндистонда янги миллий маданият яратиш вазифасини ўз олдига

---

[12] И. Мўминов. Амир Темурнинг Ўрта Осиё тарихида тутган ўрни ва роли. Тошкент, «Фан» нашриёти, 1968, 44-бет.

мақсад қилиб қўйган Акбар ҳинд, форс ва турк халқларининг миллий анъаналарига чуқур ҳурмат билан қарайди, дин эркинлигини эътироф этувчи ва турли миллатлар орасида дўстлик муносабатларини таъминловчи сиёсат юритади. Ўз маслакларини амалга ошириш учун Акбар адабиёт ва санъатдан кенг фойдаланади. Шу йўл билан Темурийлар ва Сафавийлар миниатюра санъати анъаналари асосида Ҳиндистонда янги мазмун ва янги руҳ билан бойитилган миниатюра санъатининг янги услуби пайдо бўлади.

Акбар санъатни юксак даражада қадрловчи фасоҳат эгаси ва маҳоратли рассом бўлган (Эроннинг Салтанат кутубхонасидаги «Мураққаъи Гулшан» альбомида ёш Акбарнинг расм чизаётган ҳолатини акс эттирувчи сурат бор). Бир муносабат билан Акбар, кўп кишилар расм санъатини ёмон кўради, мен бундай одамларни ҳуш кўрмайман, деган эди. Исломнинг жонли мавжудот суратини чизишни тақиқлашига қарамай, Акбар тасвирий санъатнинг маърифий ва эстетик-тарбиявий аҳамиятини юксак баҳолайди. Бу ҳақда Акбарнинг вазири Абул Фазл ўзининг «Ойини Акбарий» асарида, Акбар ёшлигидан бошлаб тасвирий санъатни нафосат ва гўзалликнинг муҳим соҳаси ҳисоблаб, унга зўр қизиқиш билан қараганини ва уни ҳар хил йўллар билан қўллаб-қувватлаганини, тақдирлаганини ёзади. Абул Фазл ўз фикрини давом эттириб, ҳинд рассомларининг маҳоратини баён қилар экан, деталлардаги аниқликни, расмдаги умумий тугалланганликни, ижродаги балоғат маҳоратини таъкидлаб, Акбар замонидаги миниатюра санъатининг ўтмишдаги ҳинд санъатидан юксаклиги ва беқиёс даражада фарқланишини кўрсатиб ўтади.

Бобирийлар санъатининг сермаҳсул тараққиётида Акбарнинг маърифатпарварлиги, санъатга бўлган шахсий иштиёқи ва ижодкорларга бўлган ҳомийлиги алоҳида диққатга сазовордир. Бунинг ёрқин далилларидан бири шуки, Акбар фармони билан Амир Ҳамза ривоятларини расмлар билан безатиш учун Беҳзод мактабининг 50 санъаткори жалб этилиб, 12 жилдлик ривоятлар тўплами 1700 миниатюра билан безатилгандир. Абул Фазлнинг «Ойини Акбарий» асаридаги маълумотларга қараганда, Акбар саройида турли миллатга мансуб бўлган 145 санъаткор ишлаган.

1573 йилда Акбар Кужаротдан уч миниатюра рассоми—Жаганнот, Тара Чанд ва Санвал Дасларни ўзининг сарой рассомлик корхонасига олиб келади. Шундан сўнг Кашмир, Панжоб, Рожипут ва бошқа вилоят рассомлари ҳам саройга тортилади. Улар расм санъати бобида Мир Саид Али ва Абдусамадлардан таълим оладилар, ҳашаматли қўлёзмаларга расмлар чизадилар. Акбар саройидаги расм мактабининг кўзга кўринган маҳоратли вакиллари Дасвант, Басавон, Лол, Устод Мансур, Кесу, Мукунд, Давлат, Мискин, Фарруҳбек Қолмоқ, Мадҳу, Жагон (Жаганнот), Моҳиш, Ҳамракон, Тара Чанд, Санвал Дас, Ғарибанс, Рам ва бошқалар бўлган. Айниқса, Дасвант ва Басавон асарлари юксак қадр-қиммат топган. Ҳайвонот дунёсини тасвирлашда Устод Мансур беназир эди, бу соҳада ҳеч ким унга тенглаша олмаган. Шу «Бобирнома» даги Ҳиндистон табиат манзараларини ва ҳайвонот дунёсини акс эттирувчи 32 миниатюранинг кўпчилиги устод Мансур мўйқаламига мансуб бўлиб, улар санъаткор реализми ва маҳорат кучини намойиш қилади.

Ҳинд рассомлари эски анъана тусини олган диний шартлиликдан қочиб, Бобирийлар миниатюра санъатига инсон характерини, унинг ички руҳий дунёсини ифодаловчи портрет жанрини олиб кирди; Темурийлар ва Сафавийлар услуби эса ҳинд миниатюраларининг нақшли ва рангли лавҳаларида, композициясида намоён бўлди.

Император Жаҳонгир ҳам отаси каби расм санъатига қизиқади. Миниатюра санъати асарларини, бадиий безатилган қўлёзмаларни ва альбомларни зўр иштиёқ билан йиғувчи коллекционер бўлган Жаҳонгир мунтазам равишда Эрон ва Ўрта Осиёга қўлёзмалар ва бошқа санъат асарларини сотиб олиш учун ўз одамларини юбориб турган. Унинг қўлига тушган барча санъат ёдгорликлари қатъий равишда рўйхатга олинган, тавсифи ва таснифи тузилган.

Жаҳонгирнинг сарой кутубхонасида отаси Акбар давридаги кўп рассомлар ўз ишларини давом эттирдилар. Шу билан бирга бу кутубхонага янги ҳинд рассомлари Маноҳар, Бишндас, Хунхор, Анупчатар, Читарман, Балчанд, Бичитр ва бошқаларни; эронликлар ва Ўрта Осиёдан Абул Ҳасан, Мир Ҳошим, Муҳаммад Фақир Оллоҳхон ва бошқалар жалб этилган. Улар орасида маҳоратда отасидан ҳам ўтиб кетган ҳиротлик Оға Ризонинг ўғли Абул Ҳасан олий балоғат ва фазилатлари билан алоҳида кўзга ташланиб турар эди. «Жаҳонгирнома» китобининг бошидаги зарварағига Абул Ҳасан томонидан ишланган Шоҳи Жаҳоннинг тахтга чиқиш маросимини тасвирловчи расмга императорнинг ўзи баҳо бериб, Абул Ҳасан санъаткор сифатида «Нодир аз-замон, унинг асарлари эса замоннинг шоҳ асарларидир», деган эди.

Бобирийлар мактаби Ўрта Осиё ва Эроннинг етук санъаткорлари билан доимий тўлдирилиб турилди. Жаҳонгир саройида ишлаган самарқандлик Муҳаммад Нодир ва Муҳаммад Мурод Самарқандийлар бунинг ёрқин мисолидир [13].

Шоҳи Жаҳон даврида ҳам Бобирийлар мактаби ўз тараққиётини давом эттирди, янги-янги рассомлар етиша бошлади. Жаҳонгир даври рассомлари ижодида портрет жанри етакчи ўринни эгаллайди.

Бобирийлар миниатюра санъати мактаби пайдо бўлганга қадар шимолий-жанубий Ҳиндистонда, ўзига хос маҳаллий, Ражипут миниатюра санъати тараққий қилган эди. У XV асрда ва XVI асрнинг бошларида Гужаротда ўз тараққиётининг олий чўққисига чиққан. Ражипут расм санъати, диний характерига қарамасдан, ўзининг ғоявий мазмуни жиҳатидан чуқур халқчил бўлиб, одамларнинг ирқий келиб чиқиши ва диний эътиқодларига қарамасдан барча халқларнинг урф-одатларига нисбатан меҳр-муҳаббат, ҳурмат ва қардошлик туйғусини тарғиб қилган. Кейинчалик Ражипут миниатюраси Темурийлар ва Сафавийлар миниатюра санъатининг энг яхши анъаналари билан қўшилиб Бобирийлар мактаби ҳинд миниатюра санъатининг янги синтезини ташкил қилди ва юқори нафосат ҳам балоғат босқичига кўтарилганини жаҳонга намойиш этди.

Бобирийлар сарой кутубхонасидаги тасвирий санъат ишларига Ўрта Осиё ва Эроннинг йирик санъаткорлари раҳбарлик қилиб, янги услубнинг шаклланишида етакчи бўлишига қарамасдан, Бобирийлар миниатюрасининг бош ижодкорлари ҳинд санъаткорлари бўлган, улар орасида ражипутликлар етакчилик қилгандир. Акбар, Жаҳонгир ва Шоҳи Жаҳоннинг кутубхона ва корхоналарида Гужарот, Кашмир, Панжоб ва Ҳиндистоннинг бошқа жойларидан келган жуда кўп санъаткорлар ишлаган.

XVI—XVII асрларда Бобирийлар ҳинд маданияти тараққиётида жуда катта роль ўйнайдилар, шу даврда яратилган санъат мўъжизалари ҳанузгача бутун инсониятни ҳайратга солиб келади. Буларнинг барчаси жамиятнинг социал-иқтисодий шароити билан бир қаторда Бобирийларнинг маърифатпарварлиги ва юксак эстетик идеаллари билан изоҳланади.

Бобирийлар даври миниатюра санъати ўз тематикасининг дунёвий характери ва ўзига хос реализми билан ўзидан олдин ўтган диний мазмундаги ҳинд расм санъатидан ажралиб туради. Бобирийлар миниатюрасининг реализми, ҳаққонийлиги ва дунёвий мотивлари Ўрта Осиё тасвирий санъати таъсирининг натижасидир. Шу билан бирга Бобирийлар даври миниатюра санъати бошқа Шарқ миниатюралари сингари китобларнинг ички мазмунини очиб беришга хизмат қилади. Тарихий эпизодларни, географик ва этнографик фактларни тўла эътиборга олиш туфайли воқеликни аниқ ва ҳаққоний акс эттиришни ўзига вазифа қилиб қўйган ҳинд санъаткорлари

---

[13] Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг Абу Райҳон Беруний номли Шарқшунослик институтида Фирдавсий Шоҳномасининг 964=1556-57 йилларда Хоразмда кўчирилган нодир қулёзмаси инв. № 751 рақами билан сақланади. Бу қўлёзма Муҳаммад Мурод Самарқандий томонидан бажарилган 116 миниатюра билан безатилгандир.

бундай вазифаларни маҳорат билан бажарадилар. Акбар, Жаҳонгир ва Шоҳи Жаҳон саройидаги корхоналарда санъаткорлар қуйидаги китобларга расмлар ишлаб зийнатлаганлар: «Ойини-Акбари» (Акбар ўгитлари), «Акбарнома», «Темурнома», «Амир Ҳамза» («Амир Ҳамза ҳақида ривоятлар»), «Жамъ ат-таворих» («Умумий тарих»), «Тарихи Ауфий» («Ауфий тарихи»), «Зафарномаи Темурий» («Темур ғалабалари китоби»), «Шоҳнома», «Доронома», «Жаҳонгирнома», «Бобирнома» ва бошқалар.

Британия музейидаги Бобирнома қўлёзмасида 96 миниатюра ва китобнинг бошланишида икки саҳифали зарварақ расм бор. Қўлёзманинг формати 21×32,5 см. бўлиб, кўпчилик миниатюраларнинг формати 15,5×28 см. дир. 96 миниатюрадан иккитаси рангсиз график расм шаклида бўлиб, тугалланмаган. 4, 15, 18, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 78 миниатюралардан ташқари ҳамма расмларда рассомлар имзоси бор. «Бобирнома» расмларидаги санъаткорларнинг номи Ҳирот, Бухоро, Самарқандлик санъаткорларда бўлгани сингари уларнинг ўз қўли билан расм орасига ёзилмай, расмларнинг пастки ҳошиясига бошқа киши томонидан қирмизи сиёҳ билан настаълиқ хатида ёзиб қўйилгандир. Ҳамма расмлар ва қўлёзма тексти турли рангдаги сиёҳ ва олтин чизиқли жадваллар ичига олинган. 62 сюжетли миниатюра одатдан ташқари кўшимча новвотранг ипак қоғоз ҳошияларига тилло суви билан ишланган нақшли рамкаларга олинган. Барча расмлар яхши сақланган.

«Бобирнома»га ишланган расмларга қўйилган 81 имзодан шу нарса аниқки, «Бобирнома» расмларини ишлашда Акбар саройидаги рассомлардан 41 йирик санъаткор (кўрсаткичга қаранг) қатнашган бўлиб, улар орасида Кесу Кужароти, Рас, Дахнирож, Сангар Кужароти, Сорун, Тарё, Баҳвоний, шунингдек Ўрта Осиёлик ва эронлик Устод Мансур, Иброҳим Наққош, Абдуллоҳ, Фарруҳбек, Жамшид, Иброҳим Қаҳҳор ва бошқалар, айниқса, ажралиб туради.

Британия музейидаги «Бобирнома» қўлёзмасидаги расмларда мавжуд бўлган санъаткорларнинг имзолари (проф. С. Тюляев томонидан нашр қилинган Москва миниатюралари коллекциясида, имзолар йўқ) Ҳиндистондаги Бобирийлар санъати тарихини бундан кейин ўрганиш учун ҳам муҳим аҳамиятга эгадир. Биргина «Бобирнома» қўлёзмасини безатиш учун Акбар саройидаги 40 дан ортиқ рассомларнинг иштирок этиши Бобирийлар даври ҳинд рассомлик санъатининг ижодий қудрати нақадар буюклигини кўрсатувчи яққол фактдир.

«Бобирнома» расмларини тематик мавзу жиҳатидан қуйидаги гуруҳларга ажратиш мумкин: тарихий воқеалар — 15 миниатюра (4, 7, 11, 12, 16, 17, 21, 23, 28, 29, 47, 87, 88, 95, 96); турмуш манзаралари — 13 миниатюра (5, 6, 24, 25, 26, 27, 48, 49, 54, 90, 92, 93, 94); ҳарбий лавҳалар — 21 миниатюра (8, 9, 10, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 30, 31, 38, 39, 40, 41, 44, 53, 89, 91); ов манзаралари — 6 миниатюра (42, 43, 46, 50, 51, 52); зиёфат — 7 миниатюра (32, 33, 34, 35, 36, 37, 45); ҳайвонот дунёсидан — 5 миниатюра (55, 56, 57, 58, 59); паррандалар — 12 миниатюра (60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71); денгиз ҳайвонлари — 4 миниатюра (72, 73, 74, 75); ўсимликлар — 11 миниатюра (76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86).

Барча миниатюралардан фақат 21 таси ҳарбий юриш ва жанг лавҳаларини ифодалайди. Қолган 73 тасида Ҳиндистоннинг ҳайвонот ва ўсимликлар дунёси, зиёфат, ов, турмуш манзаралари, тарихий воқеалар ёрқин ва ишонарли қилиб тасвирланган. Ҳар бир расмнинг мазмуни альбом иловасида «Бобирнома»дан келтирилган парчалар[14] орқали тўлиқ ифодалангани учун биз уларнинг алоҳида тасвирини беришни ортиқча деб билдик.

---

[14] Бобир Заҳириддин Муҳаммад. Бобирнома, Тошкент, ЎзССР Фанлар академияси нашриёти, 1958; Бабур Захириддин Мухаммед, Бабур-наме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958; Beveridge A. The Babur-name in English (Memoirs of Babur) by Zahir ud-din Mohammad Babur Padshah Ghazi, translated by Anette S. Beveridge, vol. I, II, London, 1921.

«Бобирнома» миниатюралари реализми, воқеаларнинг жонли берилиши ва ҳаққонийлиги билан кишини ҳайратга солади.

Санъаткор, китобдаги текст мазмуни билан чекланганига қарамасдан, асосий воқеани танлаб олиб, шу воқеа атрофида барча зарурий тарихий, географик, этнографик омиллардан унумли фойдаланган ҳолда бир бутун, тугалланган ижодий композиция яратади. Шулар туфайли рассом ўз даври типик қаҳрамонларини типик шароитларда кўрсата олишга муяссар бўлган. Кесу Кужароти, Устод Мансур, Нанд Кувалёри, Сангар Кужароти, Фарруҳбек, Хусрав Қули, Сарун, Рас, Иброҳим Наққош ва бошқа санъаткорлар ўзларининг нафис ва жозибадор расмларини худди шу услубда яратганлар. Ҳинд санъаткорлари нафосатни, расм ва бўёқлар мувозанатини ажойиб сезиш ва рангларни танлай билиш қобилиятига эга бўлганликлари туфайли даврнинг руҳи, гўзаллигини конкрет-ҳиссий шаклларда гавдалантира билганлар.

Бобирийлар даври ҳинд миниатюралари Темурийлар ва Сафавийларникидан ўз бадиий услуби, эстетик нормалари билан аниқ ажралиб туради. Шарқ миниатюраларининг шартлилигидан — кичик бир сатҳда (китоб варағи сатҳида) бутун бир воқеани ёки эпизодлар туркумини тасвирлаш заруриятидан — «Бобирнома» рассомлари моҳирлик билан фойдаланганлар. Мураккаб воқеаларни тўлиқ ифодалаш учун дастлаб улар уч-тўрт эпизодга ажратилади. Ҳар бир эпизод бўйича мустақил композиция яратилади. Улар китоб саҳифасининг пастидан юқорига қараб жойлаштирилади. Ҳар бир композиция таркибига кирадиган манзаралар архитектура элементлари, тоғлар, адирлар, дарёлар, ўсимликлар ёки текст парчалари ёрдамида бир-биридан ажралиб туради. Айни вақтда ҳар бир композиция ўз мустақиллигини сақлагани ҳолда бир-бири билан мантиқий боғланиб, асар мазмунини очиб берувчи бир бутун полотнони ташкил қилади. Масалан: Бобирнинг ўз синглиси Хонзодабегим билан учрашуви (7-миниатюра) тўрт планда берилган. Биринчи планда — Бобир ва унинг кузатувчиси Муҳаммад Кўкалдошларнинг отини хизматкор ушлаб тургани; иккинчисида — Бобир ва Муҳаммад Кўкалдошнинг Хонзодабегим билан суҳбати; учинчисида — юқорида ўнг томонда, саройнинг кўриниши; тўртинчи планда эса Ҳиндистон табиати берилган. 41-миниатюрада Бобирнинг Кобулда бўлиши уч планда — шаҳар дарвозаси, шаҳарнинг ички қисми ва қалъа мудофааси тарзида кўрсатилган. Бобирнинг касаллигини ифодаловчи 16-миниатюрада, биринчи планда — меҳмонларни дарвозада кутиб олиш, иккинчисида — саройнинг биринчи ярми, учинчисида — саройнинг иккинчи ярми ва хаста Бобирнинг ётган жойи, тўртинчисида — Ҳиндистон табиатининг дилбар кўриниши тасвирланган.

Санъаткорга кенг ижодий имкон берувчи композициянинг бундай кўп планлилиги 30 та миниатюрада учрайди. Китоб саҳифаларидаги фавқулодда чекланган кичик сатҳда сюжетни ана шундай кўп планда тараққий эттира билиши туфайли Ҳинд рассомлари «Бобирнома» расмларида ўзларининг юксак маҳоратларини намойиш қилганлар. Бадиий приёмларнинг шартлилиги турли-тумандир. Тасвирдаги кўп планлилик усули инсон гавдасини иморатлар, тоғлар масштабига нисбатан онгли равишда катта қилиб ишлашга мажбур қилади, одамларнинг бети, деярли ҳамма вақт ён томондан чизилади ёки юзининг тўртдан уч қисми берилади.

Композиция мувозанати бутунисича ритм қонунияти билан шартлангандир. Инсон қомати, ҳайвонлар, ўсимликлар, турли манзаралар тасвирини қоғоз сатҳига жойлаштиришдаги ритмга қатъий риоя қилиш, расм ритми—имо-ишорани, ҳаракатни жонли бера билиш, бўёқлардаги ички монандлик, ҳинд рассомларига хос бўлган гўзалликни ажойиб сеза олиш фазилатлари «Бобирнома» расмларини Шарқ санъатининг ўлмас обидаларидан бирига айлантирган.

Ҳирот, Бухоро, Самарқанд, Шероз ва Табриз миниатюра санъатининг маҳорати ва энг яхши анъаналарини ижодий ўзлаштирган Бобирийлар

даври санъаткорлари Ҳиндистон учун типик бўлган қаҳрамонларни яратди. «Бобирнома» миниатюраларида тасвирланган ҳамма кишиларнинг юзи, кўзи, мўйлови, соқоли, кийими, оёқ кийими, белбоғи, салласи типик ҳиндчадир. Улар ўз қиёфалари билан Темурийлар ва Сафавийлар миниатюралари қаҳрамонларидан тубдан фарқ қилади.

Шуни алоҳида қайд қилиш керакки, ҳинд расм санъатида яратилган ва анъана тусини олган услуб Бобирнинг Мовароуннаҳрдаги фаолиятини ҳаққоний ифодалашга йўл қўймаган. Бобирнинг Андижон тахтига чиқишини, унинг Шайбонийларга қарши Самарқанддаги жангини, синглиси Хонзодабегим билан Бобирнинг Ҳиротдаги учрашувини, Бадиуззамоннинг зиёфатидаги пайтини кўрсатувчи миниатюраларда ўрта осиёлик одамлар ҳам ҳиндлар қиёфасида тасвирланган. Самарқанднинг, Ҳиротнинг ўзига хос ҳашаматли меъморчилик ёдгорликлари, мевазор боғлари ва сайргоҳлари ҳинд архитектураси, табиат ва ҳайвоноти ҳамда ўсимликлар дунёси билан алмаштирилган.

«Бобирнома» қаҳрамонлари орасида кўпчиликни тарихий шахслар эгаллайди, айниқса асосий ўринни император Бобирнинг образи ишғол қилади. 96 миниатюрадан 46 тасида (4, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 87, 90, 91, 92, 94, 95, 96) Бобир Мирзо турли ҳолатларда тасвирланган. Шуниси муҳимки, Бобирнинг тахтда ўлтирган сурати, жанг майдонларида, овда, зиёфатда, кишилар билан бўлган суҳбатларда, Ҳиндистон бўйлаб саёҳатда ва бошқа расмларда бир киши қиёфаси ифодаланади. 46 миниатюранинг марказида буюк куч-қудратга тўла, иродали, жасур, довюрак, шу билан бир вақтда руҳий дунёси бой, меҳрибон қалбли ва юмшоқ нигоҳли дилбар киши сиймосини кўрамиз. Бу — атоқли давлат арбоби, саркарда, олим ва шоир бўлган Бобирнинг реалистик портретларидир. Бошқача қилиб айтганда 46 миниатюрадаги бир хил сиймо Бобирнинг боғда китоб ўқиб ўтирган пайтдаги машҳур портретига беандоза ўхшайди[15]. Бу портрет мазкур альбомга қўшимча тарзда нашр қилинди. Биз Бобирнинг мазкур расмларини фақат ҳаққонийгина эмас, балки қуйидаги сабабларга кўра энг ишончли ҳам дейиш тарафдоримиз. Сабаблари: биринчидан — Бобир 1530 йилда вафот этди. «Бобирнома»нинг Британия қўлёзмаси миниатюралари эса унинг вафотидан 50 йил кейин яратилган. Бинобарин, XVI асрнинг 80 йилларида император Бобирни кўрган, билган сафдошлари ва таниш кишилари, албатта, бўлган. Бу кишилар Бобир шахсиятининг жонли гувоҳи сифатида рассомлар учун ишончли консультант бўлганлар. Иккинчидан — ўз даврининг олимлари, шоирлари, рассомлари ва хаттотларига ҳомийлик қилган, санъатни юксак даражада қадрлаган Бобирнинг ҳаётлиги даврида олинган портрети мавжуд бўлишига шубҳа бўлмаслиги керак. Заҳириддин Муҳаммад Бобирнинг ҳаёт даврида яратилган ана шундай портретлар Британия қўлёзмаларидаги миниатюраларда яратилган бир-бирига айнан ўхшайдиган портретларга асос қилиб олинган бўлиши табиийдир. Учинчидан—гўзалликнинг шайдоси, рассомлик истеъдодига эга бўлган Акбар империянинг асосчиси — ўзининг севимли бобоси портретига бефарқ қараши мумкинмиди? Албатта, йўқ. Бобирнинг тарихий шахс сифатида конкрет образларининг бузилишига ва ҳақиқатдан узоқ портретни «Бобирнома»нинг мўътабар нусхасидан ўрин олишига Акбарнинг йўл қўйиши асло мумкин эмас эди.

Юқорида айтилганларнинг ҳаммаси ва Акбар саройида ишланган ҳамма портретларнинг бир-бирига ўхшашлиги Бобирнинг ҳаёт вақтида яратил-

---

[15] Бобирнинг мазкур альбомга қўшиб нашр эттирилган бу портрети Британия музейида сақланмоқда. Инв. I БМ 1921-10-11-03, формати 12,8×18 см. Шарқ миниатюраларининг таниқли тадқиқотчиси И. Шчукин уни XVII асрнинг йигирманчи йилларида яратилган деб ҳисоблайди.

ган ва Бобир сиймосининг кейинги даврлардаги талқинига асос бўлган ишончли портрети мавжуд бўлганлигидан далолат беради [16].

Мазкур альбомдаги «Бобирнома» расмлари ўзида Самарқанд, Ҳирот, Бухоро, Табриз, Шероз ва маҳаллий ҳинд мактабларининг энг яхши анъаналарини ўзига ижодий сингдирган ҳинд тасвирий санъатининг тенги йўқ нодир намуналари бўлиши билан бирга XVI аср охирларидаги Акбар даврида яратилган ҳинд миниатюра санъатининг юксак даражадаги янги услубини ҳам намойиш қилади.

Бобирийлар сулоласининг Ҳиндистондаги ҳукмронлигининг прогрессив моҳияти тўғрисида Шарқ ва Ғарб тарих фани бой адабиётга эга. Бироқ, Бобир ва Бобирийларнинг тарихий хизматларини баҳолашда В. И. Ленининг тарихда шахснинг роли ҳақида айтган машҳур сўзлари ягона ўлчов бўлиши керак. В. И. Ленин: «Тарихда ўтган арбобларнинг кўрсатган тарихий хизматлари тўғрисида ҳукм чиқарганда, уларнинг ҳозирги замон талабларига нисбатан тўғри келадиган нарсалар *берганликларига* қараб ҳукм чиқарилмайди, балки уларнинг ўзларидан аввал ўтганларга нисбатан қандай *янгиликлар берганликларига* қараб ҳукм чиқарилади» [17], — деб ёзган эди.

Машҳур ижтимоий-сиёсий арбоб Жавоҳарлал Неру Бобирийларнинг Ҳиндистон тарихидаги ролига худди ана шундай илмий объектив баҳо берган эди. У ўзининг «Ҳиндистоннинг кашф этилиши» китобида Заҳириддин Муҳаммад Бобирнинг шахсини юксак баҳолаб, Акбар ҳақида шуларни ёзган: «Унинг набираси Акбар яна ҳам жозибали ва янада юксак фазилатларга эга бўлган. У довюрак ва жасур, талантли саркарда ва айни вақтда олижаноб табиатли, эзгу тилаклар эгаси бўлиши билан бирга ҳаракатчан ва доҳий, ўз издошларининг фидокорона садоқатига сазовор киши бўлган. Саркарда сифатида Ҳиндистоннинг бепоён ерларини забт этди. Бироқ, у бошқа нарсани яна ҳам мустаҳкамроқ забт этишни—одамларнинг ақли ва қалбини ишғол қилишни орзу қилди. Акбар саройида бўлган португалиялик бир арбобнинг таърифича, унинг қарашлари мафтункор кучга эга бўлган, кўзлари «қуёш билан ёритилган денгиздек порлаган». — Ўз фикрини давом эттириб ёзади Неру. — Акбар фақат сиёсий жиҳатдан ягона давлат тузиш билан чекланган эмас, балки у Ҳиндистоннинг бирлиги ҳақидаги, бир халқ бўлиб яшаши тўғрисидаги асрий орзусини рўёбга чиқарди. 1556 йилдан бошланган, ўзининг деярли 50 йиллик узоқ ҳукмронлиги даврида у ана шу мақсадга интилди» [18].

Мазкур альбомда нашр этилган «Бобирнома» расмлари ўзининг фавқулотда бадиий, тарихий ва маърифий қиммати билан бир қаторда Акбар ҳукмронлиги даврида Бобирийлар яратган бадиий меросдан кичик бир намунагинадир.

Темурийлар, Сафавийлар ва Бобурийлар даври санъат обидалари ва улар ҳақидаги янги-янги тадқиқотларнинг нашр этилиши бу юксак маданият меросхўрлари бўлмиш Марказий Осиё халқлари ўртасидаги, узоқ тарихга эга бўлган, дўстлик ва ҳамкорлик анъаналарининг яна ҳам гуллаб ривожланишига хизмат қилиши шубҳасиздир.

---

[16] Москвадаги Шарқ халқлари маданияти музейи коллекциясидан танлаб олиниб, профессор С. Тюляев томонидан нашр қилинган, «Бобирнома» қўлёзмаси миниатюраларидаги Бобирнинг 30 портрети ҳам мазкур альбомдаги портретларга айнан ўхшашдир. Бу ҳам биз чиқарган хулосаларнинг тўғрилигини яна бир бор исботлайди.

[17] В. И. Ленин. Асарлар, 2-том, 190-бет.

[18] Дж. Неру. Открытие Индии, стр. 272.

ИСКУССТВО МИНИАТЮРЫ ЭПОХИ БАБУРИДОВ

В истории народов Центральной Азии эпоха Тимуридов особо отличается известным развитием социально-экономических отношений, политического строя и культуры [1]. Академик АН УзССР И. М. Муминов дает следующую научно объективную оценку роли и места Тимура в истории Средней Азии: «Появление Тимура в Средней Азии из семьи бека барласа Тарагая в кишлаке Ходжа-Ильгара было чистой случайностью. Но именно такая личность была потребностью времени, потребностью эпохи, она была необходима стране, раздробленной между феодальными удельными князьями улуса Чагатая, разрозненной, бесконечно терзаемой беспрерывными нашествиями монгольских ханов и беков Золотой Орды, измученной в течение 150-летнего иноземного господства. Тимур как государственный деятель отражал в известной мере эту потребность создать централизованное, независимое государство в Мавераннахре» [2].

Эпоха Тимуридов, которая отличалась весьма сложными социально-историческими противоречиями и тяжелой эксплуатацией трудового народа, в то же самое время обеспечила такой высокий уровень развития всех областей человеческого знания, какой только мог быть в условиях развитой формы феодальных отношений.

Целая плеяда великих умов народов Средней Азии жила и творила именно в этот период. Всему миру известны имена историков: Шарафиддина Али Язди, Ибн Арабшаха, Мирхонда, Хондамира, Давлетшаха Самарканди; ученых: Улугбека, Али Кушчи, Кази-заде Руми; философов-поэтов: Абдуррахмана Джами, Алишера Навои, Лютфи, Саккаки, Атаи; художников: Бехзада, Касым Али, Мирак Наккаша, Махмуда Музаххиба; каллиграфов: Султанали Мешхеди, Султана Мухаммеда Хандана, Мухаммед бин Нура, Дервиш Мухаммед Таки и многих других.

Последним представителем этой плеяды был потомок Тимура — выдающийся узбекский поэт, ученый, государственный деятель Бабур.

Захириддин Мухаммед Бабур родился в 1483 г. 14 февраля в городе Андижане. Отец его, Умаршейх Мирза — правнук Амира Тимура — был правителем Ферганских владений. Мать Захириддина, Кутлуг Нигар бегим, была дочерью Юнусхана [3] из феодальной знати Ташкента. Детские годы Бабура проходили в Фергане. Нет сомнения, что школьное образование он получил в Андижане, обучался преимущественно на родном узбекском языке.

Общественно-философские взгляды Бабура Мирзы, его эстетические вкусы и научные интересы формировались на гениальных произведениях Мирзы Улугбека, Алишера Навои, Абдуррахмана Джами, Лютфи и других классиков Востока.

После смерти отца в 1494 г. 12-летний Бабур занял его престол в Андижане и стал правителем Ферганского удела.

Большая часть территории империи Тимура в это время была захвачена Шейбанидами. Чтобы освободить Самарканд от Шейбанихана, Бабур дваж-

---

[1] Хронологические границы эпохи Тимуридов определяются началом последней четверти XIV и концом первой четверти XVI в.

[2] И. М. Муминов. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968, стр. 49—50.

[3] Гробница Юнусхана в настоящее время находится на территории Октябрьского района г. Ташкента (в Шейхантахуре) и охраняется правительством УзССР как исторический памятник XV в.

ды совершил поход на Самарканд (1498, 1500—1501), но не добился успеха. Тогда с немногочисленной группой преданных ему людей и родственников он двинулся в Кабул. Этот эпизод красочно описан в известном сочинении дочери Бабура Гульбадан бегим «Хумаюн-наме»: «В течение полных одиннадцати лет (Бабур) в Мавераннахре вел столь бесчисленные безуспешные бои и оборонительные операции с чагатайскими султанами, что невозможно их описать. Тогда (отец) во главе группы, состоящей из 200 преданных ему близких людей и родственников, пешком, с халатами на плечах, с чарыками на ногах и с палками в руках, без оружия, положившись только на аллаха, взяли путь в сторону Бадахшана и Кабула»[4]. Обосновавшись в Кабуле, который входил во владения его отца Умаршейха Мирзы, Бабур сформировал новую армию и в 1519 г. двинулся в сторону Индии. Только в апреле 1526 г. после известного исторического сражения возле Панипати к северу от Дели, одержав победу над султаном Ибрагимом Луди, Бабур создал свое обширное государство — империю Бабуридов[5]. Город Агра на реке Джамна сделался столицей новой империи.

Бабур в Индии занимал престол всего пять лет (1525—1530). Скончался он 26 декабря 1530 г. в возрасте 47 лет и похоронен в Агре в саду Нурафшан. Через некоторое время, согласно завещанию, его останки были перенесены в Кабул и захоронены в Баги Бабури (Сад Бабура). Ф. Энгельс, описывая Кабул, заметил, что «главным его памятником является гробница императора Бабура»[6].

У Бабура осталось четверо сыновей (Мухаммед Хумаюн, Камран Мирза, Мирза Аскарий, Мирза Хиндол) и три дочери (Гульранг бегим, Гульчехра бегим и Гульбадан бегим). Из его сыновей Хумаюн, а из дочерей Гульбадан бегим отличались широким кругозором и большим талантом.

После Бабура в течение 25 лет (1531—1556) престол занимает его старший сын Хумаюн и в течение 50 лет (1556—1605) — сын Хумаюна, знаменитый Акбар. Это был период небывалого расцвета экономики и культуры Индии XVI в. После смерти Акбара 22 года (1605—1627) у власти находился его сын Джахангир и 30 лет (1628—1658) — сын Джахангира Шахи Джахан. В дальнейшем трон империи перешел к сыну Шахи Джахана—Аурангзебу, который, будучи религиозным фанатиком, 48 лет своего правления (1659 — 1707) был врагом всего прогрессивного и прекрасного. Сложившиеся социально-экономические условия XVIII в. не давали возможности Бабуридам возродить былую славу. К середине XIX в. династия Бабуридов окончательно сходит с исторической сцены.

Итак, в Индии триста лет господствовали Бабуриды. Деятельностью Захириддина Мухаммеда Бабура ознаменовано восхождение новой династии, и господством Аурангзеба отмечено начало ее заката.

Захириддин Мухаммед Бабур был разносторонне развитой личностью и энциклопедическим умом своей эпохи. Он поражает нас энергией, острым умом, утонченным вкусом, нежной душой. Это крупный государственный деятель, полководец, талантливый ученый, прекрасный поэт, большой ценитель и покровитель искусства и страстный патриот. Бабура меньше всего интересовал престол монарха, он был озабочен созданием централизованного государства, обеспечивающего благосостояние страны. Об этом амери-

---

[4] Гулбаданбегим, Ҳумоюннома, Тошкент, ЎзССР ФА нашриёти, 1959, 24—25-бетлар.

[5] Под влиянием европейской исторической науки в восточных странах и в России государство Бабура и его потомков называют «империей Великих Моголов». Такое определение не соответствует исторической действительности. Справедливо указывая на ошибочность такого определения, академик В. В. Бартольд писал: «Европейцы считают Тимура и его потомков по происхождению моголами, для обозначения династии Бабура сочинили название «Великих Моголов» (В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, 1925 г.).

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 77.

канский исследователь Бабура Гарольд Лэмб в 1960 г. писал: «...Бабур, как Улугбек в Самарканде, считал себя не просто правящим монархом, а человеком, призванным быть ответственным за управление... Его необыкновенные качества наложили свой отпечаток на веке величия Могольской империи, который начался с Акбара» [7].

Английский ученый-востоковед Эдуард Гольден в статье о Бабуре дал высокую оценку его личности и деятельности. Он писал, что Бабур обладал всеми свойствами великодушного человека. Гольден считает, что если учесть отличие эпохи и условий, то полководец Бабур, как правитель и литератор, не мог казаться не стóящим занимать место рядом с Цезарем, характер Бабура более достоин любви и уважения, чем характер Цезаря.

Благодаря своим высоким интеллектуальным качествам и энергии, если не в Мавераннахре, то в Индии, Бабур сумел обосновать централизованное государство, сыгравшее важную роль в истории Индии.

Джавахарлал Неру, высоко отзываясь о нем, писал: «Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым и предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью» [8].

Если мы будем оценивать деятельность Бабура по тому, что он дал для своей эпохи, в частности для Индии, по сравнению со своими предшественниками, то следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Во-первых, Бабур, завоевывая Индию, не ставил перед собой цель ограбить завоеванный край для обогащения своей страны, как это делали другие завоеватели почти без исключения, во-вторых, путем постепенного объединения ряда раздробленных феодальных государств Индии в единую мощную империю он положил конец опустошительным междоусобным и разнообразным религиозным войнам. Этим положено начало новой эпохи в истории Индии, отмеченной высоким подъемом экономики, культуры и благоустройства страны. Высказывание Джавахарлала Неру о том, что после прихода Бабура «в Индии произошли большие сдвиги, и новые стимулы вдохнули свежесть и жизнь в искусство, архитектуру и другие области культуры» [9], является объективным определением места и роли Бабура и его потомков в истории Индии.

За свою короткую жизнь Бабур создал большое литературное и научное наследие. Он писал на родном узбекском и персидско-таджикском языках. Все его сочинения, кроме трактатов по музыке и военному искусству, дошли до нас. Особое место среди них занимает знаменитое произведение «Бабур-наме» («Книга Бабура»), которое называют и «Мемуарами». «Бабур-наме» — признанный образец узбекской классической прозы эпохи Тимуридов и выдающийся памятник узбекского литературного языка первой четверти XVI в. В противовес сочинениям придворных историографов Рашидиддина, Шарафиддина Али Язди, Мирхонда и Хондамира, произведения которых написаны высоким, иногда чрезвычайно сложным, вычурным стилем с бесконечными гиперболами и эпитетами, Бабур свои мемуары писал простым, в то же время блестящим общедоступным языком, отличающимся исключительной лаконичностью.

«Бабур-наме» как бесценный источник по истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV—начала XVI вв. на протяжении ряда столетий продолжает оставаться настольной книгой историков, востоковедов, этнографов, археологов, лингвистов, литературоведов, искусствоведов, географов, зоологов, ботаников и др. Поэтому не случайно, что «Бабур-наме» начиная с XVIII в. переводили с узбекского на латинский, голландский, французский, немецкий, английский, русский, индийский,

---

[7] Lamb Harold. An aspect of the character of Zahir ad-din Muhammad surnamed Babur, founder of the dynasty known as the great Mughuls of India. Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. III, М., ИВЛ, 1963, стр. 221.

[8] Дж. Неру. Открытие Индии, М., ИЛ, 1955, стр. 272.

[9] Там же.

турецкий языки. Персидский перевод «Бабур-наме» был исполнен при дворе Акбара три раза и самым лучшим из них является перевод, сделанный в 1589 г. сыном Байрамхана Абдуррахимханом. При Аурангзебе текст «Бабур-наме» был переписан с его староузбекского оригинала, который известен как «Хайдарабадский текст».

Самые древние и уникальные рукописи «Бабур-наме», относящиеся к последней четверти XVI в., дошли до нас в переводе Абдуррахимхана на персидский язык. Они богато иллюстрированы мастерами индийской миниатюрной живописи в придворной библиотеке Акбара. Из таких рукописей «Бабур-наме» в настоящее время известны два полных списка — хранящийся в Британском музее в Лондоне (OR. 3714) без даты, в Национальном музее в Нью-Дели, датированный 1598 г., — и 69 отдельных миниатюр, вырванных из погибшей рукописи «Бабур-наме», которая является достоянием Музея восточных культур в Москве. Эти 69 миниатюр в 1960 г. были опубликованы известным искусствоведом С. Тюляевым и датированы последним десятилетием XVI в. [10].

Из трех известных нам иллюстрированных списков «Бабур-наме» по полноте текста и уникальности, по высокому мастерству иллюстрирующих их миниатюр рукопись Британского музея является непревзойденной. Отдельные образцы миниатюры этой рукописи были опубликованы исследователями индийской миниатюрной живописи и нами [11]. Эти 93 миниатюры с одним двухсторонним фронтисписом впервые публикуются нами полностью. Я приношу глубокую благодарность Британскому музею, в частности проф. Базиль Грею и Мередит-Оуэнсу, предоставившим мне возможность приобрести слайды указанных миниатюр. Теперь они станут достоянием не только потомков Бабура, но и широкого круга исследователей восточной миниатюры, всех ценителей прекрасного.

Алишер Навои был великим меценатом своей эпохи, покровителем деятелей науки, литературы и искусства Герата второй половины XV в. Основоположник гератской школы миниатюрной живописи, гениальный художник Востока Камалиддин Бехзад — один из воспитанников Алишера Навои. Миниатюрная живопись, достигшая наивысшего развития в гениальных творениях Бехзада и его учеников (Касым-Али, Мирак Наккаш, Дуст Мухаммед, Шах Музаффар и др.), после падения власти Султан Хусейна Байкара в 1506 г. продолжает свою дальнейшую эволюцию в Средней Азии, Иране и Индии. В XVI в. в ряде городов Центральной Азии появляются новые школы миниатюрной живописи и художественной рукописи, которые продолжают и развивают лучшие традиции гератской школы Бехзада в сочетании с местными элементами.

В истории восточной миниатюры установлено четыре эпохи, охватывающие ряд школ: эпоха Тимуридов — Хорасан и Мавераннахр (гератская, самаркандская, тебризская, ширазская школы); эпоха Сефевидов — Иран (ширазская, тебризская, мешхедская, исфаганская школы); эпоха Шейбанидов — Средняя Азия (бухарская и самаркандская школы); эпоха Бабуридов — Индия (агринская и делийская школы).

Индийская миниатюра XVI—XVII вв. почти всеми ее исследователями по старой традиции названа «миниатюрой Великих Моголов». С точки зрения объективного хода исторического процесса будет вполне справедливым взамен старого, не соответствующего действительности термина ввести в научный обиход новый термин «миниатюра эпохи Бабуридов».

---

[10] Миниатюры рукописи «Бабур-наме» (автор предисловия и составитель С. Тюляев), М., Государственное издательство изобразительного искусства, 1960.

[11] К Международному научному симпозиуму ЮНЕСКО по изучению искусства эпохи Тимуридов, состоявшемуся в сентябре 1969 г. в Самарканде, нами были опубликованы 32 миниатюры в виде подборки из числа миниатюр рукописи Британского музея (Миниатюры к Бабур-наме, составитель Хамид Сулейман, Ташкент, Изд-во «Фан», 1969).

Бабуриды — продолжатели династии Тимуридов в Индии. Отмечая прогрессивное значение правления Тимуридов в Мавераннахре и Хорасане, академик И. М. Муминов об их потомках в Индии пишет: «...особенно Бабур и Акбаршах в Индии продолжали лучшие традиции, сложившиеся в Средней Азии при Тимуре, связанные с развитием экономики и культуры» [12]. Прекрасный знаток культуры, литературы и искусства своей родины и Герата Захириддин Мухаммед Бабур, установив активную связь Индии со Средней Азией и Ираном, способствовал новому расцвету индийской культуры.

Благотворное влияние искусства народов Средней Азии и Сефевидского Ирана на индийское искусство дало изумительные плоды. В частности, индийская миниатюра эпохи Бабуридов зародилась как творческий синтез местных индийских школ с лучшими традициями тимуридских, сефевидских и среднеазиатских школ.

Сын Бабура Хумаюн во время смут в Индии был гостеприимно принят шахом Тахмаспом из династии Сефевидов и несколько лет провел в Казвине и Тебризе. Хумаюн, будучи в Тебризе, был сильно увлечен искусством миниатюрной живописи, познакомился с работами выдающихся художников — учеников Бехзада. При дворе шаха Тахмаспа Хумаюн подружился со знаменитыми художниками Мир Саид Али из Тебриза и Ходжа Абдус Самадом из Шираза, которых в 1550 г., возвращаясь в Индию, привез к своему двору. Мир Саид Али Тебризи — ученик Камалиддина Бехзада — в индийскую миниатюру внес традиции гератской школы миниатюры эпохи Тимуридов, а Ходжа Абдус Самад Ширази—традиции иранской миниатюры эпохи Сефевидов. Таким образом, они являются связующим звеном тимуридской, сефевидской и бабуридской школ миниатюрной живописи.

Мир Саид Тебризи и Ходжа Абдус Самад Ширази заложили основы искусства миниатюры Бабуридов, стали во главе новой школы, которую Хумаюн основал при своей императорской библиотеке. Таким образом, рождается новый стиль искусства, где техника и традиции тимуридской и сефевидской миниатюры наполняются новым содержанием.

После смерти Хумаюна престол занял его сын четырнадцатилетний Акбар. Как только утвердились его позиции, он оказал благотворное влияние на развитие бабуридской школы миниатюры. Акбар ставит перед собой задачу создать в своем государстве новую национальную культуру. Он проводит политику веротерпимости, уважения национальных традиций индийских, персидских и тюркских сограждан.

Акбар был большим ценителем искусства и сам обладал талантом художника. В альбоме «Мураккаи-Гулшан» из королевской библиотеки Ирана имеется миниатюра, изображающая юношу Акбара, рисующего с натуры. Несмотря на запрет ислама изображать живые существа, Акбар высоко ценил живопись. По этому поводу Абу-ль-Фазл в «Айин-и-Акбари» писал, что Акбар с ранней молодости проявлял большой интерес к живописи и всячески поощрял ее, считая средством познания и наслаждения. Дальше Абу-ль-Фазл, описывая мастерство индийских миниатюристов, отмечал, что точность в деталях, общая законченность, смелость исполнения, которыми теперь отличаются картины, несравненны. Даже неодушевленные предметы выглядят как живые. Интенсивным развитием искусство Бабуридов немало обязано именно личному интересу Акбара к искусству и его покровительству художникам. Наглядным примером этому служит тот факт, что для иллюстрации 360 сказаний Амира Хамзы были привлечены 50 художников из школы Бехзада, 12 томов сборника проиллюстрированы 1700 миниатюрами. По сведениям «Айин-и-Акбари» Абу-ль-Фазла, при дворе Акбара работали 145 художников-миниатюристов различных национальностей.

---

[12] И. М. Муминов. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии, Ташкент, Изд-во «Фан», 1968, стр. 44.

В 1573 г. из Гуджарата Акбар привез трех художников индийской манеры — Джаганната, Тара Чанда и Санвал Даса. Затем были привлечены ко двору художники из Кашмира, Пенджаба, Раджпута и других областей. Искусству миниатюрной живописи они обучались у Мир Саид Али и Абдус Самада и затем сами иллюстрировали роскошные рукописи. Лучшими художниками школы Акбара были Даснават, Басаван, Лал, Устад Мансур, Кесу, Мукунд, Давлет, Мискин, Фаррух бек Калмык, Мадху, Джаган (Джаганнат), Махиш, Хемракан, Тара Чанд, Санвал Дас, Гарибанс, Рам и др. Особенно высоко ценились произведения Даснавата и Басавана. В изображении животных никто не мог сравниться с Устад Мансуром, который получил прозвище «Надир ал-Асир», т. е. «Чудо века».

Из 32 миниатюр «Бабур-наме», изображающих фауну и флору Индии, большинство выполнены Устад Мансуром с исключительной силой мастерства.

Индийские художники, отказавшись от традиционной религиозной условности, в бабуридскую миниатюру внесли портретность, отражение характера, внутреннего мира изображаемых, а тимуридский и сефевидский стили проявились в композиции, архитектуре, орнаменте и цветовой схеме.

Джахангир, как и отец, был страстным коллекционером произведений миниатюрной живописи, художественно оформленных рукописей, альбомов. Он систематически посылал своих людей в Иран и Среднюю Азию для покупки рукописей и других произведений искусства. Все, что попадало к нему, подробно описывалось и комментировалось.

В мастерских Джахангира продолжали трудиться многие художники из мастерских Акбара, но были привлечены и новые мастера — индусы Манохар, Бишндас, Хунхар, Анупчатар, Читарман, Балчанд, Бичитр и др., иранцы и тюрки Абул Хасан, Мир Хашим, Мухаммед Факир Аллах хан и др. Среди них особенно выделялся Абул Хасан, который превзошел своего отца — художника из Герата Ага Риза. Об исполнении фронтисписа «Джахангир-наме», изображающего вступление Джахангира на трон, император в своей книге пишет, что Абул Хасан как художник является «Надир аззаман (Чудо времени — *Х. С.*), его произведения — шедевры эпохи».

Бабуридская школа постоянно пополнялась и маститыми художниками из Средней Азии и Ирана. Примером этому могут служить Мухаммед Надир Самарканди и Мухаммед Мурад Самарканди, работавшие при дворе Джахангира [13].

Бабуридская школа продолжала развиваться и при Шахи Джахане, но теперь предпочтение отдавалось портретному изображению.

До возникновения бабуридской школы миниатюрной живописи в Северо-Западной Индии развивалась местная самобытная раджпутская миниатюра. Она процветала главным образом в Гуджарате в XV — начале XVI в. Несмотря на религиозный характер, по идейному содержанию раджпутская миниатюра глубоко народная; она проповедовала идею любви и братства всех людей независимо от их кастовой, религиозной и национальной принадлежности. Впоследствии раджпутская миниатюра, слившись с лучшими традициями тимуридской и сефевидской миниатюр, создала новый синтез бабуридской школы индийской миниатюрной живописи и означала высшую фазу ее развития.

Хотя отдельные крупные художники Средней Азии и Ирана руководили придворными библиотеками Бабуридов и играли основную роль в становлении нового стиля, главными творцами бабуридской миниатюры были индийские мастера, среди которых ведущими были раджпуты. В придворных «Китабхана» (библиотека) и «Кархана» (мастерская) Акбара, Джа-

---

[13] В Институте востоковедения АН УзССР им. Абурайхана Беруни хранится уникальная рукопись «Шахнаме» Фирдоуси, инв. № 751, переписанная 964-1556/57 г. в Хорезме. Рукопись проиллюстрирована 116 миниатюрами, выполненными Мухаммед Мурадом Самарканди.

хангира и Шахи Джахана работало большое число художников из Гуджарата, Кашмира, Пенджаба и других частей Индии.

В XVI—XVII вв. Бабуриды сыграли исключительную роль в развитии индийской культуры, великолепными памятниками которой и поныне восхищается весь мир. Видимо, это объясняется, помимо социальных и экономических условий общества, еще и другими факторами — просвещенностью двора Бабуридов и его высокими эстетическими идеалами.

Земным характером тематики и своеобразным реализмом отличается бабуридская миниатюра от предшествовавшей ей индийской миниатюры религиозного содержания. Реализм бабуридской миниатюры в известной степени является результатом влияния живописи Средней Азии, которая отличалась светскими мотивами и правдивостью. Кроме того, бабуридская миниатюра, как и все восточные миниатюры, должна была детально, точно и правдиво, с полным учетом исторических, географических и этнографических факторов отразить те или иные эпизоды книги, для которой она служила иллюстрацией. Индийские мастера блестяще справились с такой задачей. В придворной мастерской художников Акбара, Джахангира и Шахи Джахана иллюстрировались «Айин-и-Акбари» («Нравы Акбара»), «Акбар-наме», «Тимур-наме», «Амир Хамза» («Повести об Амире Хамза»), «Джами-ат-таворих» («Всеобщая история»), «Тарихи Ауфи» («История Ауфи»), «Зафар-намае («Книга побед»), «Шах-наме», «Джахангир-наме», «Бабур-наме» и др.

Рукопись Британского музея «Бабур-наме» имеет 96 миниатюр и один двухсторонний фронтиспис в начале книги. Формат рукописи 21×32,5 *см*, формат большинства миниатюр 15,5×28 *см*. Из 96 миниатюр две оказались незаконченными, в виде графических рисунков без красок. За исключением 4, 15, 18, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 78 миниатюр, все имеют подписи авторов. В трех миниатюрах (17, 40, 49) они не поддались чтению. Имена художников на миниатюре написаны не самим автором, как это обычно делалось у гератских, бухарских и самаркандских мастеров, а другим лицом на нижних полях рукописи красной тушью почерком насталик. Все миниатюры, как и текст рукописи, взяты в рамы из жидкого золота и цветных линий. 62 сюжетные миниатюры сверх обычной рамы дополнительно окантованы цветочными орнаментами из червонного золота на нейтральном фоне шелковой бумаги цвета слоновой кости. Все миниатюры прекрасно сохранились.

Из подписей художников ясно, что в создании миниатюр рукописи «Бабур-наме» участвовал 41 крупный мастер Акбара (см. указатель), среди которых из индийских художников особо выделяются Кесу Куджарати, Рас, Дахнирадж, Сангар Куджарати, Сарун, Таръя, Бахвани, а из среднеазиатских и иранских—Устад Мансур, Ибрагим Наккаш, Абдуллах, Фаррухбек, Джамшид, Ибрагим Кахар и др.

Наличие подписей художников в миниатюрах рукописи Британского музея (в московской коллекции миниатюр, опубликованных проф. С. Тюляевым, их нет) имеет исключительно важное значение для дальнейшего изучения истории бабуридской живописи Индии. Участие более 40 талантливых художников из придворных миниатюристов Акбара в иллюстрировании только одной рукописи «Бабур-наме» достаточно ясно показывает, насколько был велик творческий потенциал индийской миниатюры эпохи Бабуридов.

По тематике миниатюры «Бабур-наме» можно разбить на следующие группы: исторические эпизоды — 15 миниатюр (4, 7, 11, 12, 16, 17, 21, 23, 28, 29, 47, 87, 88, 95, 96); бытовые сцены—13 миниатюр (5, 6, 24, 25, 26, 27, 48, 49, 54, 90, 92, 93, 94); военные эпизоды—21 миниатюра (8, 9, 10, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 30, 31, 38, 39, 40, 41, 44, 53, 89, 91); сцены охоты—6 миниатюр (42, 43, 46, 50, 51, 52); пиршества — 7 миниатюр (32, 33, 34, 35, 36, 37, 45); животные суши — 5 миниатюр (55, 56, 57, 58, 59); пернатые — 12 миниатюр (60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71); морские

животные — 4 миниатюры (72, 73, 74, 75); флора — 11 миниатюр (76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86).

Из всех миниатюр только 21 посвящена военным эпизодам и сражениям, остальные 73 ярко и убедительно отражают исторические эпизоды, быт, сцены охоты, пиршества, фауну и флору Индии. Поскольку содержание каждой миниатюры подробно изложено в цитатах из «Бабур-наме» [14], приложенных к альбому в виде комментария, мы сочли лишним давать их описание. Миниатюры «Бабур-наме» поражают прежде всего реализмом, живостью действия, правдивостью. Художники-миниатюристы, поставившие задачу точно и правдиво изобразить эпизоды событий «Мемуаров» Бабура, добились блестящих успехов. Несмотря на ограниченность художника рамками текста, он берет основное ядро и вокруг него создает законченную творческую композицию, используя все необходимые исторические, географические, этнографические и бытовые атрибуты. Этим самым он воссоздает типических героев эпохи в типических обстоятельствах. Так создавали свои великолепные миниатюры художники Кесу Куджарати, Устад Мансур, Нанд Куваляри, Сангар Куджарати, Фаррухбек, Хусрав Кули, Сарун, Рас, Ибрагим Наккаш и др. Индийские мастера в изумительной гармонии тончайших рисунков и ярких красок сумели воссоздать дух эпохи и ее аромат в конкретно-чувственной форме.

Индийская миниатюра эпохи Бабуридов четко отличается от тимуридской и сефевидской своим художественным стилем и эстетическими нормами. Условность композиции восточных миниатюр, вызванная необходимостью изображения на маленькой плоскости (лист страницы книги) целого события или цикла эпизодов, с большим мастерством используется художниками «Бабур-наме». Для полноты изображения сложные события делятся на три-четыре эпизода, по которым создаются самостоятельные композиции. Они располагаются на изобразительной плоскости последовательно снизу вверх. Каждую композицию отделяют друг от друга декоративные элементы архитектуры, горы, холмы, реки, растения, фрагменты текстов, входящих в компоновку миниатюры и т. п. При этом все композиции, сохраняя свою самостоятельность, искусно связываются между собой, составляя единое «полотно». Встреча Бабура со своей сестрой Ханзаде бегим (миниатюра 7) дана в четырех планах. На первом плане — снизу наружная часть шатра, где слуга держит коней прибывшего Бабура и сопровождающего его Мухаммеда Кукелташа; на втором — беседа Бабура и Мухаммеда с Ханзаде бегим; на третьем — наверху с правой стороны общий вид двора, а на четвертом — природа Индии. В 41-й миниатюре прибытие Бабура в Кабул изображено в трех планах — городские ворота, внутренняя часть города и обороняющаяся крепость. В миниатюре, изображающей больного Бабура (миниатюра 16), на первом плане — встреча гостей у ворот, на втором — первая половина двора, на третьем — вторая половина двора и покои больного Бабура с врачами, на четвертом — роскошный пейзаж Индии.

Такая многоплановость композиции, дающая возможность художнику широко развернуться в пространстве, встречается в тридцати миниатюрах. Именно в многоплановом развертывании сюжета на чрезвычайно ограниченной плоскости страницы книги, требующем большого таланта и мастерства, проявили свое высокое искусство индийские художники.

Условность художественного приема разнообразна. Помимо многоплановости, она проявляется в плоскостности изображения, сознательной диспропорции соотношения человеческих фигур с масштабами архитектурных сооружений, слабой перспективе рисунка, традиционной позе людей, нарисованных почти всюду в профиль или в три четверти лица.

---

[14] Бобир Заҳириддин Муҳаммад. «Бобирнома», Тошкент, УзССР Фанлар академияси нашриёти, 1958; Бабур Захириддин Мухаммед. «Бабур-наме», Ташкент, Изд-во АН Уз ССР, 1958;
Beveridge A. The Babur-name in English (Memoirs of Babur) by Zahir ud-din Mohammad Babur Padshah Ghazi, translated by Anette S. Beveridge, vol. I, II, London, 1921.

Уравновешенность композиции в целом обусловлена законами ритма. Строгое соблюдение ритма в расположении человеческих фигур, животных, растений, элементов декора, ритм рисунка, жестов, движения, ритм в сочетании красок, светотени, подсказываемые интуитивными законами чувства прекрасного, создали бессмертные шедевры искусства, какими являются миниатюры «Бабур-наме». Миниатюрам рукописи «Бабур-наме» свойственны драматизм, богатство деталей и законченность.

Творчески освоив лучшие традиции и мастерство миниатюрной живописи Герата, Бухары, Самарканда, Шираза и Тебриза, бабуридские мастера создали типичных для Индии героев. У всех людей, изображенных в миниатюрах «Бабур-наме», лица, глаза, усы, бороды, одежда, обувь, пояса, головные уборы (чалма) типично индийские. Они резко отличаются своим обликом от героев тимуридских и сефевидских миниатюр.

Следует заметить, что установившийся канонический характер индийской миниатюры помешал правдивому изображению деятельности Бабура в Мавераннахре. В миниатюрах, отражающих восхождение Бабура на престол в Андижане, его сражение против Шейбанидов в Самарканде, встречу Бабура с сестрой в Герате, пир у Бадиаззамана, среднеазиатские люди изображены в облике индусов. Вместо роскошных, самобытных памятников архитектуры Самарканда, Герата, его пейзажа: плодородных садов и парков — в миниатюрах даны, как элементы декора, индийская архитектура, фауна и флора.

Среди героев «Бабур-наме», большинство которых являются историческими личностями, особое место занимает образ самого императора Бабура. Из 96 миниатюр в 46 (4, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 87, 90, 91, 92, 94, 95, 96) изображен Бабур в различных позах. Но замечательно то, что портреты человека, сидящего на троне, в доспехах воина на поле сражения, на охоте, пиру, при дипломатических переговорах с людьми, в прогулках по Индии и т. п., отражают облик одного и того же лица, поразительно похожего на знаменитый портрет Бабура, сидящего в саду с книгой в руках [15], который опубликован в виде дополнения в настоящем альбоме. На центральном плане 46 миниатюр мы видим величественного, полного сил и воли, воинственного, в то же время благородного и нежного душой, мягкого по взгляду обаятельного человека с богатым внутренним миром. Это реалистические портреты Бабура — государственного деятеля, полководца, ученого и поэта. Мы склонны назвать миниатюрные портреты Бабура не только правдивыми, но и достоверными по следующим причинам. Во-первых, Бабур скончался в 1530 г., а миниатюры британской рукописи «Бабур-наме» были созданы примерно спустя 50 лет после его смерти. Следовательно, в 80-е годы XVI в. немало было сподвижников и людей, знавших и видевших императора Бабура, которые могли быть надежными консультантами художников и верными судьями их работ. Во-вторых, не должна подлежать сомнению вероятность существования прижизненного портрета Бабура, так высоко ценившего искусство и покровительствовавшего ученым, поэтам, художникам и каллиграфам своей эпохи. Именно такой прижизненно созданный образ Захириддина Мухаммеда Бабура мог лечь в основу столь сходных друг с другом портретов его в миниатюрах рукописи Британского музея. В-третьих, мог ли великий Акбар — ревностный ценитель прекрасного, обладающий талантом художника-живописца, безразлично относиться к судьбе портрета своего любимого деда — основателя империи? Конечно, нет. Он не мог допустить искажения образа Бабура, как исторической личности, и увековечения в миниатюрах образа, не соответствующего действительности.

---

[15] Данный портрет Бабура хранится в Британском музее (инв. I БМ 1921-10-11-03), формат 12,8×18 см. Известный исследователь восточной миниатюры И. Щукин датирует его двадцатыми годами XVII в.

Все это дает нам основание заключить, что общее сходство всех портретов, созданных при дворе Акбара, является лучшим доказательством существования достоверного прижизненного портрета Бабура, служившего прототипом всех последующих трактовок его образа [16].

Публикуемые миниатюры к «Бабур-наме», будучи непревзойденными шедеврами индийской живописи, впитавшей в себя лучшие традиции самаркандской, гератской, бухарской, тебризской, ширазской и местных индийских школ, представляют собой новый высокий стиль индийской миниатюрной живописи конца XVI в. — эпохи Акбара.

Историческая наука Востока и Запада располагает обширной литературой о прогрессивной роли правления династии Бабуридов в Индии. При оценке исторической заслуги Бабура и Бабуридов мы можем исходить из высказывания В. И. Ленина о роли личности в истории. В. И. Ленин писал: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками» [17].

Именно с такой объективно-научной позиции к оценке роли Бабуридов в истории Индии подошел известный общественно-политический деятель Джавахарлал Неру, высоко отозвавшийся о Захириддине Мухаммеде Бабуре и его потомках: «Его внук Акбар, — писал Неру, — был еще более обаятельным и обладал еще большими достоинствами. Смелый и отважный, талантливый полководец и в то же время великодушный и милосердный, идеалист и мечтатель, он был одновременно человеком действия и вождем, снискавшим беззаветную преданность своих последователей. Как воин он покорил обширные территории Индии, но мечтал он о другом, более прочном завоевании, о завоевании умов и сердец людей. По словам португальских иезуитов, бывших при дворе Акбара, его взгляд обладал притягательной силой и глаза «сверкали как море, освещенное солнцем». Акбар возродил древнюю мечту о единой Индии, не только политически объединенной в одно государство, но и органически слившейся в один народ. На всем протяжении своего долгого, почти пятидесятилетнего правления, начавшегося в 1556 г., он стремился к этой цели» [18].

Опубликованные в настоящем альбоме миниатюры рукописи «Бабур-наме», имеющие исключительное художественное и историко-познавательное значение, являются лишь незначительным образцом той огромной художественной культуры Бабуридов, которая была создана в эпоху правления Акбара.

*

Мы глубоко убеждены, что каждое новое исследование и публикация памятников искусства эпохи Тимуридов, Сефевидов и Бабуридов, безусловно, служит дальнейшему укреплению и развитию лучших традиций дружбы и сотрудничества между народами Центральной Азии, которые являются наследниками этой высокой культуры.

---

[16] Необходимо отметить, что 30 портретов Бабура в миниатюрах рукописи «Бабур-наме», опубликованных С. Тюляевым из коллекции Музея восточных культур, тоже схожи с его портретами в настоящем альбоме. Это еще раз подтверждает правоту наших доводов.

[17] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 178.

[18] Дж. Неру. Открытие Индии, стр. 272.

THE ART OF MINIATURE IN THE BABURID PERIOD

The Timurid period in the history of the peoples of Central Asia was marked by a considerable development of social-economic relations, the political system and culture [1]. Academician I. Muminov of the Uzbek Academy of Sciences provides the following scientific and objective assessment of Timur's role in the history of Central Asia: "Timur's appearance in the family of Taragay, a Barlas bek in the village of Khodja-Ilghar in Central Asia was purely accidental. However such a personality met the requirement of his time, it was needed by the country which had been split up by the feudal princes of the Chagatay ulus – a country that had been constantly torn by invasions of the Mongol khans and beks from the Golden Horde and tormented by 150 years of foreign rule. As a statesman Timur reflected, to a certain extent, this necessity for creating a centralized and independent state in Maverannahr" [2].

The Timurid period which was marked for its highly complicated social and historical contradictions and extreme exploitation of the working people at the same time provided the highest level of development in all spheres of human knowledge as could be achieved under advanced feudal relations.

During this period there lived a whole galaxy of great thinkers of Central Asia whose names are known to the entire world: the historians Sharaf ad-Din 'Ali Yazdi, Ibn Arabshah, Mirkhvand, Khvandamir, Daulatshah Samarqandi; the scholars Ulugh-Beg, Ali Kushchi, Kazi-Zage Rumi; the philosophers and poets Nur ad-Din 'Abd ar-Rahman Jami, Alishir Navoi, Lutfi, Sakkaki, Atai; the artists Bihzad, Kasim 'Ali, Mirak Nakkash, Mahmud Muzahib; the scribes Sultan 'Ali Meshhedi, Sultan Mohammed Handan, Mohammed Bin Nur, Darvish Mohammed Taqi and many others.

The last in this line of prominent personalities was a descendant of Timur– the outstanding Uzbek poet, scholar and statesman Babur.

Zahir ad-Din Mohammed Babur was born in Andijan on February 14th, 1483. His father Omar Shaikh Mirza – the great grandson of Amir Timur, was the ruler of a principality in Ferghana. His mother Kutlugh Nigar begim was the daughter of Yunuskhan, of the feudal nobility from Tashkent [3]. Babur spent his childhood years in Ferghana valley and there is not the slightest doubt that he received his schooling in Andijan and that tuition was mainly in his native Uzbek language.

Babur's social and philosophical outlook, his aesthetical and scientific interests developed under the influence of the great works of Mirza Ulugh-Beg, Alishir Navoi, 'Abd ar-Rahman Jami, Lutfi and other Eastern classical writers.

At the age of 12, after the death of his father in 1494, Babur ascended to the throne and became the ruler of the Ferghana principality. By that time the entire territory of Timur's empire had been captured by the Shaibanids. Babur undertook two campaigns against Samarkand (1498 and 1500–1501) to liberate the city from Shaibanikhan but failed to achieve success. With a small group of followers and relatives Babur then moved to Kabul. This

---

[1] The Timurid period lies between the beginning of the last quarter of the 14th century and the end of the first quarter of the 16th century.

[2] И. М. Муминов. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968, стр. 49—50.

[3] Yunuskhan's tomb is on the territory of Oktyabr district of Tashkent (in Shaikhantahur) and is under the protection of the Government of the Uzbek Republic as a historical monument of the 15th century.

episode has been colourfully depicted in "Humayunnama", a well-known work by Babur's daughter Gulbadan: "During a period of eleven years (Babur) waged so many unsuccessful battles and defensive campaigns against Chagatay, Timurid and Uzbek sultans that it is impossible to describe them all. Then (father) at the head of a group of 200 followers and relatives started out in the direction of Badahshan and Kabul wearing robes and raw-hide boots and armed only with staves relying solely on Allah" [4]. Having settled down in Kabul, which was within the principality of his father Omar Shaikh Mirza, Babur formed a new army and in 1519 marched on India. It was only in April of 1526, following the victory over sultan Ibrahim Lodi at Panipat to the north of Delhi, that Babur created his vast state – the empire of the Baburids [5]. The city of Agra on the river Jamna became the capital of the new empire.

Babur held the Indian throne for only five years (from 1525 to 1530) and died on December 26th, 1530 at the age of 47. He was buried in Nurafshan garden in Agra, but later, in accordance with Babur's will, the remains were moved to Kabul and buried at Baghi Baburi (Babur's Garden). In his description of Kabul Friedrich Engels noted that the city's main monument was the tomb of emperor Babur [6].

Babur left behind him four sons (Mohammed Humayun, Kamran Mirza, Mirza Askari, Mirza Hindal) and three daughters (Gulrang begim, Gulchehra begim and Gulbadan begim). Of his sons Humayun and if his daughters Gulbadan begim were distinguished for their broad world outlook and outstanding talent.

After Babur the throne went to his eldest son Humayun who reigned for 25 years (from 1531 to 1556). Then Humayun's son – the well-known Akbar, ascended the throne and he ruled for half a century (from 1556 to 1605). This was a period of economic and cultural development for sixteenth – century India. When Akbar died his son Jahangir became ruler and held the throne for 22 years (from 1605 to 1627) to be succeeded by his son Shah Jahan whose rule lasted for 30 years (from 1628 to 1658). From 1659 to 1707 the empire was ruled by Shah Jahan's son Aurangzeb who was a bigot of religion and an enemy of all that was progressive and beautiful. The social and economic situation in the country in the 18th century gave no opportunity to the Baburids to revive their former glory. By the middle of the nineteenth century the dynasty was completely retired from the scene.

Thus for 300 years India had been ruled by the Baburids. The founder of the house Zahir ad-Din Mohammed Babur marked the rise of the new dynasty whereas the rule of Aurangzeb marked the beginning of its downfall.

Zahir ad-Din Mohammed Babur was a versatile personality with an encyclopaedic intellect. His stamina, acute mind, refined taste, gentle heart and diversified activities are indeed amazing. He was a great statesman, soldier, talented scholar, remarkable poet, a great connoisseur and patron of the arts and a passionate patriot. Babur was least of all interested in the throne and his main concern was to create a centralized state which would ensure the country's prosperity. Harold Lamb, an American researcher of Babur, wrote in 1960: "...Babur, like Ulugh Beg in Samarkand, conceived of himself not as a reigning monarch but as one who had undertaken to carry out the responsibility of kingship. His unique career was shaped by his character. And that character

---

[4] Гулбаданбегим. Ҳумоюннома, Тошкент, ЎзССР ФА нашриёти, 1959, 24—25 бетлар.

[5] European history science, and under its influence historians in the Eastern countries and in Russia, refer to the state of Babur and his descendants as "the empire of the Great Moguls". This definition does not correspond to the facts of history. Academician V. Barthold wrote: "The Europeans believe Timur and his house to be Mogols by origin and have thus invented the expression "Great Moguls" to denote the dynasty of Babur" (В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, 1925 г.).

[6] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 14, стр. 77.

laid its impress on the Moghul Empire for the century of grandeur that began with Akbar" [7].

The British Orientalist Edward Golden in his article about Babur praised the latter's personality and activities. He wrote that Babur possessed all the qualities of a magnanimous person and that his countenance bore traces of great perfection. Golden believes that taking into consideration the differences in time and conditions, Babur as a soldier, ruler and man of letters could not but stand on a par with Caesar. Babur's character deserves greater affection and respect than that of Caesar's.

Thanks to his outstanding intellect and energy Babur succeeded (in India if not in Maverannahr) to establish a centralized state which played an important role in the history of India.

Jawaharlal Nehru thought much of Babur when he wrote: "Babar is an attractive person, a typical Renaissance prince, bold and adventurous, fond of art and literature and good living" [8].

If we are to assess Babur's activities on the basis of what he meant for his period and India, in particular, as compared with his predecessors, attention should be drawn to the following. First, when Babur conquered India he did not pursue the goal of plundering the captured territory to enrich his own land, as was the case with other conquerors almost without any exception. Secondly, by gradually uniting a number of scattered feudal states in India into a single and mighty empire Babur put an end to the devastating fratricidal and religious wars and laid the foundation for a new period in the history of India which is known for its high level of economy, culture and improvement in the country. Jawaharlal Nehru gave an objective determination of Babur's place and role and that of his descendants in Indian history when he wrote: "There were many changes in India and new impulses brought freshness and life to art and architecture and other cultural patterns" [9].

Babur lived a short life but left behind a considerable literary and scientific heritage. He wrote in his native Uzbek language and also in Persian-Tajik. All his works with the exception of essays on music and the art of war have reached us. Standing out among these works is the famous "Babur-Nama" (Book of Babur) also known as "Memoirs". "Babur-Nama" is a recognized model of Uzbek classical prose of the Timurid period and an outstanding masterpiece of the Uzbek literary language of the beginning of the sixteenth century. In contrast to works by the court historians Rashid ad-Din, Sharaf ad-Din 'Ali Yazdi, Mirkhvand and Khvandamir who used a highly elevated and at times extremely complicated and pretentious style with endless hyperboles and epithets, Babur wrote his memoirs in a plain yet brilliantly laconic and understandable style.

For several centuries "Babur-Nama" remained a priceless source of information on the history of the peoples of Central Asia, Afghanistan and India of the end of the fifteenth and the beginning of the sixteenth centuries. It is still a handbook for historians, orientalists, ethnographers, archeologists, linguists, literary and art critics, geographers, zoologists, botanists and other scientists. This explains why after the eighteenth century "Babur-Nama" has been translated from the Uzbek into Latin, Dutch, French, German, English, Russian, Hindi and Turkish. A persian translation of "Babur-Nama" was executed at the court of Akbar Shah three times and the best one, made in 1589, belongs to Abdurahimkhan – son of Bairamkhan. Under Aurangzeb "Babur-

---

[7] Lamb Harold. An aspect of the character of Zahir ad-din Muhammad surnamed Babur, founder of the dynasty known as the great Mughuls of India. Proceedings of the XXV International Congress of Orientalists, Moscow, IVL, 1963, V. III, p. 221.

[8] J. Nehru. The Discovery of India. Meridian Books Ltd., 4th Ed. 1956, p. 255.

[9] Там же.

Nama" was copied from the old Uzbek text which is known as the "Haidarabad text".

The most ancient and unique manuscripts of "Babur-Nama" date back to the end of the sixteenth century and had been translated into Persian by Abdurahimkhan. These manuscripts are richly illustrated by masters of Indian miniature painting who worked at the court library of Akbar. At present there are two complete copies of the manuscripts of "Babur-Nama" of that period at the British Museum in London (Or. 3714–no date), at the National Museum in New Delhi (dated 1598) and 69 individual miniatures from a manuscript of "Babur-Nama" (that had not survived) which are at the Museum of Oriental Cultures in Moscow. In 1960 these 69 miniatures were published by the well-known art critic S. Tyulyayev who dated them to the last decade of the sixteenth century [10].

Of the three known illustrated copies of "Babur-Nama", the manuscript now at the British Museum is beyond comparison both in terms of fullness of text and uniqueness and in the execution of the miniature illustrations. Individual miniature paintings from this manuscript have been published by researchers of Indian miniature painting and by us [11]. This is the first time we are undertaking a complete publication of the miniatures. I am deeply indebted to the British Museum and, in particular, to my British colleagues Professor Basil Gray and G. Meredith-Owens for making available slides of the above-mentioned miniatures. This means that now they will reach the descendants of Babur in Uzbekistan and also be made available to researchers of Oriental miniatures and art lovers.

The Herat school of miniature painting was founded by Kamaliddin Bihzad, a great Oriental artist and a pupil of Alishir Navoi. The latter was a great patron of the arts, literature and science in Herat of the second half of the fifteenth century. In Bihzad's works and those of his pupils (Kasim 'Ali, Mirik Naqqash, Dust Mohammed, Shah Muzafar and others) the art of miniature painting reached the peak of its development. After the fall of Sultan Hosain Baikara it continued its evolution in Iran, Central Asia and India. The sixteenth century saw the appearance in a number of Central Asian cities of new schools of miniature painting and artistic calligraphy which continued and developed the best traditions of Bihzad's school in Herat combining them with local elements.

There were four periods in the history of Oriental miniature painting, each covering a number of schools: the Timurid period in Khurasan and Maverannahr (the Herat, Samarkand, Tabriz and Shiraz schools); the Safavi period in Iran (the Shiraz, Tabriz, Meshhed and Isfagan schools): the Shaibanid period in Central Asia (the Bukhara and Samarkand schools); the Baburid period in India (the Agra and Delhi schools).

Almost all researchers of the Indian miniature of the sixteenth and seventeenth centuries refer to it, by virtue of tradition, as "miniature of the Great Moguls". From the point of view of the objective course of history it would be justifiable to substitute the old name which does not correspond to reality for a new scientific term – "miniature of the Baburid period".

The Baburids were in fact Timurids and continued the line of Timur in India. Noting the progressive significance of the Timurid rule in Maverannahr and Khurasan Academician I. Muminov writes about the Timurids in India: "...particularly Babur and Akbar Shah in India carried on with the best tra-

---

[10] Миниатюры рукописи «Бабур-наме».
Preface and compiled by S. Tyulyayev.
М., Государственное издательство изобразительного искусства, 1960.

[11] For the UNESCO International Scientific Symposium on the Arts of the Timurid period (held in Samarkand in September 1969) we published 32 miniatures in the form of a selection from the MS at the British Museum. "Miniatures to Babur-Nama". Compiled by Hamid Suleiman. Tashkent, "FAN" Publishers; 1969

ditions in economy and culture that had been formed in Central Asia under Timur" [12].

Zahir ad-Din Mohammed Babur was a great connoisseur of culture, literature and the arts in his homeland and Herat. By establishing active contacts between India, Central Asia and Iran he promoted the further development of Indian culture.

The art of the peoples of Central Asia and Safavi Iran had a beneficial effect on Indian art and produced remarkable results. For instance, Indian miniature painting of the Baburid period appeared as a result of the creative blending of local Indian schools with the best traditions of the Timurid, Safavid and Central Asian schools.

During the period of disturbances in India Babur's son Humayun was received by shah Tahmasp of the Safavi dynasty and spent several years in Kazvin and Tabriz. During his stay in Tabriz Humayun was taken to the art of miniature painting and acquainted himself with the works of prominent painters, the pupils of Bihzad. At the court of shah Tahmasp Humayun made friends with the famous painters Mir Sayyid 'Ali of Tabriz and Khodja Abdus Samad of Shiraz whom he took with him when returning to India in 1550. Mir Sayyid 'Ali Tabrizi, a pupil of Kamaliddin Bihzad, introduced into Indian miniature painting the traditions of the Herat school of the Timurid period while Khodja Abdus Samad Shirazi brought with him the traditions of Persian miniature painting. Thus these two artists became the binding link between the Timurid, Safavid and Baburid schools of miniature painting.

Mir Sayyid 'Ali Tabrizi and Abdus Samad Shirazi laid the foundation for the art of miniature painting in the Baburid period and headed the new school of painting which Humayun founded at the imperial library. When Humayun passed away his fourteen-year-old son Akbar ascended to the throne. When the young ruler consolidated his position he began to exert beneficial influence on the development of the Baburid school of miniature painting. Akbar pursued the task of creating a new national culture within his state. He adhered to a policy of religious tolerance and respect for the national traditions of the Indian, Persian and Turkic citizens of his state. In order to achieve his goal Akbar made wide use of literature and the arts and thus there was born a new style in art where the manner of execution and traditions of the Timurid and Safavid miniature were blended with new spirit and contents.

Akbar was a great connoisseur of the arts and himself a painter (at the "Muraqqa Gulshan", the royal library in Iran there is a miniature depicting young Akbar doing nature painting). Despite the hostile attitude of Islam to depicting living creatures Akbar attached great importance to painting for its educational and aesthetic role. Abu-l Fazl wrote in "Ain-i-Akbari" that from his early years Akbar displayed considerable interest for the arts and encouraged painting in every possible way believing it to be a means of cognition and enjoyment. Describing the great skill of Indian miniature painters Abu-l Fazl noted that the precision in detail, general finish and daring execution of their works (which distinguishes them today) made the paintings unsurpassable. Even inanimate objects in these paintings seem to be alive. The rapid development of the arts of the Baburid period is mainly due to Akbar's personal interest in the arts and his patronage to painters. A vivid example of this is the fact that 50 painters from the school of Bihzad were invited to illustrate the 360 lays of Amir Hamza. The 12 volumes of this collection were illustrated by 1,700 miniatures. From "Ain-i-Akbari" by Abu-l Fazl we learn that there were 145 miniature painters of various nationalities working at the court of Akbar.

---

[12] И. М. Муминов. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии, Ташкент, Изд-во «Фан», 1968, стр. 44.

In 1573 Akbar recruited in Gujarat three painters of the Hindi style – Jaganath, Tara Chand and Sanval Das. These were followed by artists from Kashmir, Punjab, Rajputana and other provinces. They were trained in miniature painting by Mir Sayyid 'Ali and Abdus Samad and helped to illustrate exquisitely ornamented manuscripts. Among the best painters from the school of Akbar were Daswanth, Basawan, Lal, Ustad Mansur, Kesu, Mukund, Davlet, Miskin, Farrukh Beg Kalmik, Madhu, Jagan (Jagannot), Mahish, Hemrakan, Tara Chand, Sanval Das, Garibans and Ram. Works by Daswanth and Basawan were particularly valued. Ustad Mansur, surnamed "Nadir al-Asir", which means "Wonder of the Age" was unrivalled in depicting animals. Most of the 32 miniatures to "Babur-Nama" which depict Indian flora and fauna were executed by Ustad Mansur with exceptional mastery.

Abandoning traditional religious conditionality the Hindi painters introduced portraiture into the art of Baburid miniature which envisaged depiction of character and expression of the spirit of the object. The Timurid and Safavid styles were pronounced in composition, architecture, ornament and colour arrangement.

Like his father emperor Jahangir took interest in miniature painting. He was a passionate collector of miniatures and artistically decorated manuscripts and albums. Jahangir sent his people to Iran and Central Asia to purchase manuscripts and other items of art. Everything that came his way was described in detail and recorded.

Many of the painters employed by Akbar continued to work at the artistic studios of Jahangir, but the emperor also recruited new masters – the Hindus Manohar, Bishn Das, Hundar, Anup Chatar, Chitarman, Balchand, Bichitr, the Iranians and Turks Abu-l Hasan, Mir Hashim, Muhammed Faqir Allah Khan and others. Prominent among these was Abu-l Hasan who surpassed his father Aga Riza, a painter from Herat. Commenting on the execution of the frontispiece to "Jahangir-Nama" depicting Jahangir's ascension to the throne, the emperor wrote that Abu-l Hasan as an artist was Nadir al-Zaman (wonder of the age) and his works were masterpieces of his age.

The Baburid school recruited prominent artists from Central Asia and Iran and among these were Mohammed Nadir from Samarkand and Mohammed Murad Samarqandi [13].

The Baburid school continued to develop under Shah Jahan and new names came to the fore but priority was given to portraiture.

Prior to the appearance of the Baburid school of miniature painting there existed the Rajputan miniature – a local style in north-west India which flourished mainly in Gujarat in the fifteenth and sixteenth centuries. Despite its religious nature the Rajputan miniature painting was an art of the people in content. It promulgated the ideas of love and fraternity of all people irrespective of their caste and religion. Later there was a fusion between Rajputan miniature painting and the best traditions of the Timurid and Safavid schools and this produced the Baburid school in Indian miniature painting of a new synthesis marking the highest stage in its development.

Although the royal libraries of the Baburids were headed by prominent artists of Central Asia and Iran who played a leading role in the development of the new style, it was the Indian masters, the Rajputans first and foremost, who were mainly responsible for the Baburid school of miniature painting. There was a big number of artists from Gujarat, Kashmir, Punjab and other parts of India working at the royal library and art studio under Akbar, Jahangir and Shah Jahan.

The Baburids played an exceptionally great role developing Indian culture

---

[13] The Institute of Oriental Studies of the Uzbek Academy of Sciences has at its disposal a unique MS of "Shah-Nama" by Firdausi (Or. 751) copied in Khorezm in 964 A. D. (1556/57 A. H.). The MS is illustrated by 116 miniatures executed by Mohammed Murad Samarqandi.

in the sixteenth and seventeenth centuries and the magnificent monuments of those days arouse the admiration of the entire world. Apparently, besides the social and economic conditions prevailing in the country, there were other factors which may explain this phenomenon – namely the enlightenment of the house of Babur and the lofty aesthetic ideals of its members.

As compared with the religious contents of its predecessor – the Indian miniature painting, the Baburid school of miniatures is marked for its very earthly topics and peculiar realism. The latter, to a considerable extent is the result of the influence of Central Asian painting which was noted for its worldly motifs and truthfulness. Apart from this, Baburid miniature painting, just like all Oriental miniatures, was called upon to reflect the various episodes from the books to which it was applied with the greatest of detail and truth and with full substantiation by historical, geographical and ethnographical factors. The Indian masters coped with this task brilliantly. The royal art studio of Akbar, Jahangir and Shah Jahan illustrated the following works: "Ain-i Akbari" (Customs of Akbar), the works by vazir Akbar Abu-l Fazl "Akbar-Nama" and "Timur-Nama", "Amir Hamza" (Stories of Amir Hamza), "Jami-at-tavarikh" (Universal History), "Tarikhi Aufi" (The History of Aufi), "Zafar-Namai" (Book of Victories), "Shah-Nama", "Dara-Nama", "Jahangir-Nama", "Babur-Nama" etc.

The "Babur-Nama" manuscript at the British Museum has 96 miniatures and one double frontispiece at the beginning of the book. The manuscript measures 21×32.5 *cm*. Most of the miniatures measure 15.5×28 *cm*. Of the 96 miniatures mentioned two have not been finished and remain in the form of sketches with no colour applied. All the miniatures with the exception of (4, 15, 18, 55, 56, 58, 60, 61, 62, 78) are undersigned by their authors. The name of the authors of three miniatures (17, 40, 49) could not be deciphered. The names of the authors on the miniatures has not been written by the artists themselves, as was usually the case with Herat, Bukhara and Samarkand masters, but by another person who made the inscription on the lower margin of the manuscript with red Indian ink in nast'aliq. All the manuscripts (the text and miniatures) are framed in gold and coloured lines. Sixty two of the topical miniatures carry in addition to the conventional frame a floral ornament of pure gold against a neutral background of ivory – coloured silk paper. All the miniatures are in excellent condition.

From signatures under the miniatures it is apparent that 41 prominent artists of the court of Akbar took part in illustrating "Babur-Nama" (see Index) and standing out among them are Kesu Gujarati, Ras, Dahni Raj, Songar Gujarati, Sarun, Tarya, Bahwani (Indian painters) as well as the Central Asian and Persian artists Ustad Mansur, Ibraghim Naqqash, Abdullah, Farrukh Beg, Jamshid, Ibraghim Qahhar.

The presence of painters' signatures on the miniatures of the British Museum (there are no signatures in the Moscow collection of miniatures published by Professor S. Tyulyayev) is of vital importance for the further study of the history of Baburid painting in India. The participation of over 40 talented artists at the court of Akbar in the illustration of one manuscript "Babur-Nama" is clear indication to the enormous artistic potential of the Indian miniature of the Baburid period.

The miniatures to "Babur-Nama" may be divided into the following groups: historical episodes – 15 miniatures (4, 7, 11, 12, 16, 17, 21, 23, 28, 29, 47, 87, 88, 95, 96); domestic scenes – 13 miniatures (5, 6, 24, 25, 26, 27, 48, 49, 54, 90, 92, 93, 94); battle episodes – 21 miniatures (8, 9, 10, 13, 14, 15, 18, 19, 20, 22, 30, 31, 38, 39, 40, 41, 44, 53, 89, 91); hunting scenes – 6 miniatures (42, 43, 46, 50, 51, 52); feasts – 7 miniatures (32, 33, 34, 35, 36, 37, 45); land animals – 5 miniatures (55, 56, 57, 58, 59); birds – 12 miniatures (60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71); sea animals – 4 miniatures (72, 73, 74, 75); flora– 11 miniatures (67, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86).

Only 21 of the miniatures are devoted to battle episodes while the remaining 73 vividly depict episodes of history, everyday life, hunting, feasts, the flora and fauna of India. Inasmuch as the subject-matter of each miniature is explained in great detail in the quotations from "Babur-Nama"[14] attached to the album in the form of a commentary, we deemed it possible to refrain from their description. The miniatures illustrating "Babur-Nama" are amazing for their realism, first and foremost, for their real-to-life movements and truthfulness. The painters achieved brilliant success in pursuing their main task – that of depicting the episodes from the "Memoirs" of Babur as precisely and truthfully as possible. In spite of the limitations imposed by the frame of the text, the painters picked out the crux of the matter and used it as the backbone for a finished artistic composition making use of all the essential elements of history, geography, ethnography and everyday life. By this method the artists created typical characters of their period in typical surrounding. This may be applied to such outstanding miniature painters as Kesu Gujarati, Ustad Mansur, Nand Kuvalyari, Sangar Gujarati, Farrukh Beg, Husrau Quli, Sarun, Ras, Ibraghim Naqqash. By the harmonious combination of refined drawings and bright colours the Indian masters succeeded in re-creating the spirit of the epoch and its specific features in an appealing form.

The artistic style and aesthetic norms of Indian miniature painting are very distinct from those of the Timurid and Safavid periods. The artists illustrating "Babur-Nama" used with great skill the conditional composition of Oriental miniatures which is necessitated by the fact that an event or a series of episodes have to be depicted on a small plane (usually the size of a book sheet). In order to achieve greater artistic impact complicated developments are split up into three or four episodes, each serving as the basis for an independent composition. These are applied to the plane from bottom to top. Each composition is separated from another by decorative elements of architecture, mountains, hills, rivers, plants, fragments of text forming part of the miniature arrangement, etc. Each composition, while retaining its independence, is skillfully attached to the next one and they all form uninterrupted pattern. The meeting between Babur and his sister Hanzade begim (miniature 7) is given in four settings. In the foreground below is seen the exterior of a tent with a servant tending to the horses of Babur and his companion Mohammed Kukaltash. The next setting depicts Babur and Mohammed in conversation with Hanzade begim. The pre-ultimate setting (in the right hand top section) gives a general view of the court while in the background we see an Indian landscape. In miniature 41 Babur's arrival to Kabul is given in three settings – the city gates, the internal part of the city and a fortress repelling attack. In the miniature depicting Babur who had fallen ill (miniature 16) the foreground shows guests being welcomed at the gates, the next setting depicts the first half of the yard, then we see the second half of the yard and physicians at Babur's sick bed and in the background – a splendid Indian landscape.

This multiple setting in composition, which enables the artist to arrange his subjects in space freely, is found in 30 miniatures. It is in this multi-setting development of the subject within an extremely limited flat plane of a page – something which requires great talent and skill, that the Indian painters have demonstrated their high standards.

Conditionality in artistic style is diversified. It appears not only in the introduction of several settings, but also in the plane of depiction, deliberate distortion of the ratio of human figures to the scale of buildings, almost complete absence of perspective in the drawing and in the traditional posture of

---

[14] Бобир Заҳириддин Муҳаммад. Бобирнома, Тошкент, ЎзССР Фанлар академияси нашриёти, 1958; Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-наме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958; B e v e r i d g e A. The Babur-name in English (Memoirs of Babur) by Zahir ud-din Mohammad Babur Padshah Ghazi, translated by Anette S. Beveridge, vol. I, II, London, 1921.

people shown almost everywhere either in profile or threequarter of a full face.

A well-balanced composition on the whole is dictated by the laws of rythm. This strict adherence to rythm in the arrangement of human figures, animals, plants and elements of the decore; the rythm of the drawing itself – the gestures, the movement, rythm in the combination of colours and chiaroscuro prompted by intuition laws of beauty produced such masterpieces as the miniatures to "Babur-Nama". Typical of the manuscript of "Babur-Nama" at the British Museum are the dramatic nature, wealth of details and finish of the miniatures.

Having absorbed the best traditions and methods of miniature painting of the schools of Herat, Bukhara, Samarkand, Shiraz and Tabriz, the artists of the Baburid period depicted characters typical of India. The faces, eyes, moustaches, beards, attire, footwear, belts and head-dresses (turbans) are typically Indian and these people differ sharply from the characters in the Timurid and Safavid miniatures.

It must be pointed out however, that the canonical nature in the style of Indian miniature painting prevented the truthful depiction of Babur's activities in Maverannahr. In the miniatures which depict Babur's ascension to the throne in Andijan, his battles against the Shaibanids in Samarkand, his meeting with his sister in Herat and the feast at Badiuzzaman's place, the Central Asians are shown with Indian countenances. Instead of the gorgeous and original architectural monuments of Samarkand, Herat and their orchards and parks the miniatures use Indian architecture, flora and fauna as decorative elements.

The image of Babur himself holds a special place among the characters of "Babur-Nama", most of whom are historical personalities. Out of the total of 96 miniatures 46 paintings (4, 7, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 54, 87, 90, 91, 92, 94, 95, 96) depict Babur in various postures. It is notable that the portraits of the man sitting on the throne, wearing armour on the battle field, hunting, feasting, conducting diplomatic talks, travelling over India, etc. bear the closest resemblance to the famous portrait of Babur with book in hand in the garden [15]. This portrait is published as addendum to the given album. The central figure in all 46 miniatures devoted to Babur is a majestic and militant man of great stamina and will power, a man possessing a rich intellect and a noble and gentle heart. Indeed, these are true and realistic portraits of Babur – a statesman, soldier, scholar and poet. We are inclined to say that the miniature portraits of Babur are not only realistic but even true-to-life on the grounds of the following: Babur died in 1530 and the miniatures to the British Museum manuscript of "Babur-Nama" were created about half a century later. This means that in the eighties of the sixteenth century there still lived quite a few people among his followers who had known and seen the emperor and could be reliable advisers and judges to the painters. Secondly, there undoubtedly existed a life-time portrait of Babur who valued so much the arts and who was the patron of scholars, poets, painters and scribes. Such a life-time depiction of Zahir ad-Din Mohammed Babur could serve as the basis for the great similarity in his portraits on the miniatures of the British Museum manuscript. Thirdly, could the great Akbar – a passionate connoisseur of beauty and a talented artist himself, remain indifferent to the portraiture of his beloved grandfather, the founder of the empire? Certainly not. He would never permit any distortion of the image of Babur as a historic personality and certainly would not tolerate the painting of a false image on miniatures.

All this leads us to believe that the general similarity of all the portraits created at the court of Akbar, is irrefutable proof to the existence of an authen-

---

[15] This portrait of Babur is at the British Museum (inv. I BM 1921–10–11–03), size 12.8×18 cm. The well-known researcher of Oriental miniatures I. Stchoukine dated it to the twenties of the seventeenth century.

tic life-time portrait of Babur, which served as a prototype for all the following interpretations of his image [16].

The miniatures to "Babur-Nama" which we are publishing, are unrivalled masterpieces of Indian imitative art that had borrowed the best traditions of the Samarkand, Herat, Bukhara, Tabriz, Shiraz and local Indian schools. They also represent a new style of a higher level in Indian miniature painting of the end of the sixteenth century in the period of Akbar.

History science both in the East and in the West has numerous works on the progressive significance of the Baburid rule in India. However, the only criteria in assessing Babur's activities and those of the Baburids in terms of historical credit could be Lenin's pronounciations on the role of the personality in history. Lenin wrote that historical services were judged not on the basis of what historical figures failed to give in the light of contemporary requirements, but what they had produced of the new as compared with their predecessors [17].

The well-known public and political figure of India, the late Jawaharlal Nehru took precisely this objectively scientific approach in assessing the role of the Baburids in Indian history. In his book "The Discovery of India" Mr. Nehru placed high the personality of Zahir ad-Din Mohammed Babur and wrote: "His grandson, Akbar, is even more attractive and has greater qualities. Daring and reckless, an able general, and yet gentle and full of compassion, an idealist and a dreamer, but also a man of action and a leader of men who roused the passionate loyalty of his followers. As a warrior he conquered large parts of India, but his eyes were set on another and more enduring conquest, the conquest of the minds and hearts of the people. Those compelling eyes of his were "vibrant like the sea in sunshine", as Portuguese Jesuits of his court have told us. In him the old dream of a united India again took shape, united not only politically in one state but organically fused into one people. Throughout his long reign of nearly fifty years from 1556 onwards he laboured to this end" [18].

The miniatures to the manuscript of "Babur-Nama" at the British Museum are of exceptional artistic and historical significance. Yet they are but a small sample of the enormous artistic culture of the Baburids which was created during the rule of the Great Akbar.

*

We are deeply convinced that every new research work and publication of monuments of arts of the epoch of Timurids, Sefevids and Baburids will doubtlessly contribute to further strengthening and developing the best traditions of friendship and cooperation between the peoples of Central Asia, heirs of this great culture.

---

[16] It must be noted that the 30 portraits of Babur in the miniatures to the "Babur-Nama" manuscript published by Professor S. Tyulyayev from the collection of the Museum of Oriental Cultures also bear resemblance to his portraits in the given album. This provides fresh confirmation to our assumption.

[17] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 178.

[18] J. Nehru. The Discovery of India. Meridian Books Ltd., 4th Ed., 1956, p. 255.

«БОБИРНОМА» РАСМЛАРИНИНГ МУАЛЛИФЛАРИ

ХУДОЖНИКИ МИНИАТЮР «БАБУР-НАМЕ»

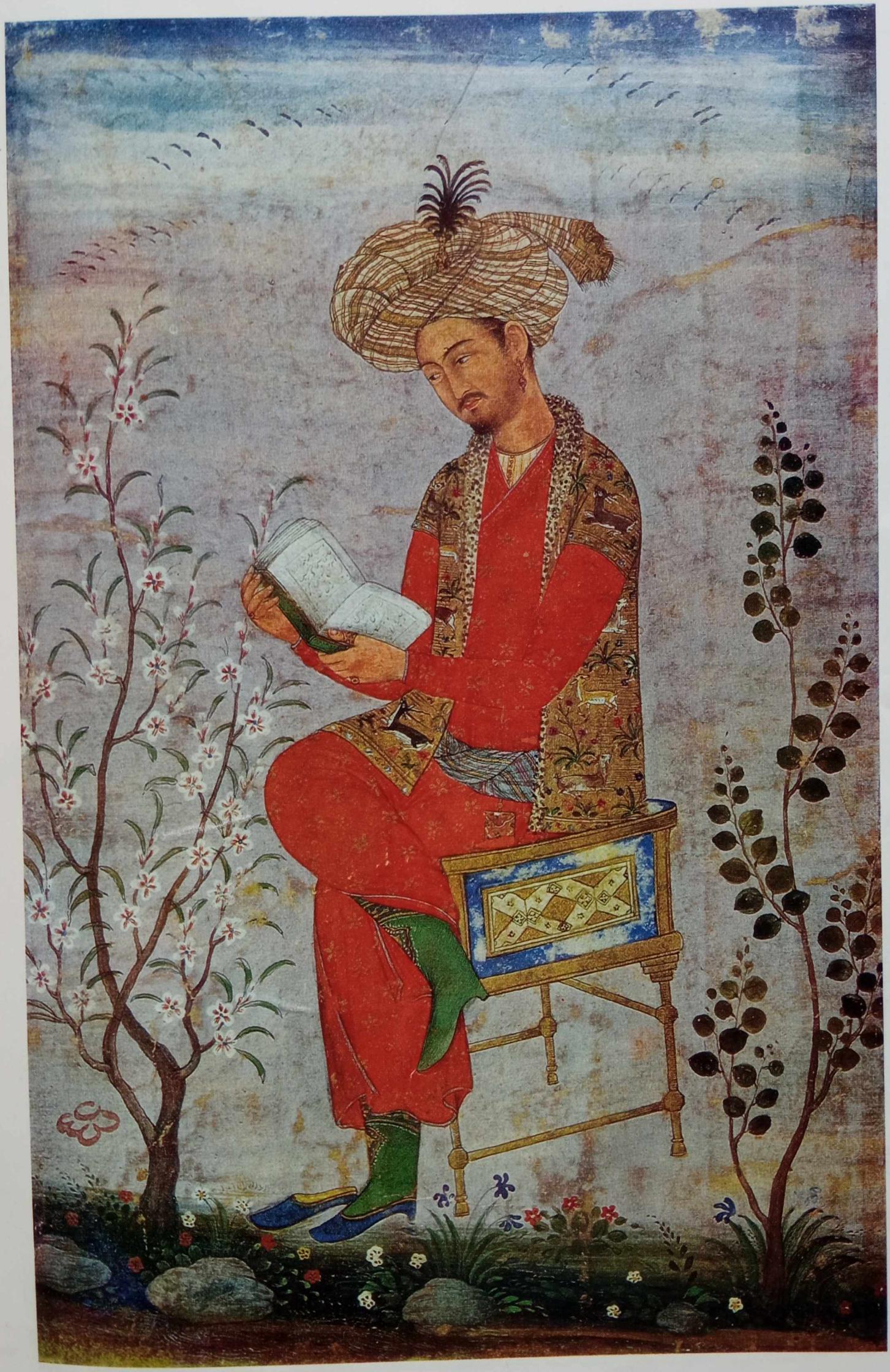
MINIATURE-PAINTERS OF "BABUR-NAME"

Амали Абдуллоҳ	عمل عبدالله	43
Амали Банвори Хурд	عمل بنواری خورد	38, 47
Амали Баҳура	عمل بهوره	87, 88
Амали Баҳвони	عمل بهوانی	5, 13, 91, 93
Амали Дахну	عمل دهنو	24, 71
Амали Дев Кужаротий	عمل دیو کجراتی	53
Амали Дахнирож	عمل دهنراج	31, 46, 92
Амали Жамшид Хила	عمل جمشید خیله	36
Амали Жогоннота	عمل جگناته	28, 52
Амали Иброҳим Қаҳҳор	عمل ابراهیم کهار	22, 83
Амали Иброҳим Наққош	عمل ابراهیم نقاش	86
Амали Каҳм	عمل کهم	94
Амали Кесу Кужаротий	عمل کیسو کجراتی	54, 84, 85
Амали Кубанд	عمل کوبند	29
Амали Мансур	عمل منصور	63, 64, 65
Амали Мануҳар	عمل منوهر	42
Амали Маҳиш	عمل مهیش	25, 89
Амали Муҳлис	عمل مخلص	44
Амали Мажсвори Калон	عمل مجثواری کلان	34
Амали Нанд Куволёрий	عمل نند کوالیاری	9, 96
Амали Нама	عمل ناما	16
Амали Падорат	عمل پدارت	70, 90
Амали Паҳм Кужаротий	عمل پهم کجراتی	11, 32
Амали Рамдас	عمل رامداس	95
Амали Расики	عمل رسیکه	23
Амали Рас	عمل رس	14, 26, 30, 50
Амали Сангар Кужаротий	عمل سنکر کجراتی	33, 48, 68, 69, 74, 81, 82
Амали Сабудас	عمل سبوداس	51
Амали Санулоҳ	عمل سانوله	21
Амали Сарун	عمل سرون	57, 72, 73, 79
Амали Сархун	عمل سرحن	8
Амали Сурд	عمل سورد	12
Амали Сури Кужаротий	عمل سور کجراتی	45, 66, 67
Амали Тарё	عمل تریا	19, 37, 41
Амали Тулук	عمل تلوک	20
Амали Талси Хурда	عمل تلسی خورده	76, 77
Амали Таҳриёл	عمل تهریال	6, 39
Амали Шаём	عمل شیام	27, 59
Амали Фарруҳбек	عمل فرّوح بیک	7
Амали Хусрав Қули	عمل خسرو قلی	80
Амали Ҳиср Хила	عمل حصر خیله	35

РАСМЛАР

МИНИАТЮРЫ

MINIATURES

Заҳириддин Муҳаммад Бобир. XVII аср бошида ишланган миниатюра.

Захириддин Мухаммед Бабур. Миниатюра начала XVII века.

Zahiriddin Muhammad Babur. Miniature. Beginning of the XVIIth century.

2

Бобирнома қўлёзмасига ишланган зарварақ *(вв. 1б, 2а)*

Фронтиспис рукописи «Бабур-наме» *(лл. 1б, 2а)*

Frontispiece of the manuscript "Babur-Name" *(ff. 1b, 2a)*

Бобирнома қўлёзмасига
ишланган зарварақ
(вв. 1б, 2а)

Фронтиспис рукописи
«Бабур-наме» *(лл. 1б, 2а)*

Frontispiece of the
manuscript "Babur-Name"
(ff. 1 b, 2 a)

Бобирнинг тож кийиб
Фарғона тахтига чиқиши
(в. 2б)

Коронация и восхождение
Бабура на престол
Ферганы *(л. 2б)*

Babur's coronation and
accession to the throne of
Ferghana *(f. 2b)*

Бодом терими *(в. 6 б)*

Сбор миндаля *(л. 6 б)*

Collection of almonds
(f. 6b)

Ҳодарвиш даштидаги
бўрон *(в. 7а)*

Буря в степи Хадервиш
(л. 7а)

Storm in Hadervish Steppe
(f. 7a)

Бобирнинг опаси Хонзодабегим билан учрашуви *(в. 13б)*

Встреча Бабура со старшей сестрой Ханзаде бегим *(л. 13б)*

Babur meets his elder sister Khanzade begim *(f. 13b)*

Султон Аҳмад Мирзо лашкарининг Қубо (Қува) сойидаги ҳалокати *(в. 22а)*

Гибель войска Султан Ахмед Мирзы на реке Куба (Кува) *(л. 22а)*

The troops of Sultan Ahmed Mirza perish in the waters of the River Quba (Quva) *(f. 22a)*

Абубакр Дуғлат Кошғарийнинг Ўзгандни қамал қилиши *(в. 23а)*

Абубакр Дуглат Кашгари осаждает Узгенд *(л. 23а)*

Abubekr Duglat Kashgari besieges Uzgend *(f. 23a)*

Бобирнинг аркка томон жўнаши *(в. 31б)*

Бабур направляется в сторону арки *(л. 31б)*

Babur rides to the arch *(f. 31b)*

Боқий Чағаниёнийнинг
Бобир ҳузурига келиши
(в. 35б)

Присоединение Баки
Чаганияни к Бабуру
(л. 35б)

Baki Chaganiyani swears
his loyalty to Babur
(f. 35b)

Ҳисор бекларининг Бобирдан паноҳ истаб келиши *(в. 44а)*

Беки Хисара просят покровительства у Бабура *(л. 44а)*

Beks of Hisar ask Babur for protection *(f. 44a)*

Хонюрти қалъасининг қамали *(в. 52а)*

Осада крепости Ханюрти *(л. 52а)*

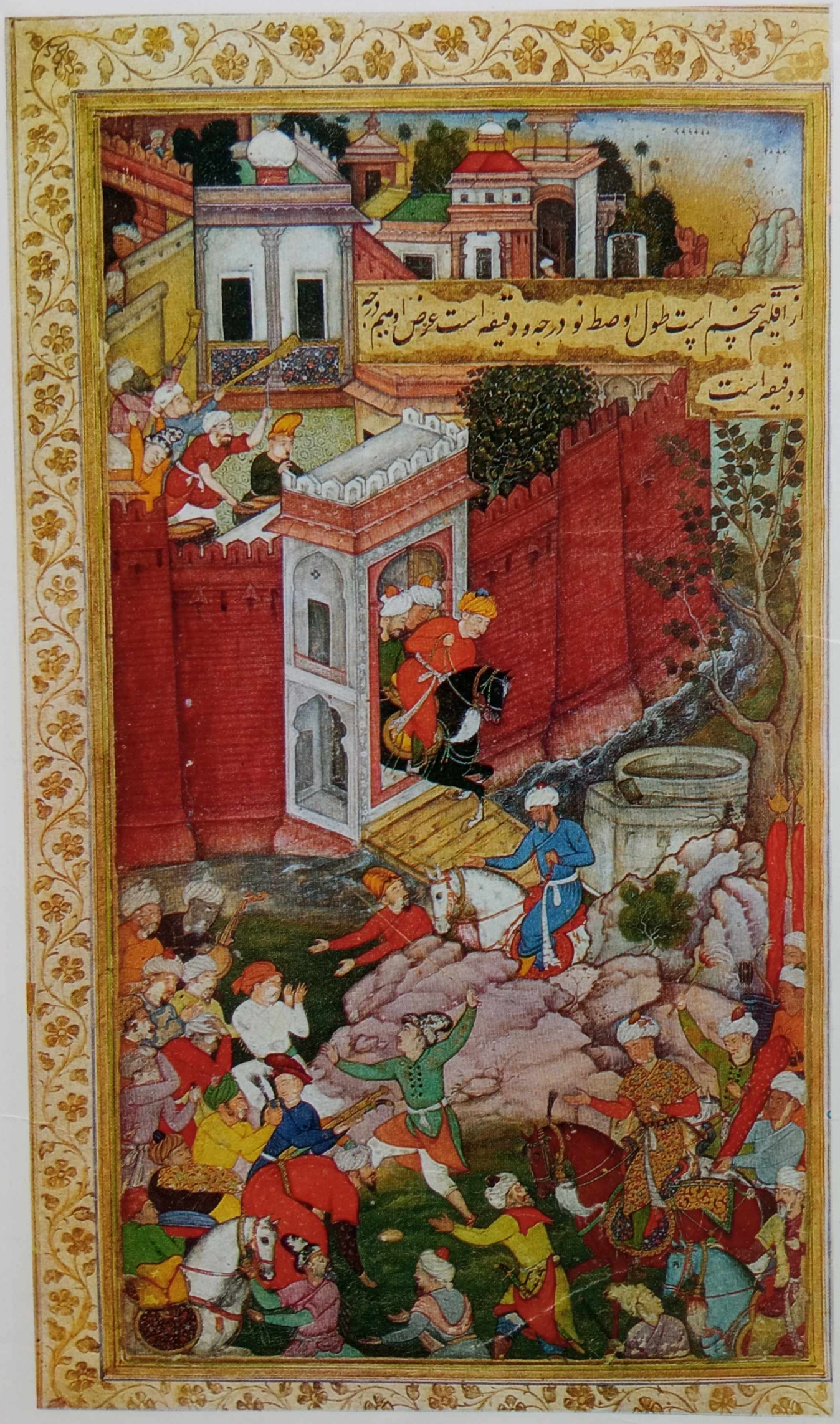
Siege of Khan yurti Fortress *(f. 52a)*

Самарқанднинг Бобир томонидан камал қилиниши *(о. 54а)*

Осада Самарканда Бабуром *(л. 54а)*

Babur besieges Samarkand *(f. 54a)*

Бобирнинг
самарқандликлар
томонидан тантана билан
кутиб олиниши *(в. 59а)*

Торжественная встреча
Бабура самаркандцами
(л. 59а)

The inhabitants of
Samarkand welcome Babur
(f. 59a)

Бобир Самарқандда
касал ҳолда *(в. 70а)*

Больной Бабур
в Самарканде *(л. 70а)*

Babur stricken by illness
in Samarkand *(f. 70a)*

Андижоннинг қўлдан кетганлиги ҳақидаги хабар *(в. 81б)*

Весть о потере Андижана *(л. 81б)*

Messenger brings news of the loss of Andijan *(f. 81b)*

18

Бобирнинг Андижон
атрофидаги жанги
(в. 84а)

Бой Бабура
под Андижаном *(л. 84а)*

Babur and his troops fight
for Andijan *(f. 84a)*

Бобирнинг Танбалга қарши Бишхорон қўрғонидаги жанги *(в. 94б)*

Сражение Бабура с Танбалом в крепости Бишхоран *(л. 94б)*

Babur fights with Tanbal by the Bishkhoran Fortress *(f. 94b)*

Лашкар кўриги маросими
(в. 1286)

Церемония смотра войск
(л. 1286)

The ceremony of
the review of troops *(f. 128b)*

Бобирнинг Султон Саидхон ва Бобохон Султон билан учрашуви *(в. 133а)*

Встреча Бабура с Султан Сеидханом и Бабахан Султаном *(л. 133а)*

Babur meets Sultan Seidkhan and Babakhan Sultan *(f. 133a)*

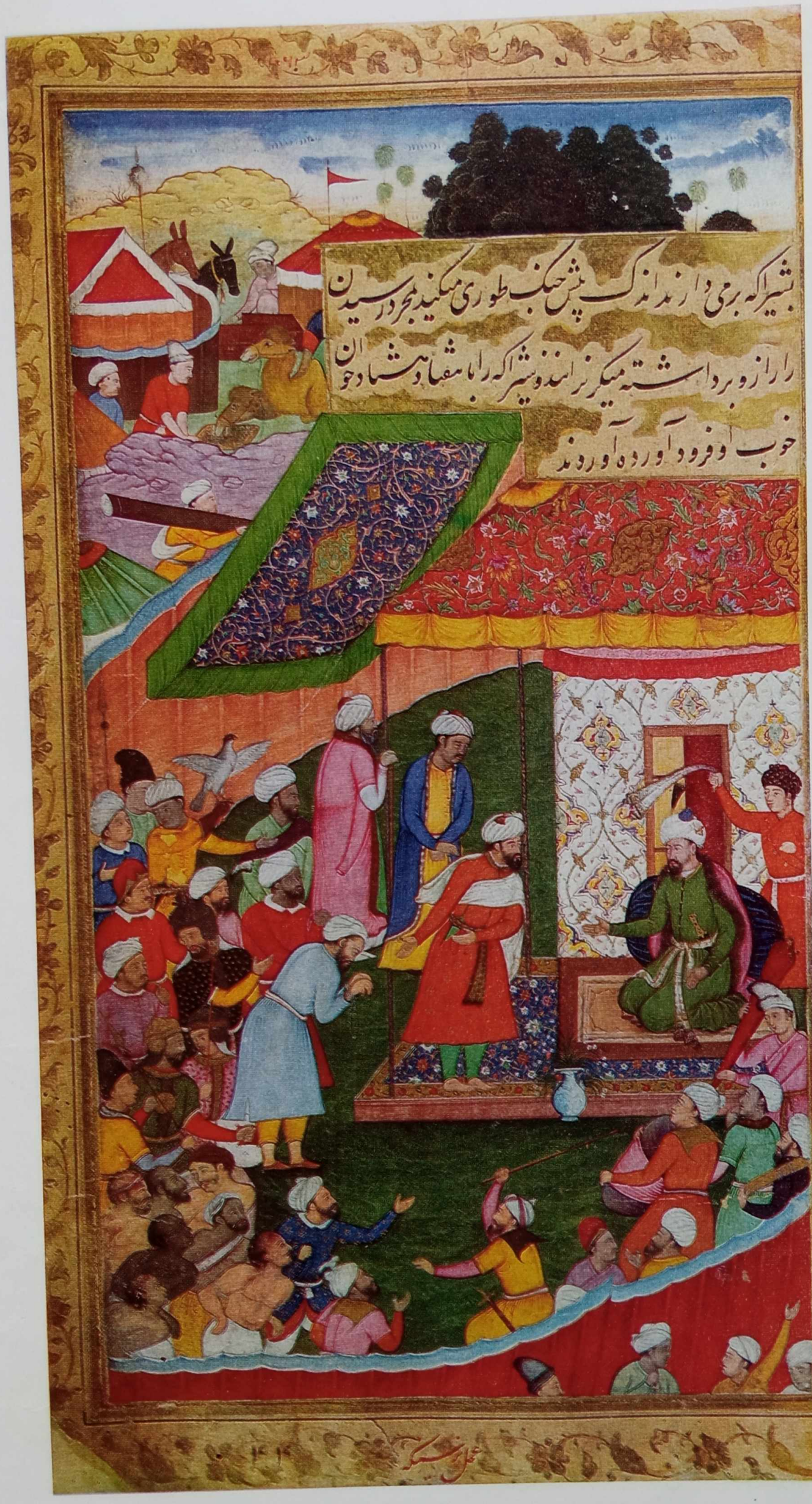
22

Андижон яқинидаги
Чиҳлдухтаронда жанг
(в. 137б)

Битва при Чихлдухтаране
близ Андижана *(л. 137б)*

The battle at
Chihldukhtaran near
Andijan *(f. 137b)*

Шеракнинг Бобирга таслим бўлиши *(в. 163а)*

Подчинение Ширака Бабуру *(л. 163а)*

Sherak surrenders to Babur *(f. 163a)*

Одинапурда Бобир яратган «Боғи вафо» манзараси *(в. 173б)*

Сад «Баги вафа», разбитый Бабуром в Адинапуре *(л. 173б)*

The "Baghi-vafa" garden layed by Babur in Adinapur *(f. 173b)*

Кобул атрофидаги Хўжа Сеёрон чашмаси
(вв. 180б, 181б)

Источник Ходжа Сеяран в окрестностях Кабула
(лл. 180б, 181б)

Khodja Seyaran spring in the vicinity of Kabul
(ff. 180b, 181b)

Кобул атрофидаги Хўжа Сеёрон чашмаси
(вв. 180б, 181б)

Источник Ходжа Сеяран в окрестностях Кабула
(лл. 180б, 181б)

Khodja Seyaran spring in the vicinity of Kabul
(ff. 180b, 181b)

Кобул атрофида қуш ови *(в. 190а)*

Ловля птиц в окрестностях Кабула *(л. 190а)*

Bird-catching in the vicinity of Kabul *(f. 190a)*

Бобир Бигром сайрида
(вв. 197б, 199а)

Прогулка Бабура в Биграм
(лл. 197б, 199а)

Babur takes a pleasure
ride to Bigram
(ff. 197b, 199a)

Бобир Бигром сайрида
(вв. 197б, 199а)

Прогулка Бабура
в Биграм *(лл. 197б, 199а)*

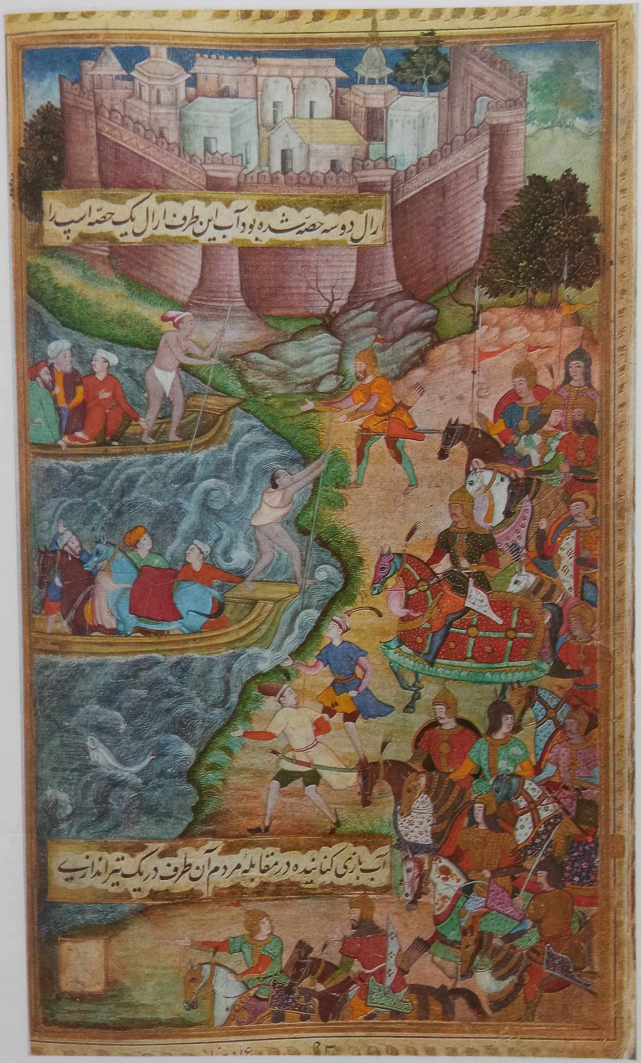
Babur takes a pleasure
ride to Bigram
(ff. 197b, 199a)

Бобир Дашт қишлоғини ишғол қилмоқда *(в. 200б)*

Бабур занимает селение Дашт *(л. 200б)*

Babur in the village of Dasht *(f. 200b)*

Синд дарёсидан ўтиш
(в. 204б)

Переправа через реку
Синд *(л. 204б)*

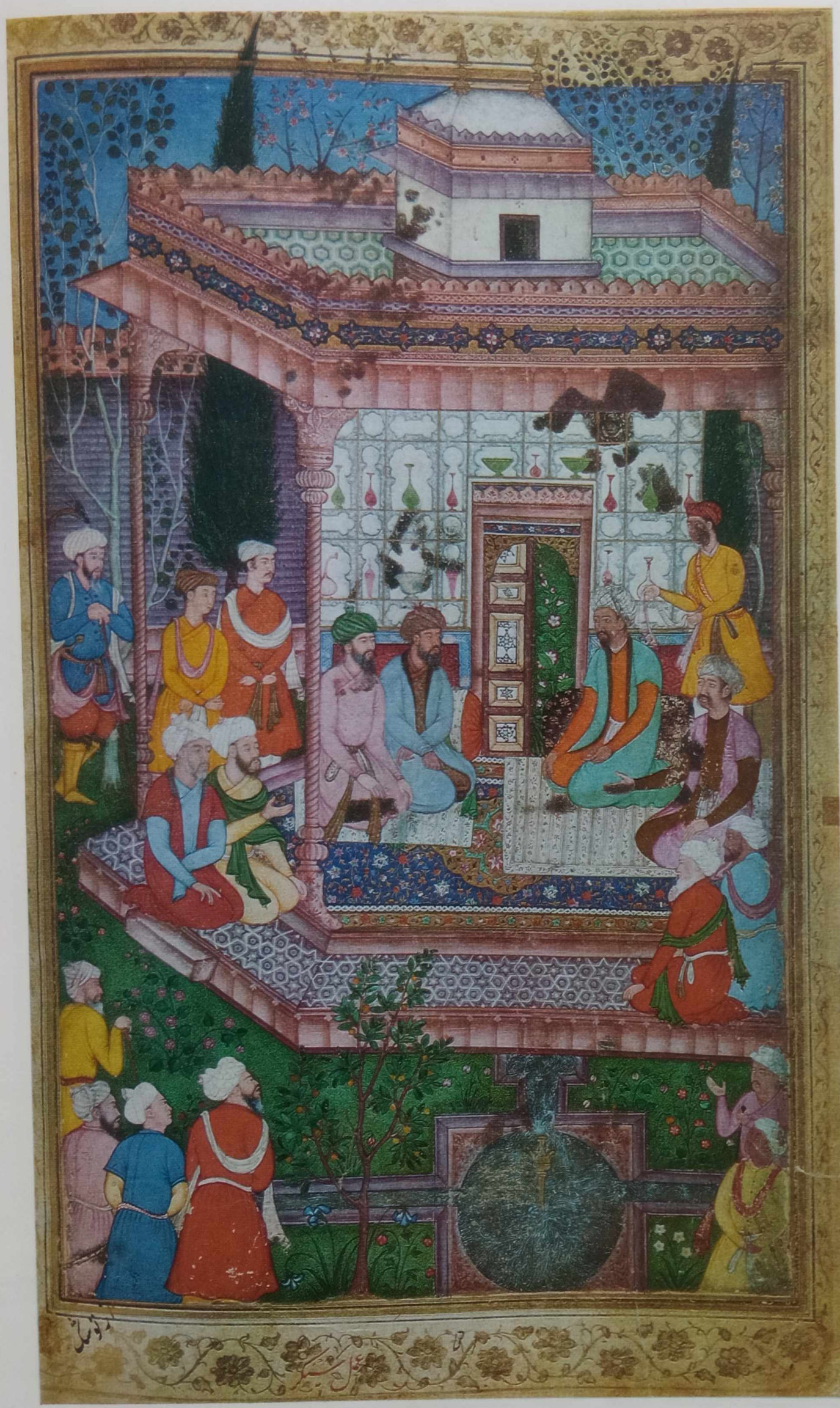
Crossing the River Sind
(f. 204b)

Бобир Бадиуззамон базмида *(в. 208б)*

Бабур на пиру у Бади'аз-Замана *(л. 208б)*

Babur feasting at Badiazzaman *(f. 208b)*

Бобир Бадиуззамон
қабулида *(вв. 252б, 253а)*

Бабур на приеме
у Бади'аз-Замана
(лл. 252б, 253а)

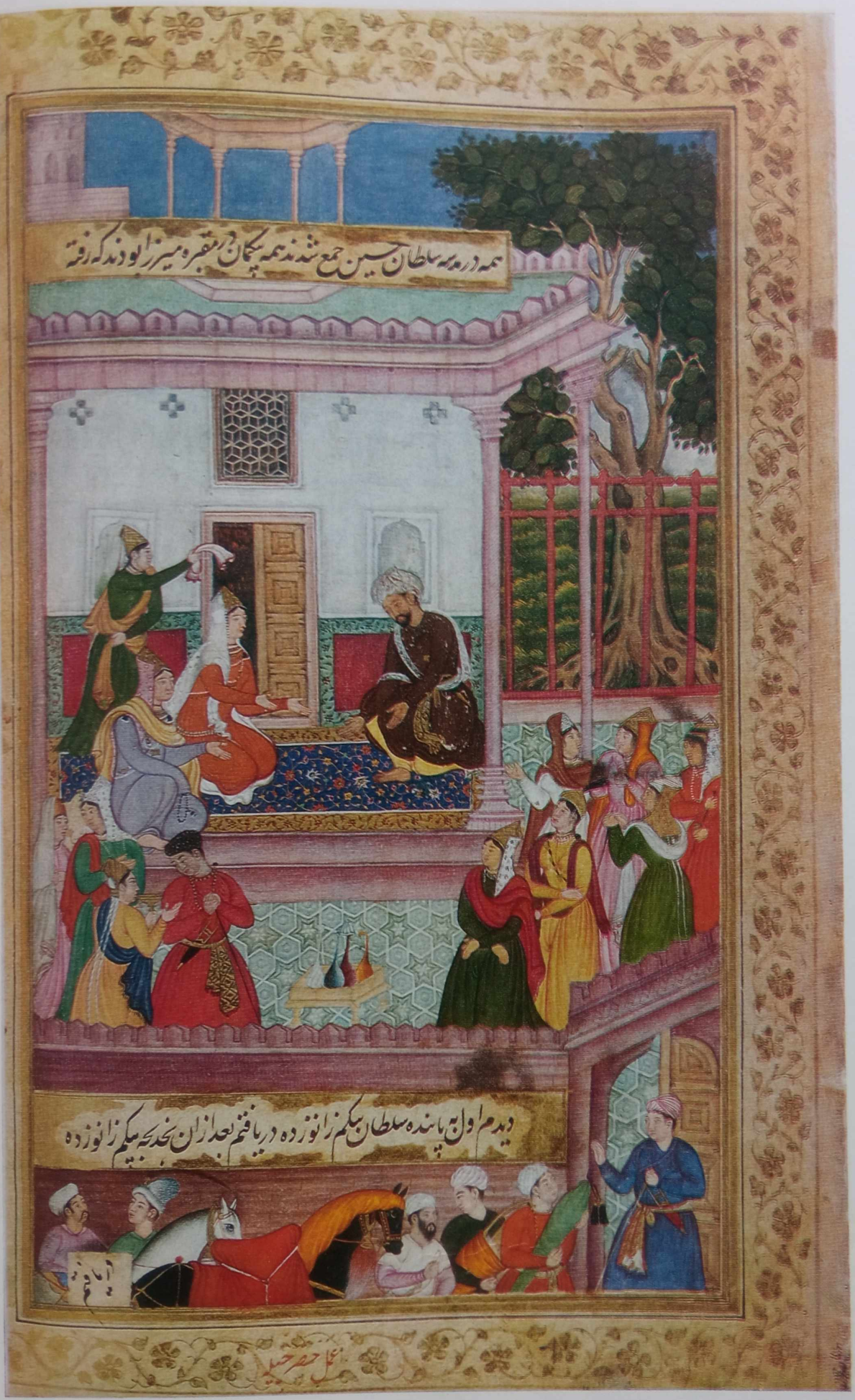
Badiazzaman receives
Babur *(ff. 252b, 253a)*

Бобир Бадиуззамон
қабулида *(вв. 252б, 253а)*

Бабур на приеме
у Бади'аз-Замана
(лл. 252б, 253а)

Badiazzaman receives
Babur *(ff. 252b, 253a)*

Бобир Ҳиротда Султон Ҳусайн хонадонида *(в. 256б)*

Бабур в Герате в доме Султан Хусейна *(л. 256б)*

Babur in Herat at Sultan Husein's house *(f. 256b)*

Бобир Музаффар Мирзо зиёфатида *(в. 257а)*

Бабур в гостях у Музаффар Мирзы *(л. 257а)*

Babur on a visit to Muzaffar Mirza *(f. 257a)*

Бобир Бадиуззамон зиёфатида *(в. 260б)*

Бабур на пиру у Бади'аз-Заман Мирзы *(л. 260б)*

Babur at a feast at Badiazzaman Mirza *(f. 260b)*

Бобирнинг ҳазорийлар
билан жанги
(вв. 270б, 271а)

Битва Бабура
с хазарейцами
(лл. 270б, 271а)

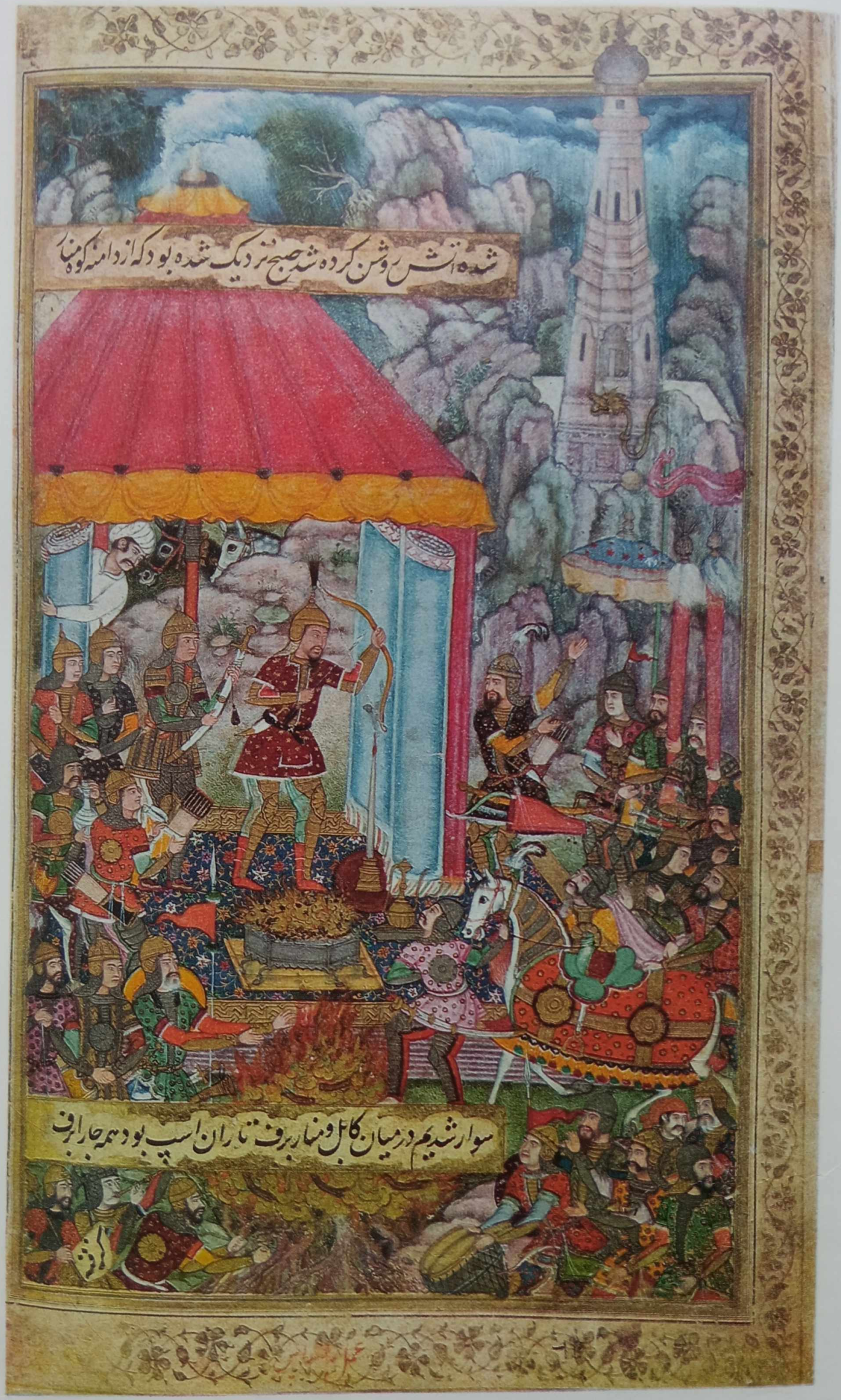
Babur fights with
the Khazari tribes
(ff. 270b, 271a)

Бобирнинг ҳазорийлар
билан жанги
(вв. 270б, 271а)

Битва Бабура
с хазарейцами
(лл. 270б, 271а)

Babur fights with
the Khazari tribes
(ff. 270 b, 271 a)

Бобир лашкари Минор тоғи этагидаги гулхан атрофида *(в. 273б)*

Отряд Бабура у костра у подножия горы Минар *(л. 273б)*

Babur's troops resting around a campfire at the foot of the Minor Mountain *(f. 273b)*

Кобул қалъасини
қамалдан озод этилиши
(в. 274а)

Снятие осады
мятежников
с крепости Кабул
(л. 274а)

Setting Kabul Fortress
free from the mutineers
(f. 274a)

Бобир қулан овида
(в. 283б)

Бабур на охоте
за куланами *(л. 283б)*

Babur hunting kiangs
(f. 283b)

Бобир ов чаргасида
(в. 284а)

Бабур на охоте *(л. 284а)*

Babur on a hunt *(f. 284a)*

Бобирнинг ўн бир сипоҳ билан душман лашкарини енгиши *(в. 285а)*

С одиннадцатью воинами Бабур обратил в бегство большой отряд врагов *(л. 285а)*

Babur and his eleven men put to flight a large enemy detachment *(f. 285a)*

Бобирнинг ўғли Ҳумоюн туғилиши шарафига Кобулда ўтказилган тўй *(в. 295а)*

Пир Бабура в Кабуле по случаю рождения Хумаюна *(л. 295а)*

Babur celebrates in Kabul the birth of Humayun *(f. 295a)*

Бобир карк овида
(в. 305б)

Охота Бабура
на носорогов *(л. 305б)*

Babur hunting rhinoceros
(f. 305b)

Нилобийлар Бобирга
совғалар топширмоқдалар
(в. 306а)

Нилабийцы Бабуру
преподносят подарки
(л. 306а)

The Nilabians present
Babur with gifts *(f. 306a)*

Сармаст Бобир машъала билан от устида *(в. 314а)*

Хмельной Бабур с факелом на коне *(л. 314а)*

Drunk Babur on horseback, torch in hand *(f. 314a)*

Бобир дарё саёҳатида
(в. 333б)

Прогулка Бабура
на плоту *(л. 333б)*

Trip on a raft *(f. 333b)*

Алишанг тоғидаги кийик овида *(в. 347б)*

Охота на оленей на горе Алишенг *(л. 347б)*

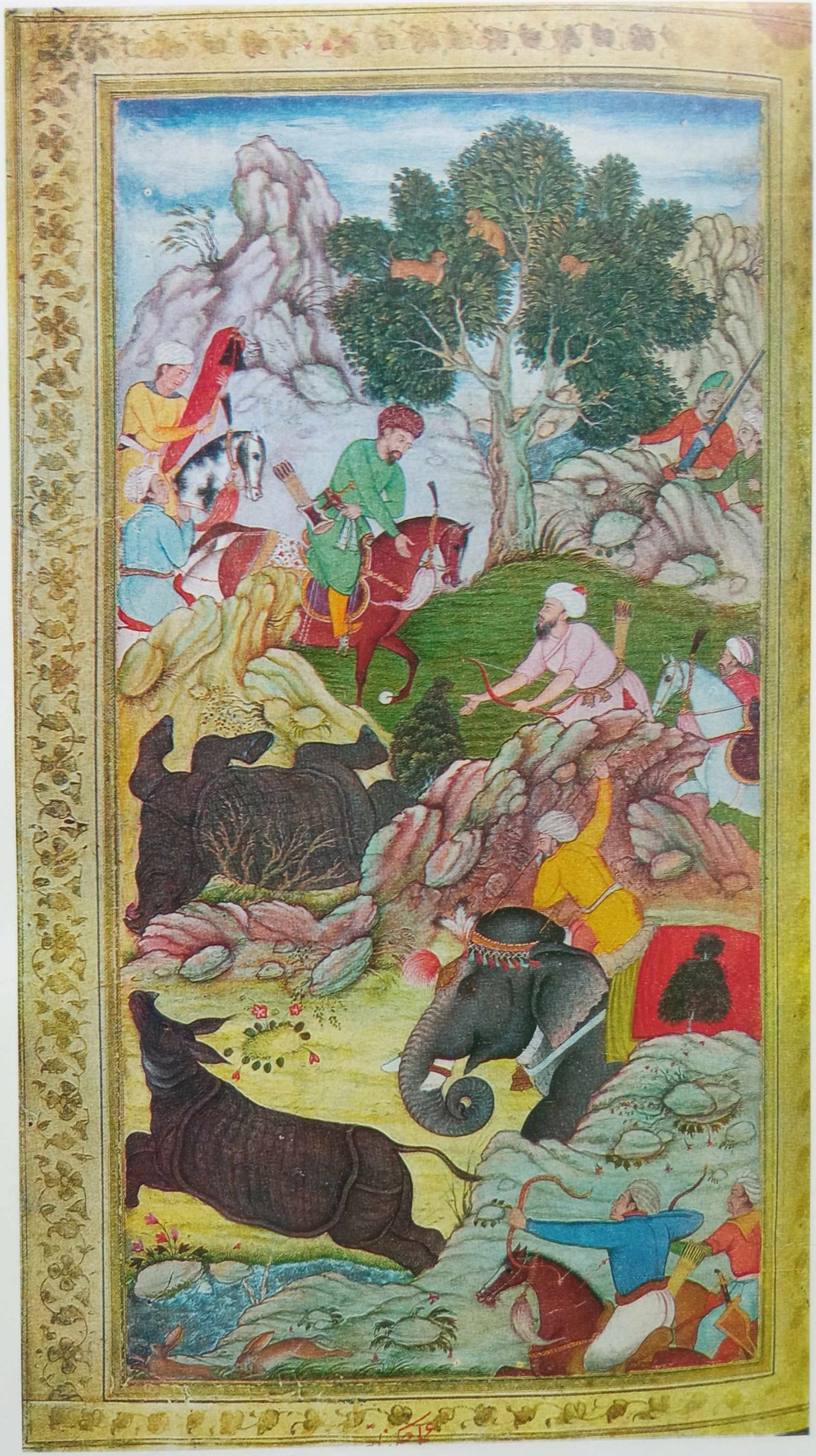
Hunt in the Alisheng Mountain *(f. 347b)*

Бигром атрофида
карк ови *(в. 351б)*

Охота на носорога
под Биграмом *(л. 351б)*

Hunting a rhinoceros near
Bigram *(f. 351b)*

Овда фил билан
каркнинг тўқнашуви
(в. 352а)

Столкновение слона
с носорогом *(л. 352а)*

The fight between an
elephant and a rhinoceros
(f. 352a)

Ҳумоюннинг жанг майдонидаги ғалабаси *(в. 368а)*

Победа Хумаюна на поле битвы *(л. 368а)*

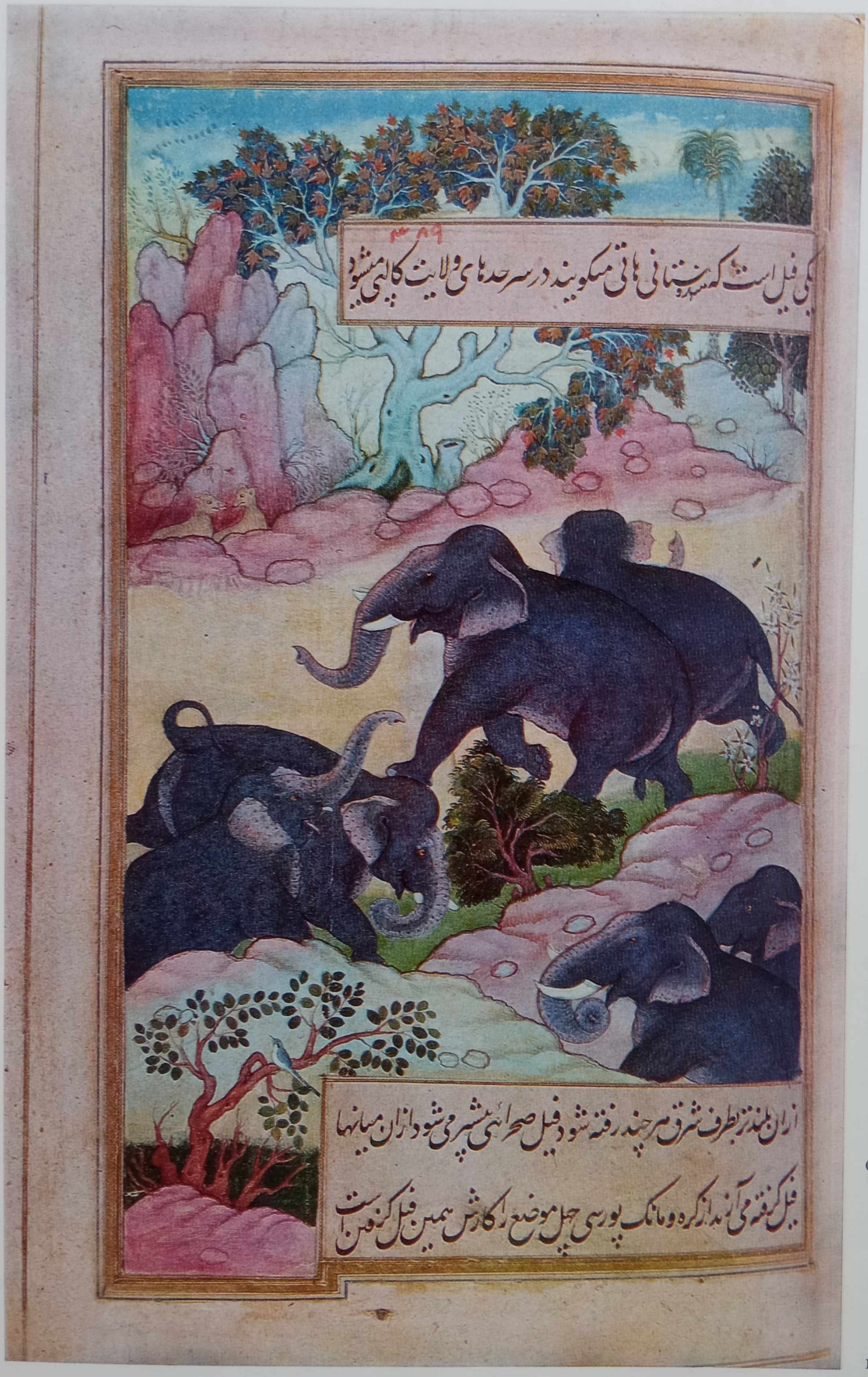
Humayun's victory in a battle *(f. 368a)*

Бобир Деҳли атрофидаги мақбараларни зиёрат қилмоқда *(в. 370б)*

Бабур осматривает мавзолей в окрестностях Дели *(л. 370б)*

Babur surveys the mausoleum in the environs of Delhi *(f. 370b)*

Ҳиндистон филлари
(в. 378a)

Слоны Индии *(л. 378a)*

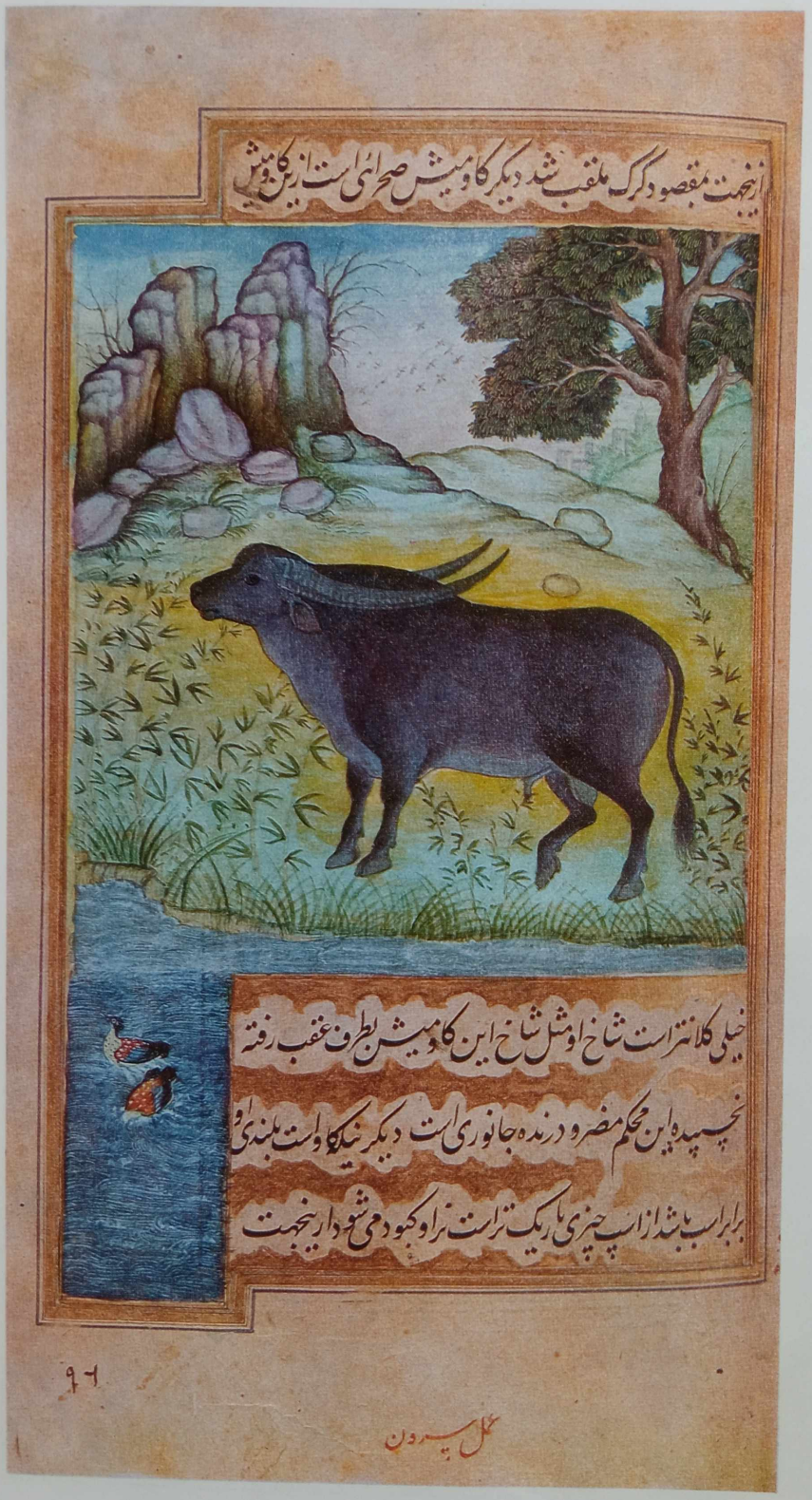
Indian elephants *(f. 378a)*

Хиндистон каркиси
(в. 379а)

Носороги Индии
(л. 379а)

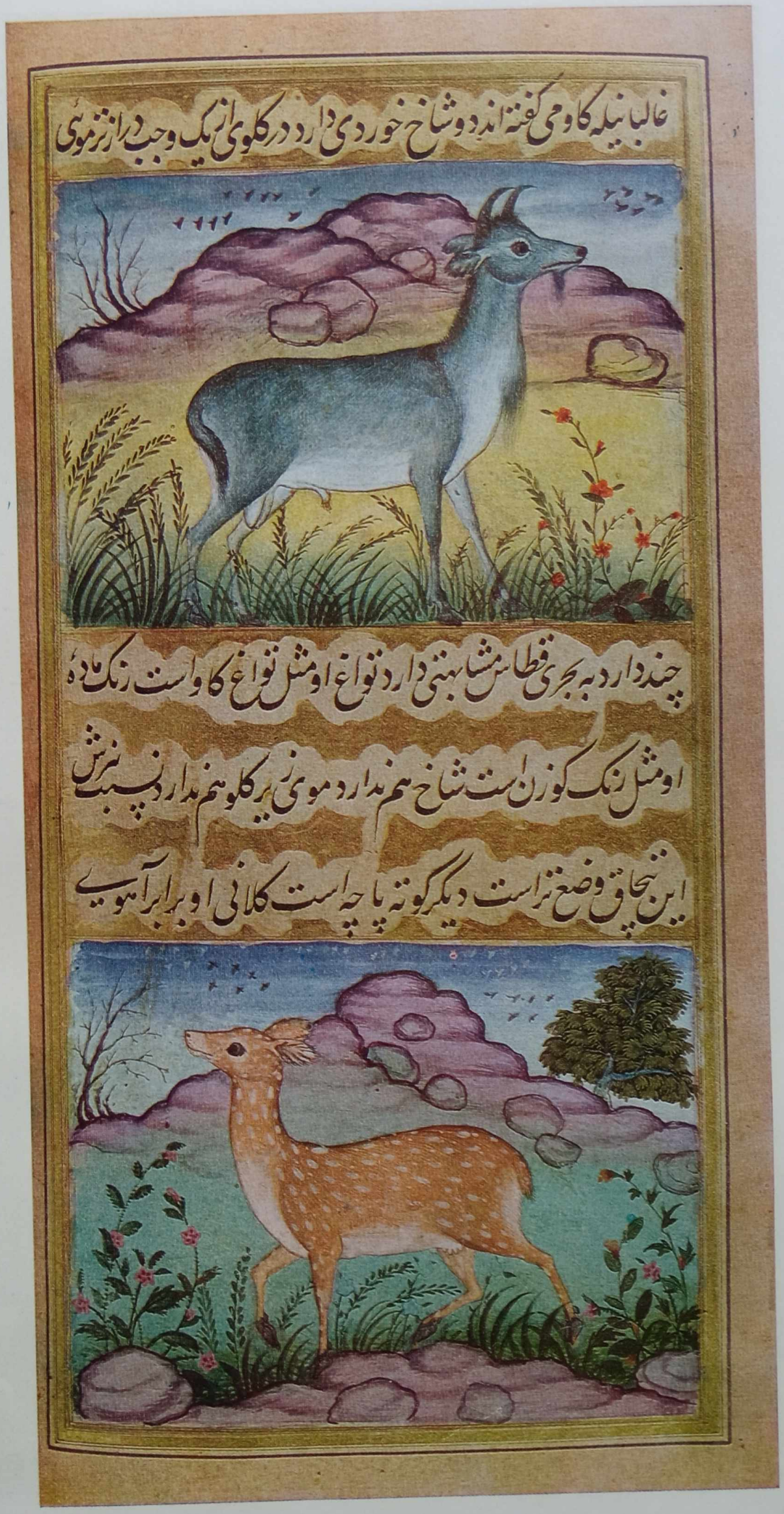
Indian rhinoceros *(f. 379a)*

Ҳиндистоннинг ёввойи қўтоси *(в. 380а)*

Дикий буйвол Индии *(л. 380а)*

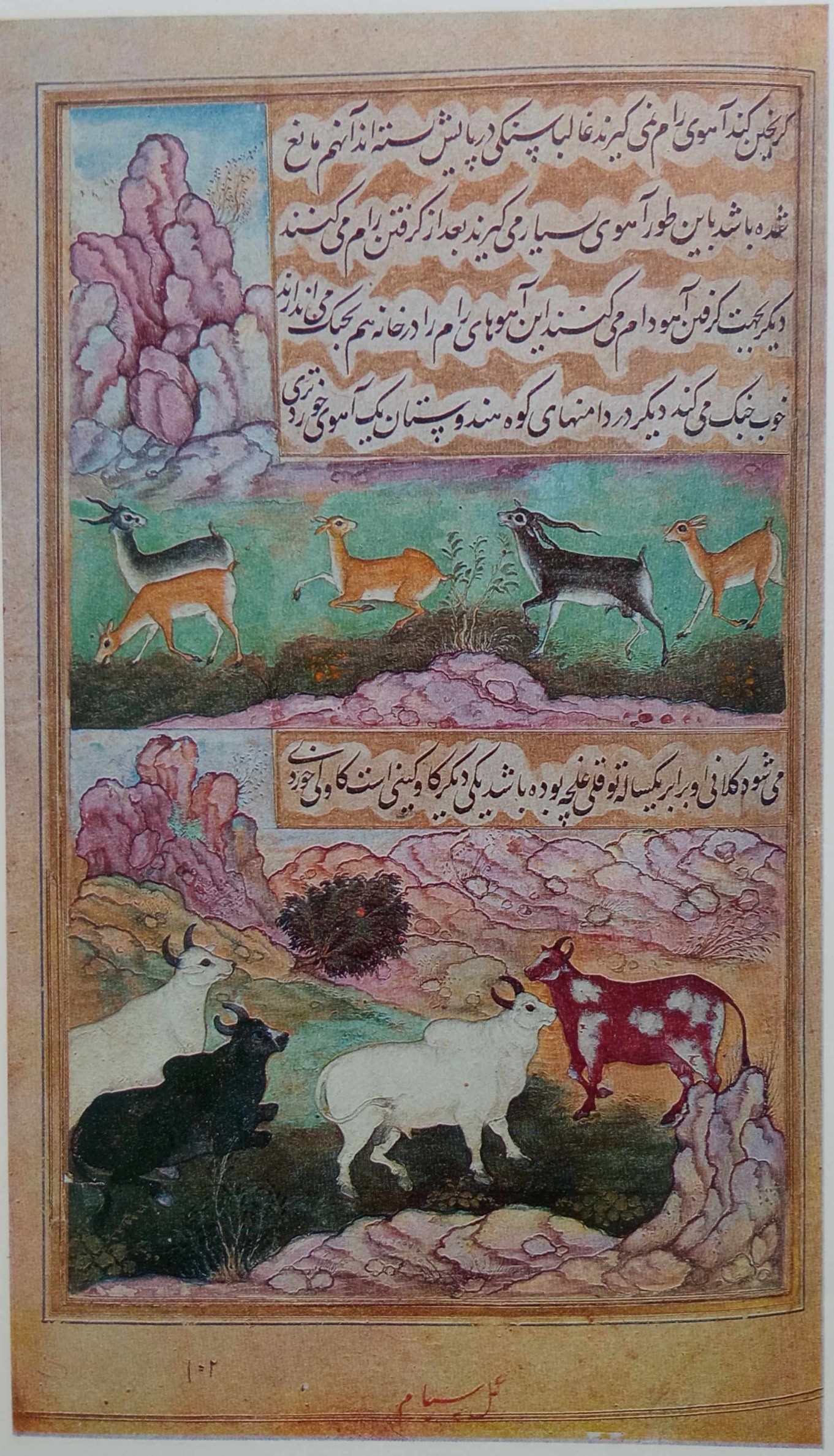
A wild Indian buffallo *(f. 380a)*

Нилагов ва кўтаҳпой кийиклар *(в. 380б)*

Олени нилагау и коротконожка *(л. 380б)*

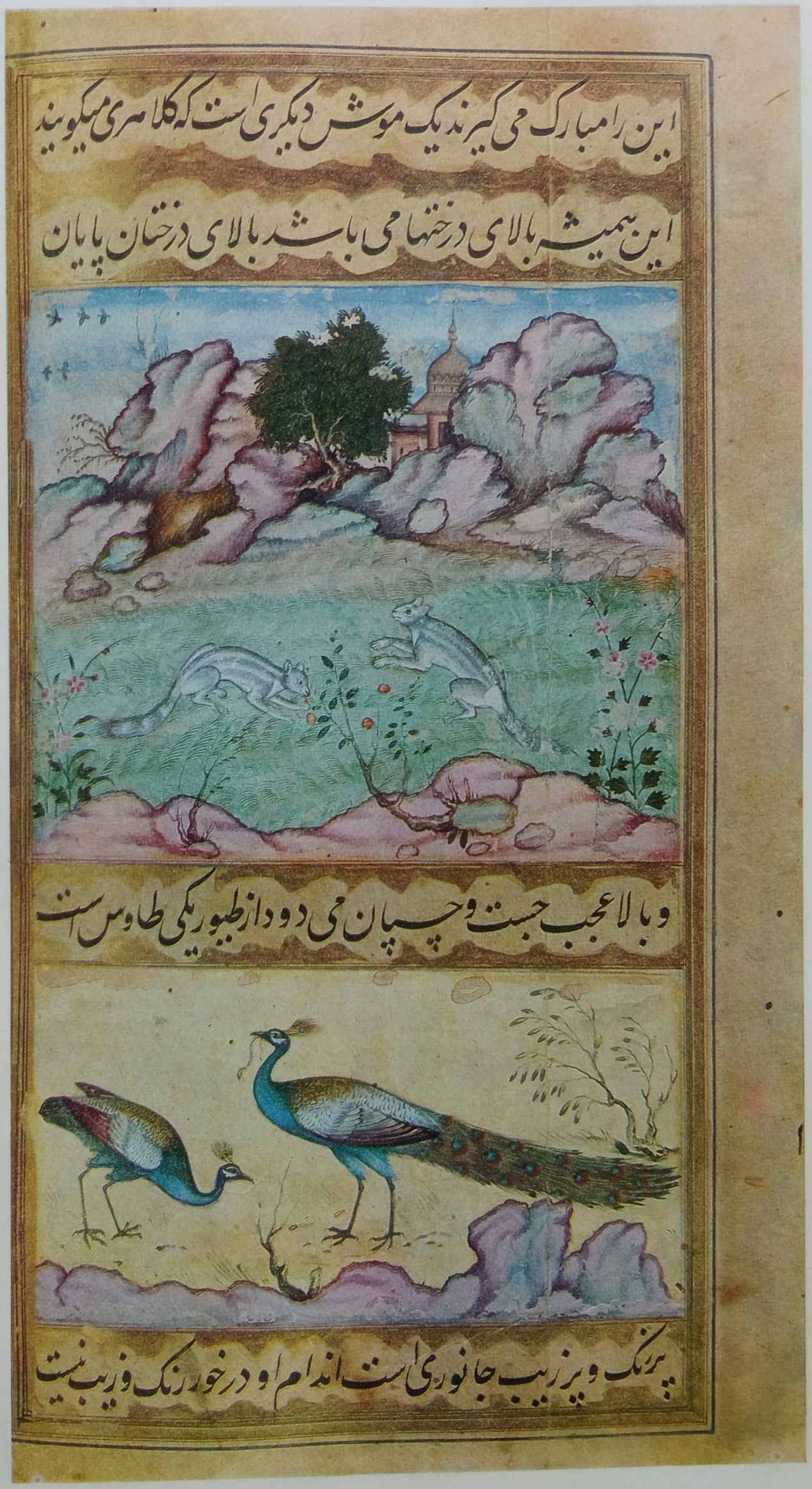
Antelope nilagau and a short-legged antelope *(f. 380b)*

Галаҳра номли кийик ва ўй номли майда ҳўкизлар *(в. 382а)*

Киик калахара и маленькие быки чини *(л. 382а)*

Antelope kalahara and zebu chini *(f. 382a)*

Сичқонсимон калоҳирий ва товуслар *(в. 383б)*

Род мыши галахри и павлины *(л. 383б)*

Galahri, a sort of mice, and peacocks *(f. 383b)*

Ҳиндистон тўтилари
(в. 384б)

Индийские попугаи
(л. 384б)

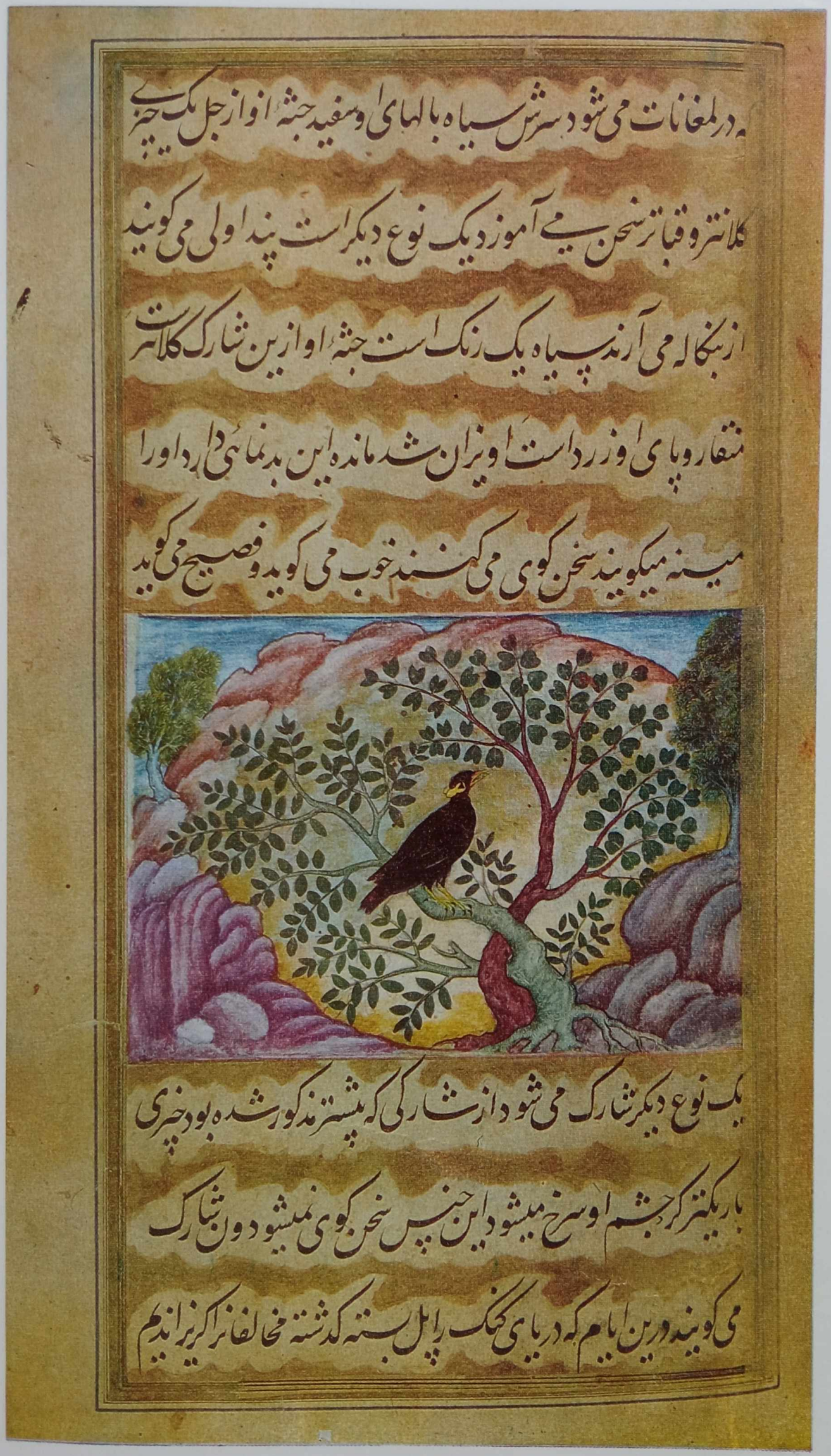
Indian parrots *(f. 384b)*

Шорак қуши *(в. 385б)*

Птица шарак *(л. 385б)*

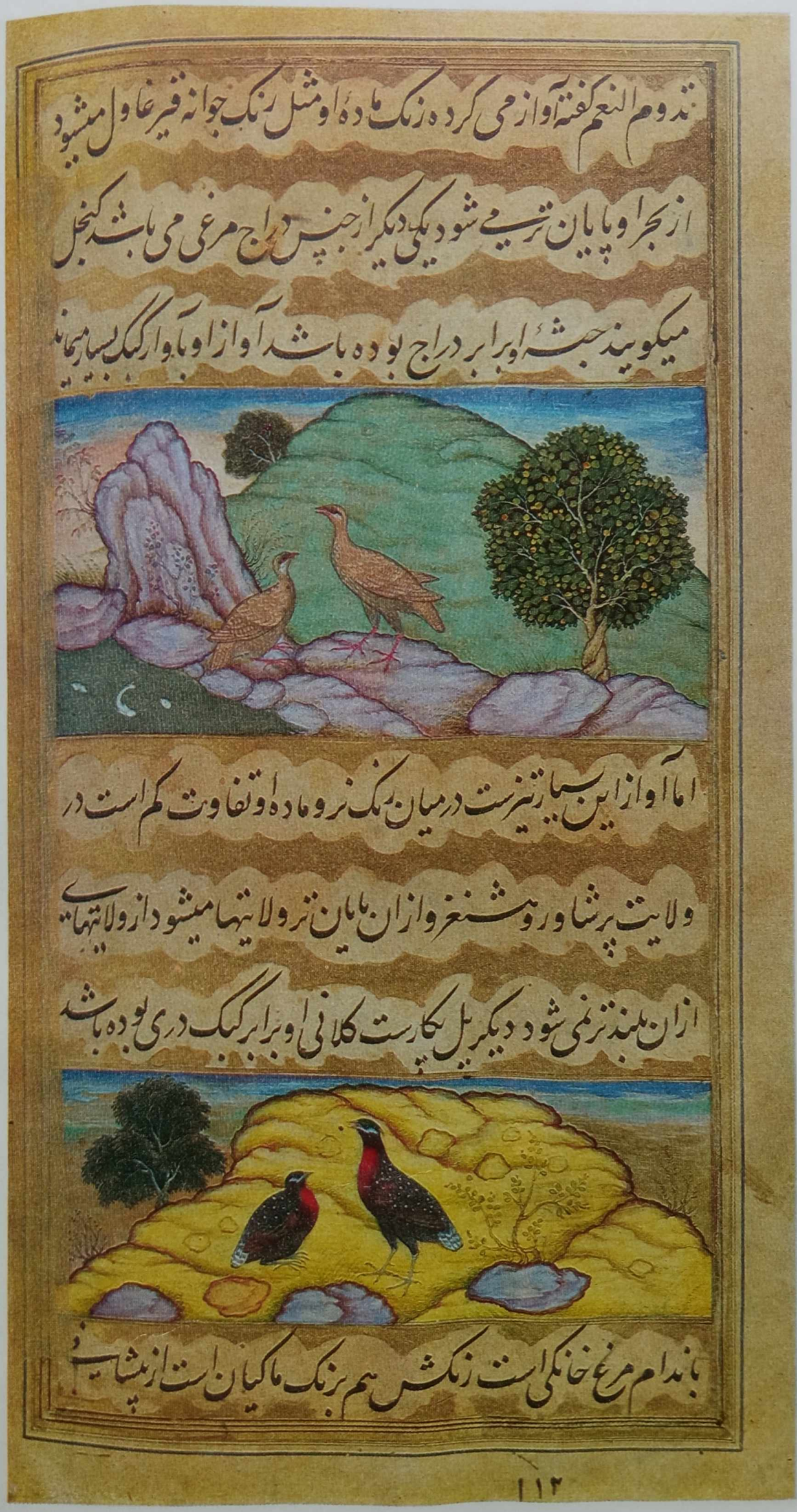
The birds shorak *(t. 385b)*

Шорак қушининг мино навъи *(в. 386а)*

Разновидность шарака — пиндавали *(л. 386а)*

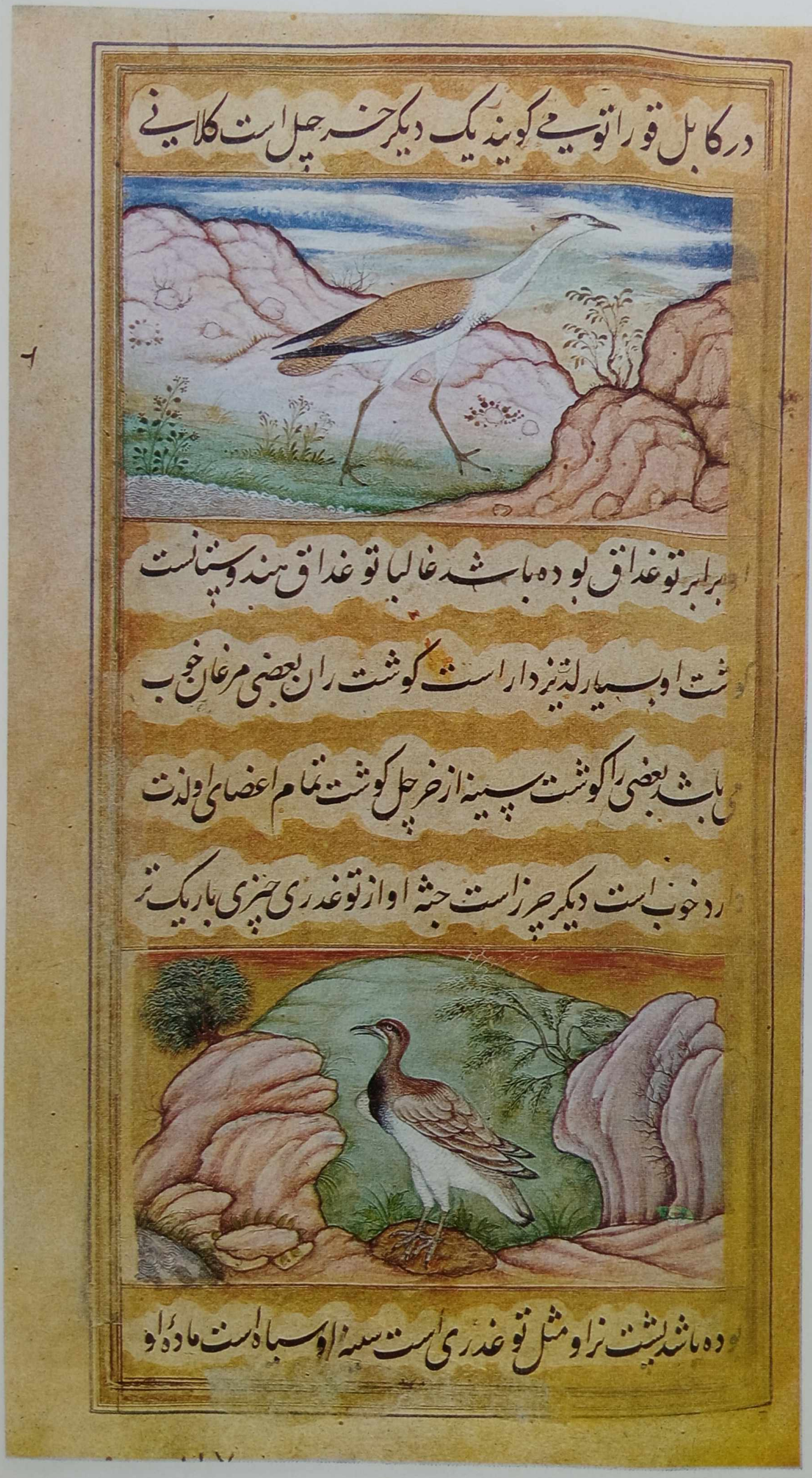
A variety of shorak – the pindavali *(f. 386a)*

Канжал ва пулпайкар номли қушлар *(в. 387б)*

Птицы породы канджал и пулпайкар *(л. 387б)*

The birds of kanjal and pulpaikar species *(f. 387b)*

Харчал ва чарз қушлари
(в. 389а)

Птицы харчал и чарз
(л. 389а)

The birds kharchal and charz *(f. 389a)*

Сорас ёки теватурна
(в. 390а)

Сарас или тиватурна
(л. 390а)

Saras or tivaturna *(f. 390a)*

Маниклар ва лайлаклар
(в. 390б)

Маники и аисты *(л. 390б)*

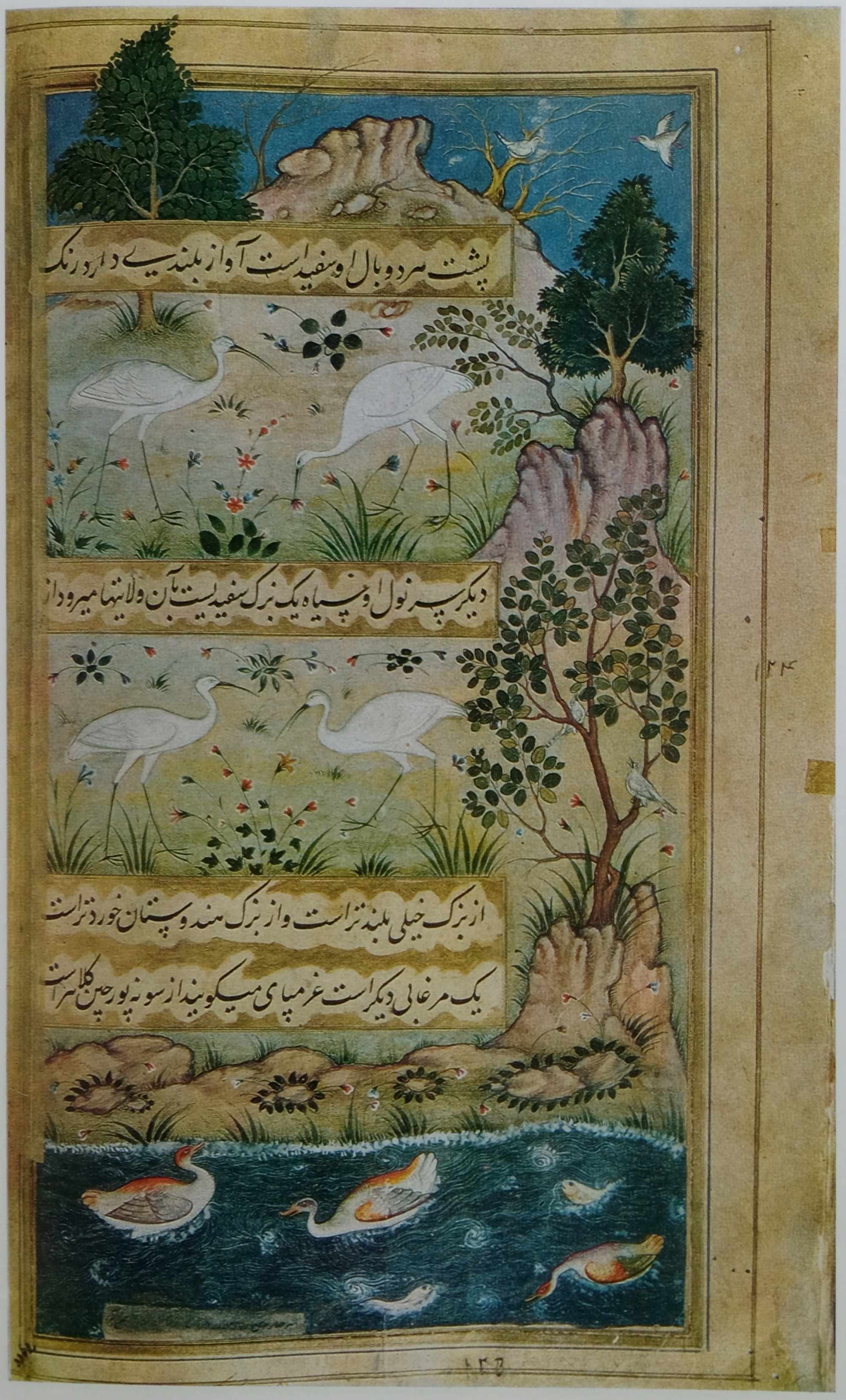
Maniks and storks *(f. 390b)*

Ҳиндистон лайлагининг турлари *(в. 391а)*

Разновидности аистов Индии *(л. 391а)*

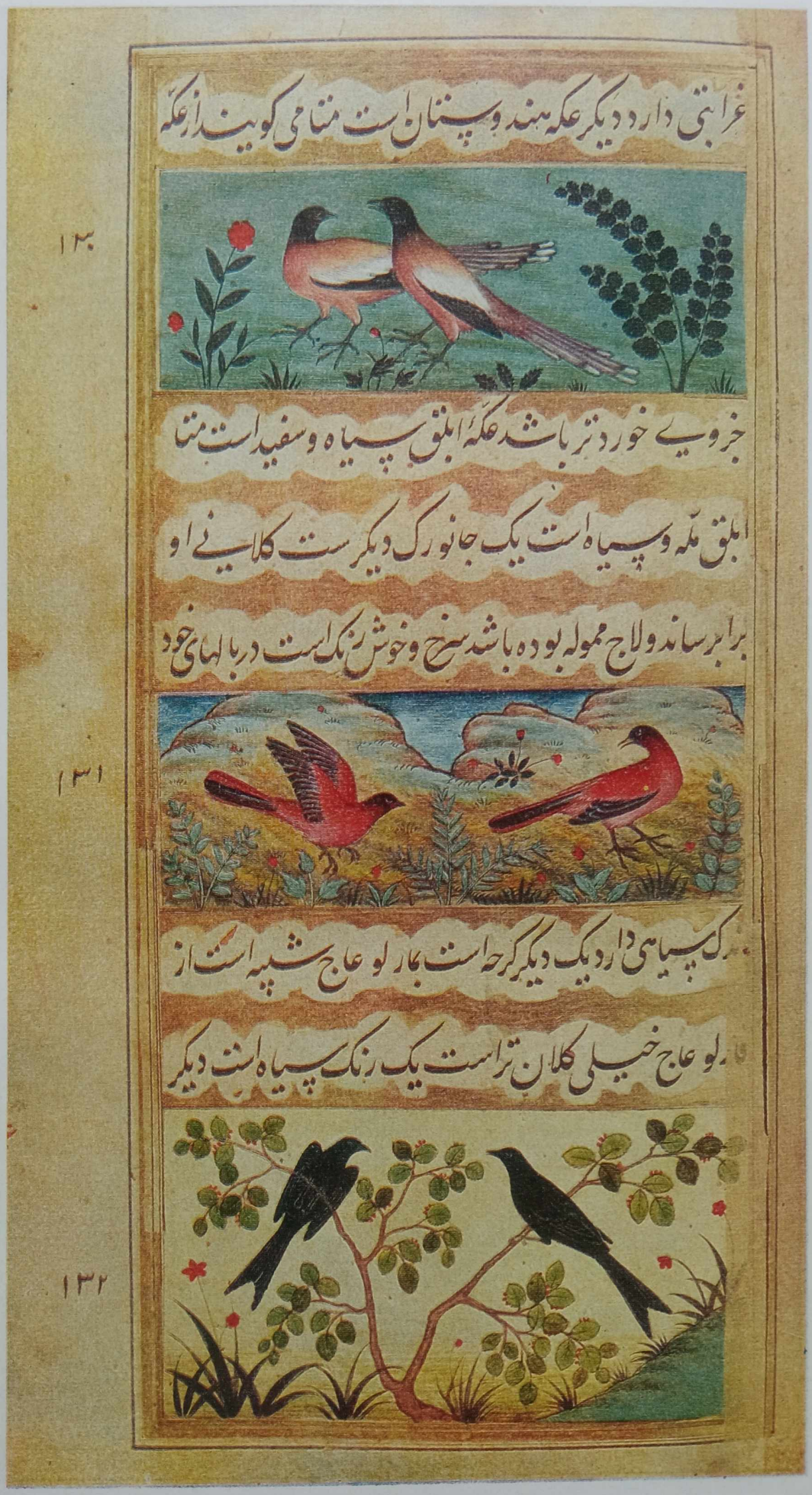
A variety of Indian stork *(f. 391 a)*

Ҳиндистон қушларидан улуғ бўзак, оқ бўзак ва ўрдаклар *(в. 391б)*

Птицы Индии — большой бузак, белый бузак и утки *(л. 391б)*

Indian birds – big buzak. white buzak and ducks *(t. 391b)*

غرابتی دارد دیگر عکه هند وپستان است متامی کویند از عکه
۱۳۰
جزویے خورد تر باشد عکه ابلق سپیاه وسفید است متا
ابلق ملّه وسپیاه است یک جانورک دیگرست کلانیے او
برابر ساند ولاج ممولہ بوده باشد سرخ وخوش رنک است در بالهای خود
۱۳۱
ک سپیاهی دارد یک دیگر کرچه است بارلو عاج شپه است از
لو عاج خیلی کلان تر است یک رنک سپیاه است دیکر
۱۳۲

Ҳакка, сандуғоч
ва қалдирғочсимон қушлар
(в. 393а)

Разновидности сороки,
трясогузки и ласточки
(л. 393а)

A variety of magpies,
wagtails and swallows
(t. 393a)

Куйил, шароқсимон қушлар ва сув шери *(в. 393б)*

Птицы-куил, дятлы и водяной лев *(л. 393б)*

The birds kuil, woodpeckers and a water lion *(f. 393b)*

Сув ҳайвонларидан
сейсор ва сув тўнғизи
(в. 394а)

Водяные животные
сийсар и водяная свинья
(л. 394а)

Water animals – siysar and
sea pig *(f. 394a)*

سرو نمود و نمود و بار در آب فرو می رود و دم او نمایان می ماند

نوع ا نهم سیصد سیار دراز است و همان طور قطار دندانها دارد دیگر

سر و تنهٔ او مثل ماهی است در وقت بازی کردن در میان آب مشک طور

مینماید خوکهای آبی که در دریای سرو می باشند در وقت بازی کردن

درست از آب می آید اینهم مثل ماهی از آب سر کز پیرون نمی برآید یک

دیگر گریال است این کلان می شده است در دریای سرو وارمردم

پیرون

۱۳۲

Сув ҳайвони карёл
(в. 394б)

Водяное животное гариал
(л. 394б)

Sea animal – garial
(f. 394b)

Какка балиғи (*в. 395а*)

Рыба какка (*л. 395а*)

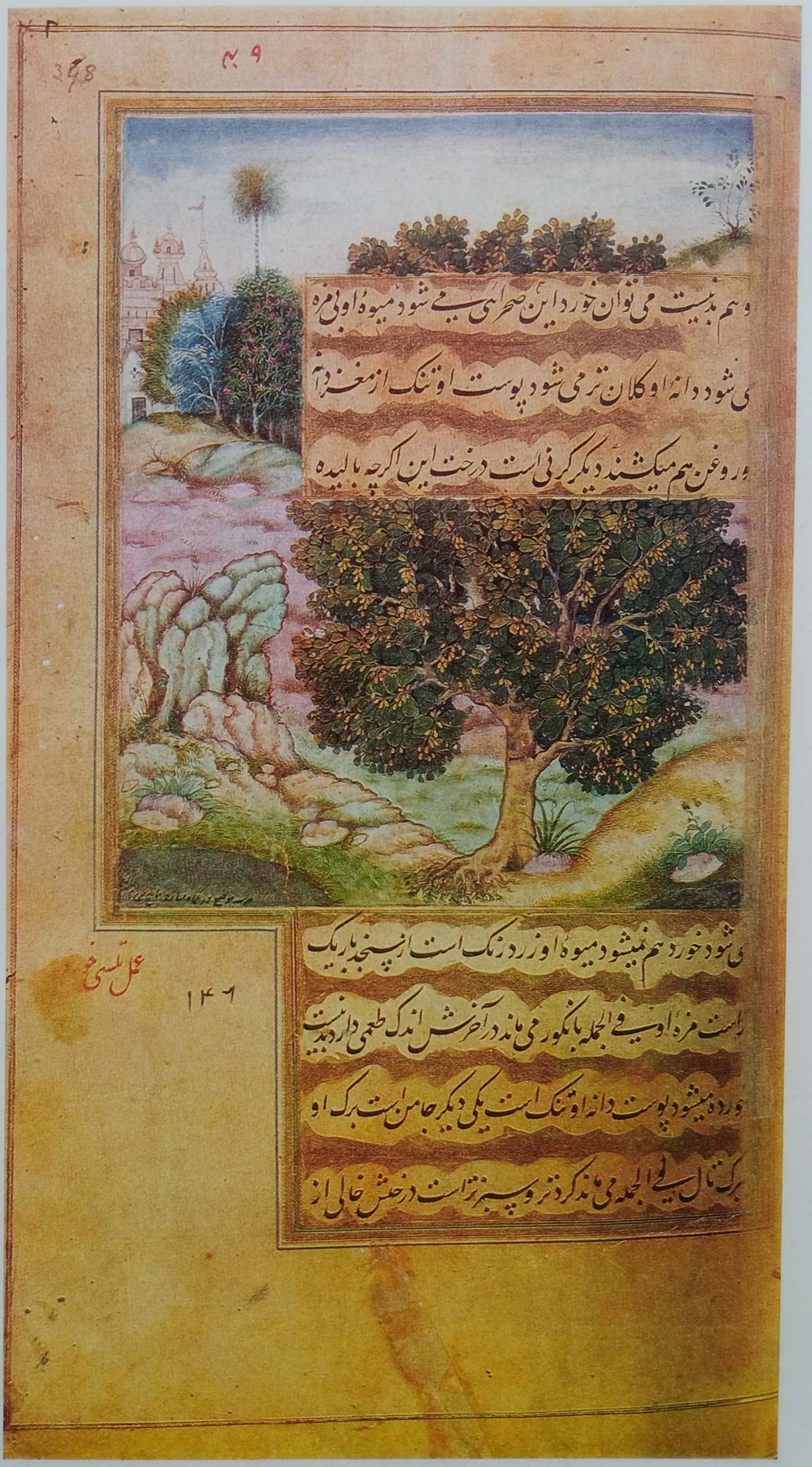
The fish kakka (*f. 395а*)

دام انداخته آمدند مرطرف دام از آب یک گز پیشتر بلند بود
بسیاری ازان ماهیها از دام یک گز بلند برجسته گذشتند
دیگر در بعضی آبهای هند و پستان ماهیهای خورد هست اگر آواز در شتی ماشره پای
شود یکبار از آب یک گز نیم گز بلند جسته می آید دیگر غوکهای هند و پستان
اگرچه همان طور غوکها می شود اما غوکها در روی آب هفت هشت گز
می دوند بنا تاییتی که مخصوص هند و پستان است یکی از انبه است
اکثر مردم هند و پستان بی را بی حرکت تلفظ می کنند چون
بد متلفظ میشود بعضی نعمرک گفته اند چنانچه خواجه خسرو گفته

Ҳиндистон бақалари
(в. 395б)

Лягушки Индии *(л. 395б)*

Indian frogs *(f. 395b)*

Кирни дарахти *(в. 398а)*

Дерево кирни *(л. 398а)*

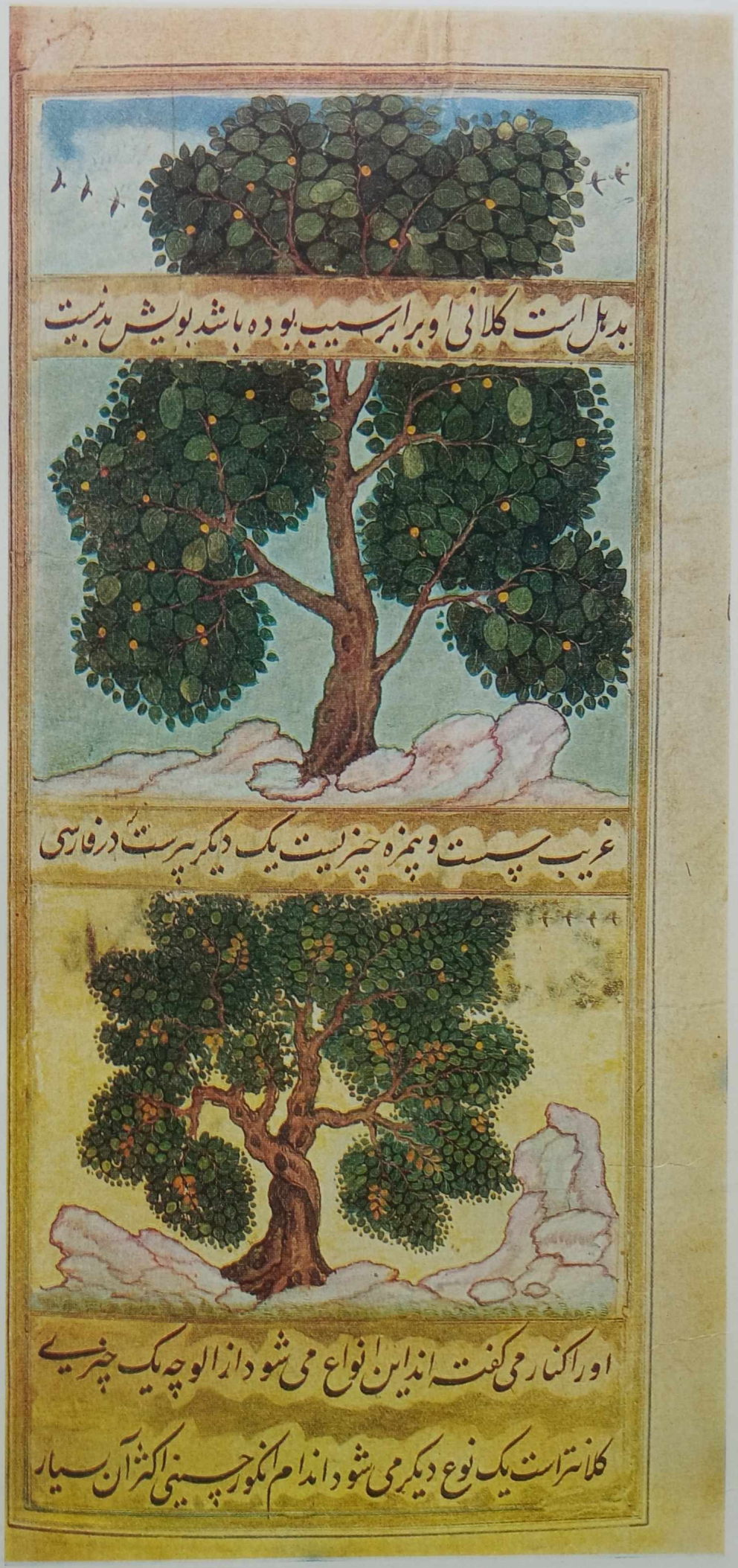
The tree kirni *(f. 398a)*

Жоман ва қамрак дарахтлари *(в. 398б)*

Деревья джаман и камрак *(л. 398б)*

The trees jaman and kamrak *(f. 398b)*

Бадҳал ва бийр номли мева дарахтлари *(в. 399б)*

Плодовые деревья бадхал и бийр *(л. 399б)*

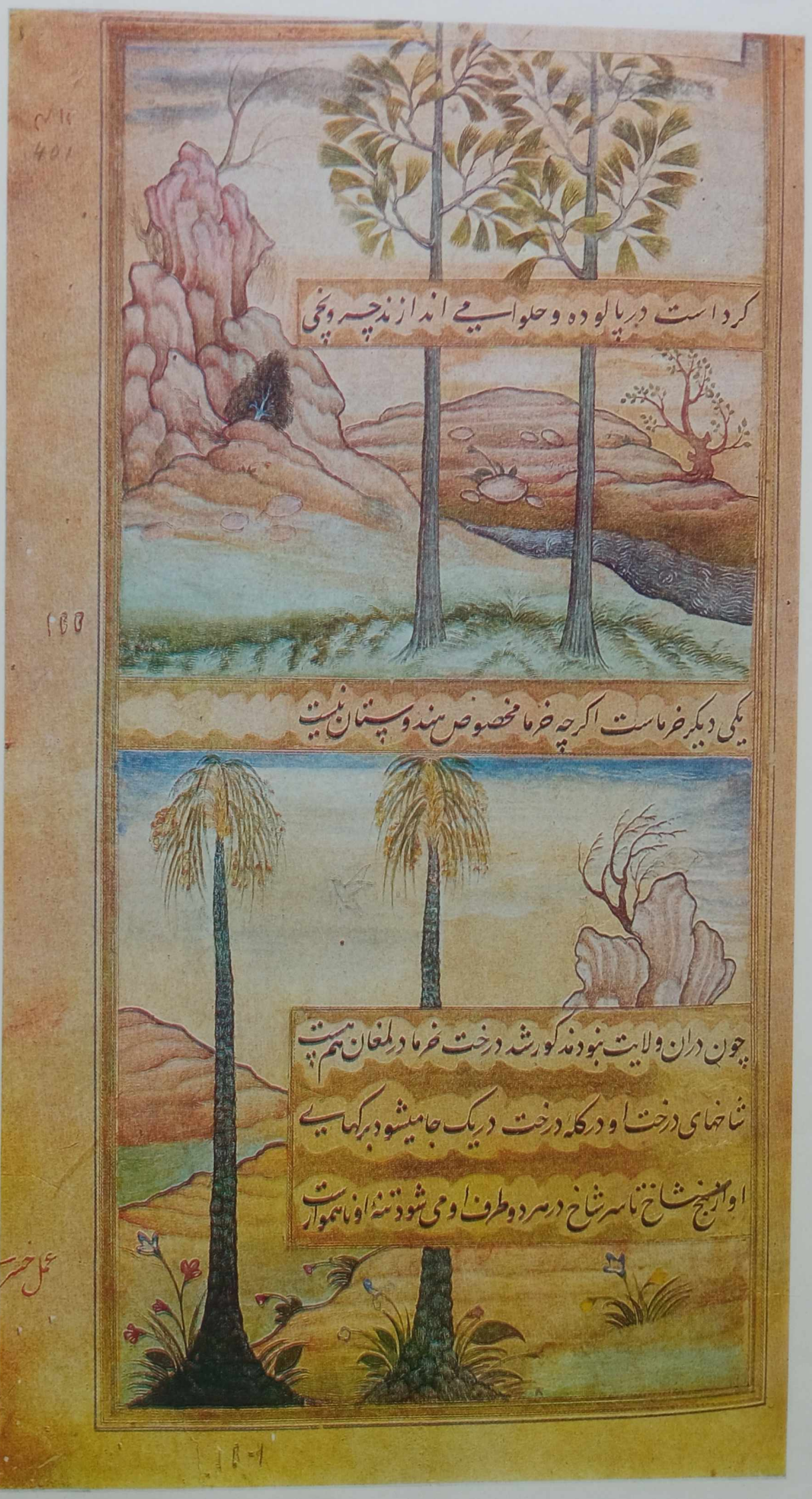
Fruit trees badhal and biir *(f. 399b)*

Панёла дарахти
(в. 400б)

Плодовое дерево паниала
(л. 400б)

The fruit tree paniala
(f. 400b)

Чирунчи ва хурмо дарахтлари *(в. 401а)*

Деревья чирунчи и финики *(л. 401а)*

The trees chirunchi and date *(f. 401a)*

نارنجها خراب می شود نارنج اسپستر اباد را گه دو صد و هفتاد و صد و
هشتاد و سنگ باشد می برند از سیاری پوست و کم آبی نارنج انقدر
خراب نمی شود و کلانی نارنجهای بجور برابر بهی میشود آبش سیار است
و از نارنجهای دیگر آب این ترش تر است خواجه کلان گفت که در بجور
از همین جنس نارنج را از یک درخت گرفته شمردیم هفت صد نارنج برآمد
در خاطر من دایم می گذشت که لفظ نارنج معرب مانند است همان طور بوده
مردم بجور و سواد نارنج را نارنگ می گویند یک دیگر لیموست

Апельсин дарахти
(в. 403б)

Апельсиновое дерево
(л. 403б)

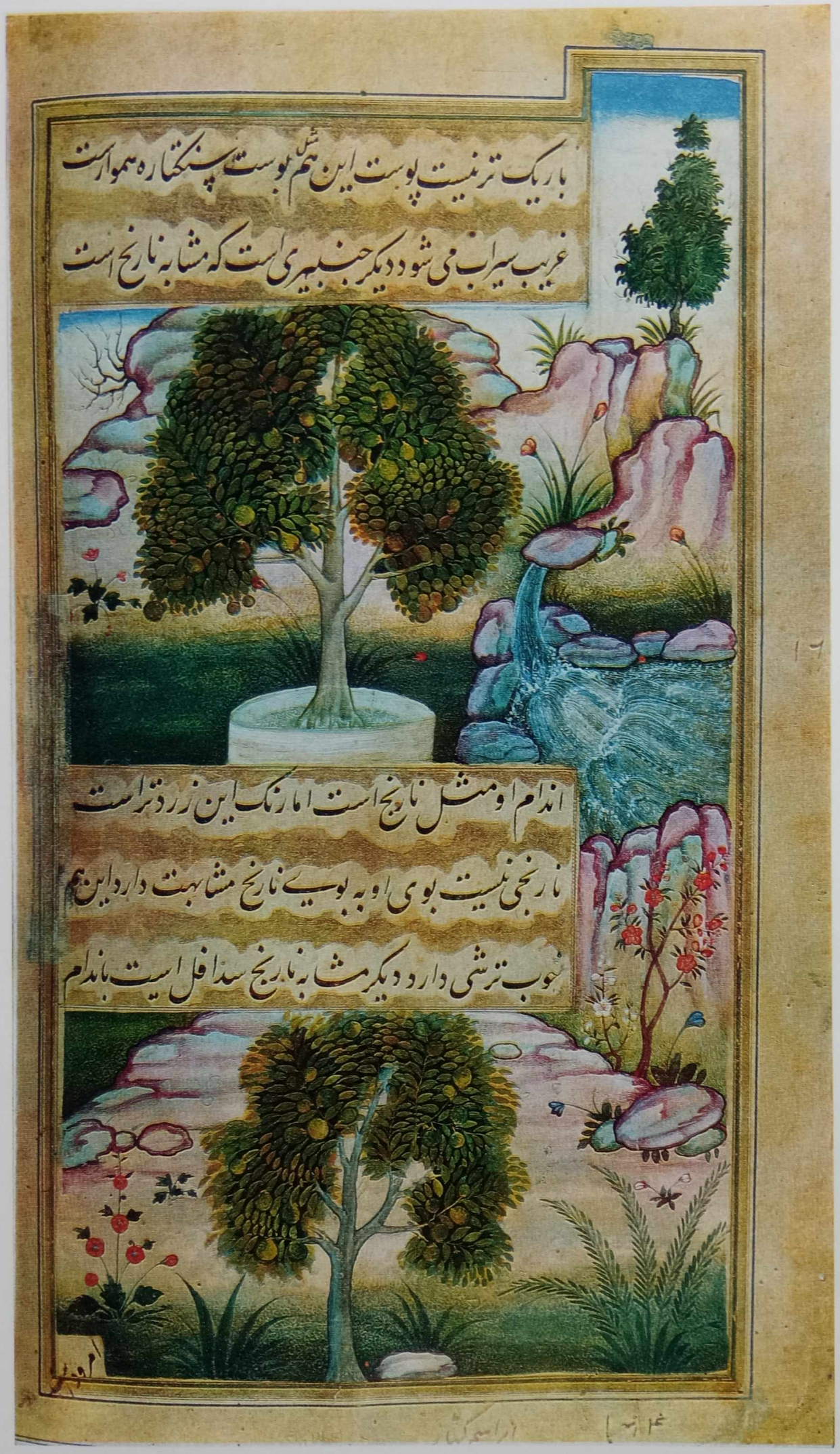
Orange tree *(f. 403b)*

Лимон ва турунж дарахтлари *(в. 404а)*

Деревья лимона и цитрона *(л. 404а)*

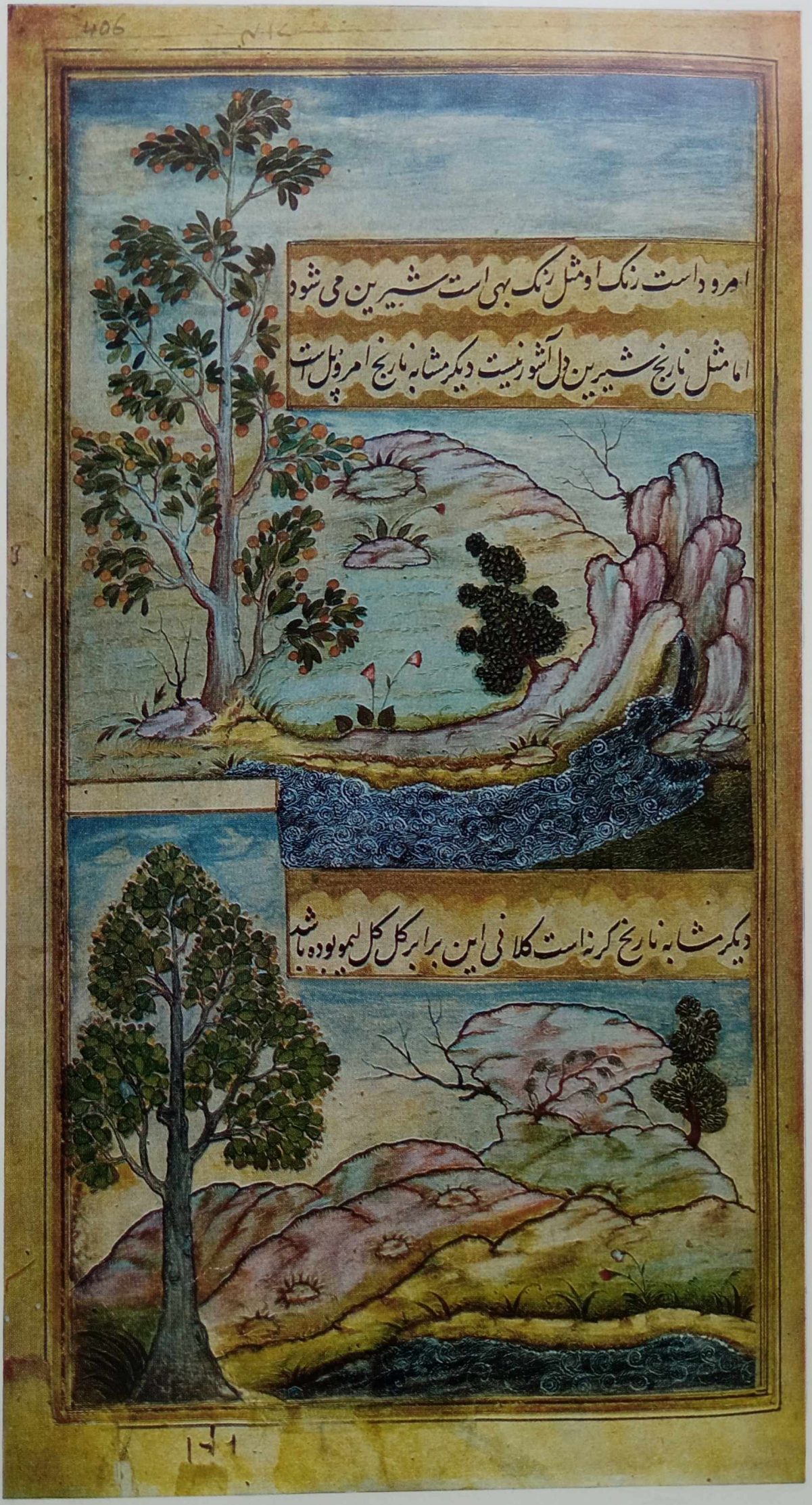
Lemon and citrus trees *(f. 404a)*

Сангтора ва садофал дарахтлари *(в. 405б)*

Плодовые деревья сангтара и садафал *(л. 405б)*

Fruit trees sangtara and sadafal *(f. 405b)*

Амрудпал ва амалбид дарахтлари *(в. 406а)*

Деревья амрудпал и амалбид *(л. 406а)*

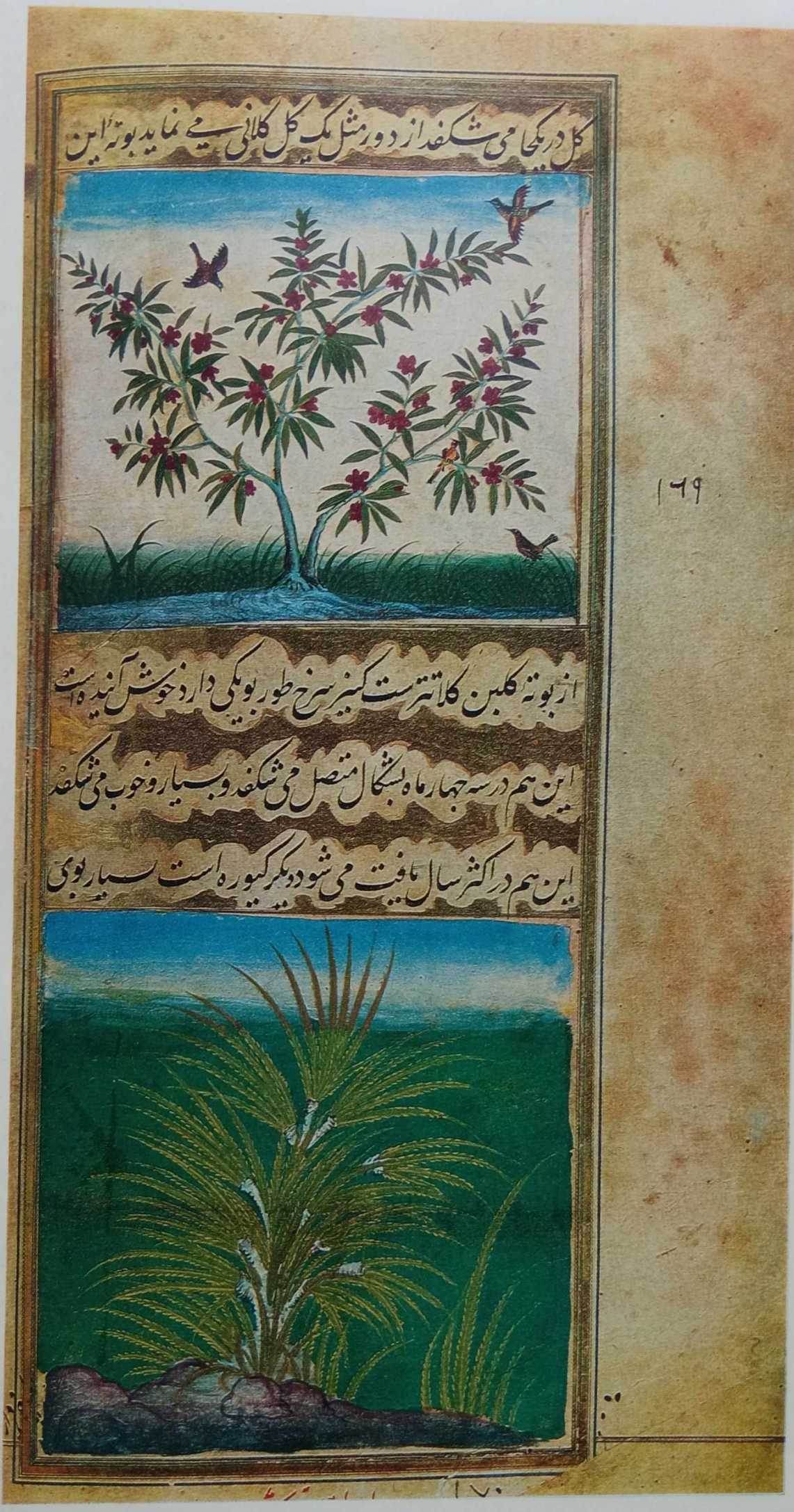
Amrudpal and amalbid trees *(f. 406a)*

Жасун гули *(в. 406б)*

Цветы джасун *(л. 406б)*

The flower of jasun
(f. 406b)

Канир ва киюра гуллари
(в. 407б)

Цветы канир и киюра
(л. 407б)

Kanir and kiyura flowers
(f. 407b)

Заҳарланган Бобир бехуд аҳволда *(в. 417б)*

Отравленный Бабур в недомогании *(л. 417б)*

Poisoned Babur feels sick *(f. 417b)*

Бобирнинг яқинлари ҳаяжон ичида унинг кўнглини сўрашга ошиқмоқдалар *(в. 418а)*

Приближенные спешат поздравить выздоровевшего Бабура *(л. 418а)*

Babur's suite hastens to congratulate him on his recovery *(f. 418a)*

Чин Темур, Мустафаи Румий ва Ҳумоюн жанг майдонида *(в. 453а)*

Чин Тимур, Мустафа Руми и Хумаюн на поле боя *(л. 453а)*

Chintimur, Mustafa Rumi and Humayun on the battle-field *(f. 453a)*

Бобир кўл ўртасига қурилган суфада *(в. 459а)*

Бабур на софе, воздвигнутой в середине озера *(л. 459а)*

Babur on a sofa erected in the middle of a lake *(f. 459a)*

Чандирий қалъасининг олиниши *(в. 468б)*

Взятие замка Чандири *(л. 468б)*

Taking of the castle of Chandiri *(f. 468b)*

Бобир Мон Синг ва Бикраможит саройларини томоша қилмоқда *(в. 478а)*

Бабур осматривает дворцы Ман Синга и Бикрамаджита *(л. 478а)*

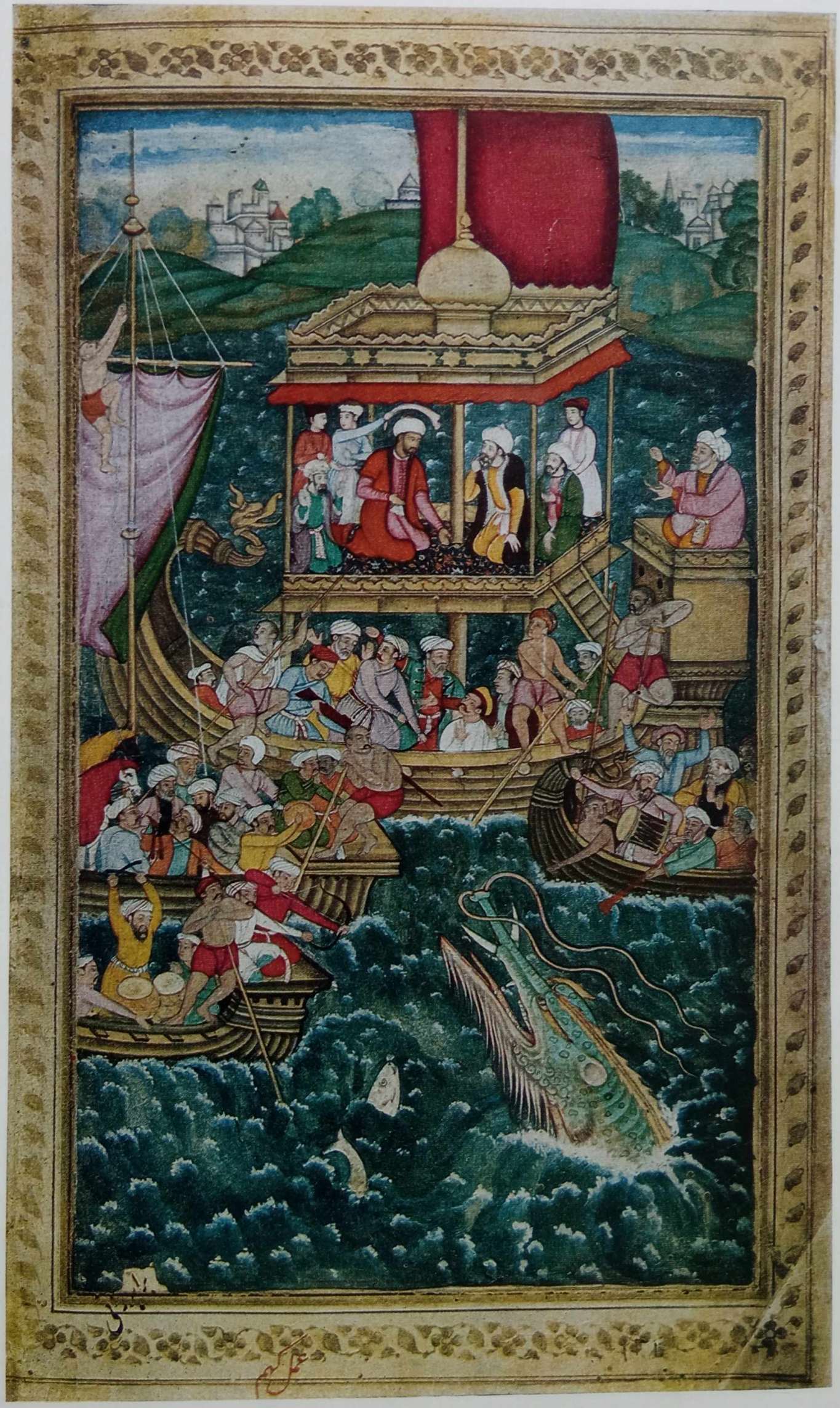
Babur surveys the palaces of Man Singh and Bikramajit *(f. 478a)*

Қўчқор уруши *(в. 492а)*

Бой баранов *(л. 492а)*

Ram fight *(f. 492a)*

Бобирнинг «Осойиш», «Оройиш», «Гунжойиш» ва «Фармойиш» номли қайиқлари *(в. 504б)*

Лодки Бабура «Асаиш», «Араиш», «Гунджаиш» и «Фармаиш» *(л. 504б)*

Babur's boats – "Asaish", "Araish", "Gunjaish" and "Farmaish" *(f. 504b)*

ШАРХЛАР

КОММЕНТАРИИ

COMMENTARY

4

«Тенгри таолонинг иноятн била ва ҳазрати он сарвари коинотнинг шафоати била ва чаҳорёри босафоларнинг ҳиммати била сешанба куни рамазон ойининг бешида тарих секкиз юз тўқсон тўққузда Фарғона вилоятида ўн икки ёшта подшоҳ бўлдум» *(в. 2б)*.

«При помощи милосердия милостливого Аллаха в месяце рамазане года восемьсот девяносто девятого я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни» *(л. 2б)*.

"In the month of Ramazan of the year 899 (June 1494) and in the twelfth year of my age, I became ruler in the country of Farghana" *(f. 2b)*.

5

«Дерларким, ҳавосининг тааффуни шимолдағи тоғ жиҳатидиндур. Мунинг тавобиидин Кандибодомдур. Агарчи қасаба эмас, яхшиғина қасабачадур. Бодоми яхши бўлур. Бу жиҳатдин бу исмға мавсумдур. Ҳурмуз ва Ҳиндустонға тамом мунинг бодоми борур. Хўжанддин беш-олти йиғоч шарқ тарафидадур» *(в. 6б)*.

«Говорят, что воздух там (Ходженде) гнилостный из-за гор на северной стороне. Одно из подчиненных Ходженду (местечек)— Кандибадам. Это, правда, не город, но хорошенький городок. Миндаль в нем превосходен, по этой причине (Кандибадам) и назван таким именем. Весь его миндаль идет в Хурмуз и Хиндустан. От Ходженда (Кандибадам) находится в пяти-шести йигачах к востоку» *(л. 6б)*.

"Kand-i-badam (Village of the Almond) is a dependency of Khujand; though it is not a township (qasba) it is rather a good approach to one (qasbacha). Its almonds are excellent, hence its name; they all go to Hormuzor to Hindustan. It is five or six yighach east of Khujand" *(f. 6b)*.

6

«Хўжанд била Кандибодом орасида бир дашт тушубтур, Ҳодарвешға мавсумдур. Ҳамиша бу даштта ел борур. Марғинонғаким шарқидур, ҳамиша мундин ел борур. Хўжандғаким ғарбидур, дойим мундин ел келур: тунд еллари бор. Дерларким, бир неча дарвеш бу бодияда тунд елга йўлуқуб, бир-бирини тополмай, «Ҳо, дарвеш», «Ҳо, дарвеш» де-де ҳалок бўлубтурлар, андин бери бу бодияни Ҳо-дарвеш дерлар» *(в. 7а)*.

«Между Ходжендом и Кандибадамом раскинулась степь, называемая Ха-дервиш. В степи этой всегда дует ветер; на восток, в Маргинан мчится ветер оттуда; на запад, в Ходженд ветер постоянно дует оттуда. Сильные там вихри. Говорят, будто несколько дервишей попали в эту пустыню в сильный ураган. (Их разметало), и они не могли найти друг друга; стали кричать: «Ха, дервиш, ха, дервиш», пока все не погибли. С тех пор эту пустыню называют Ха-дервиш» *(л. 7а)*.

"Between Kand-i-badam and Khujand lies the waste known as Ha Darwesh. In this there is always (hamesha) wind; from it wind goes always (hamesha) to Marghinan on its east; from it wind comes continually (da'im) to Khujand on its west. It has violent, whirling winds. People say that some darweshes, encountering a whirlwind in this desert, lost one another and kept crying, "Hay Darwesh! Hay Darwesh!» till all had perished, and that the waste has been called Ha Darwesh ever since" *(f. 7a)*.

7

«Шоҳ Исмоил ўзбакни Марвда босқонда Хонзодабегим Марвда эди. Менинг жиҳатимдин яхши кўруб, андин узаттилар, Қундузда келиб менга қотилдилар. Муфорақат имтидоди ўн йил бўлуб эди. Мен ва Муҳаммадий Кўкалтош иков келдук, бегим ва бегимнинг ёвуғидағилар танимадилар. Бовужудким, отимни айттим ҳам, муддаттин сўнгра танидилар» *(в. 13б)*.

«Когда шах Исма'ил разбил узбеков под Мервом, Ханзаде бегим была в Мерве. Ради меня с ней обошлись хорошо и отправили ее ко мне, как следовало. Прибыв в Кундуз, она присоединилась ко мне. Наша разлука продолжалась десять лет. Мы вдвоем с Мухаммед Кукельташем пришли к ней. (Ханзаде) бегим и ее близкие не узнали меня, хотя я и сказал (свое имя). Но через некоторое время они меня узнали» *(л. 13б)*.

"Khan-zada Begim was in Merv when Shah Isma'il (Safawi) defeated the Auzbegs near that town (916AH.–1510AD); for my sake he treated her well, giving her a sufficient escort to Qunduz where she rejoined me. We had been apart for some ten years; when Muhammadi Kukultash and I went to see her, neither the nor those about her knew us, although I spoke. They recognized us after a time" *(f. 13b)*.

8

«Султон Аҳмад Мирзоким, камсухун ва фақир ва одми киши эди. Ҳар сўз-ун ва иш-куч бекларсиз қарор топмас эди, беклар бу сўзларга мултафит бўлмай, дурушт жавоблар айтиб, илгарига кўчтилар. Тенгри таолоким, ўз қудратли комиласи била ҳар ишимни ҳар маҳалда андоққим бояду шояд беминнати махлуқ рост келтурубдур, мунда ҳам неча ишни боис қилдиким, алар бу келмакдин ўсондилар, балки бу таважжуҳдин пушаймон бўлуб, бемурод ёндилар.

Бир буким, Қубонинг ботқоқлик қора суйи бор, кўпругидин ўзга ердин кечиб бўлмас, қалин черик келиб кўпрукда тиқилиб, қалин от ва тева бу қора сувга йиқилиб зойиъ бўлди» *(в. 22а)*.

«Султан Ахмед Мирза был человек немногословный, скромный и мягкий; никакое его слово, соглашение или дело не имело силы без беков. Беки не вняли моим словам и, дав грубый ответ, двинулись вперед. Однако Аллах всевышний, который по своему совершенному могуществу всегда устраивал всякое мое дело, как подобает и следует, не обязывая меня благодарностью его тварям, тогда тоже явил несколько дел, из-за которых враги стали тяготиться этим походом. Они даже раскаивались в своем выступлении и вернулись назад без удачи.

Прежде всего, в Куба́ есть болотистая река, которую нельзя перейти иначе, как по мосту. Когда пришло большое войско и люди столпились на мосту, много коней и верблюдов погибло, свалившись в реку» *(л. 22а)*.

"He was a mild, weak man, of few words who, without his begs, decided no opinion or compact (aun), action of move; they paid no attention to our proposal, gave it a harsh answer and moved forward. But the Almighty God, who, of His perfect power and without mortal aid, has ever brought my affairs to their right issue, made such things happen here that they became disgusted at having advanced (i. e. from Qaba), repented indeed that they had ever set out on this expedition and turned back with nothing done.

One of those things was this: Qaba has a stagnant, morasslike Water, passable only by the bridge. As they were many, there was crowding on the bridge and numbers of horses and camels were pushed off to perish in the water" *(f. 22a)*.

9

«Абубакр Дуғлат Кошғарийким, ҳеч кимга бош индурмай, неча йил эдиким, Кошғар ва Хўтан ҳокими эди, ул дағи вилоят дағдағаси била Ўзганд ёвуғиға келиб, қўрғон солиб, вилоятға бузуғлуқ қила кириштн. Хожа Қози ва жамиъ беклар таъйин бўлдиким, бориб Кошғарийни дафъ қилғайлар, ёвуқ етган маҳалда Кошғарий кўрдиким, бу фавжнинг ҳарифи эмастур, Хожа Қозини ораға солиб, юз макр ва ҳийла била халос бўлди» *(в. 23а)*.

«Абу Бекр Дуглат Кашгари, ни перед кем не склоняя голову, уже несколько лет был правителем Кашгара и Хотана. Одержимый стремлением к захвату стран, он подошел близко к Узгенду, построил укрепления и начал было разорять область; Ходжа Кази и все беки назначены были выступить и прогнать (Абу Бекра) Кашгари. Когда они подошли близко, Кашгари увидел, что он не соперник этому отряду. Призвав Ходжа Кази в посредники, он освободился с помощью сотни уловок и хитростей» *(л. 23а)*.

"For some years, Aba-bikr Kashghari Dughlat, bowing the head to none, had been supreme in Kashgar and Khutan. He now, moved like the rest by desire for my country, came to the neighbourhood of Auzkint, built a fort and began to lay the land waste. Khwaja

Qazi and several begs were appointed to drive him out. When they came near, he saw himself no match for such a force, made the Khwaja his mediator and, by a hundred wiles and tricks, got himself safely free" *(f. 23a).*

10

«Ишни (Ҳасан Яъқуб) мунга еткурдиким, манга рухсат бериб, Жаҳонгир Мирзони подшоҳ қилғай. Ҳасан Яъқубнинг ихтилоти сойир умаро ва сипоҳи била даҳи яхши эмас эди. Анинг бу фикридин бори эл воқиф бўлуб эдилар. Хожа Қози ва Қосим Қавчин ва Али Дўст Тағойи ва Узун Ҳасан ва яна баъзи давлатхоҳлар менинг улуғ онам Эсан Давлатбегимнинг қошида йиғилиб сўзни бу ерга қўйдиларким, Ҳасан Яъқубни маъзул қилиб, фитнасиға таскин берилгай. Хотунлар орасида раъй ва тадбирда менинг улуғ онам Эсан Давлатбегимча кам бўлғай эди, бисёр оқила ва мудаббира эди. Кўпроқ иш-куч аларнинг машварати била бўлур эди.
Ҳасан Яъқуб аркта эди. Менинг онам ва улуғ онам — Эсан Давлатбегим тош қўрғонда чақарда эдилар.
Бу азимат била отланиб аркка мутаважжиҳ бўлдум» *(в. 31б).*

«Он (Хасан Якуб) вел дело к тому, чтобы отослать меня и объявить государем Джехангир Мирзу. Отношения Хасан Якуба с другими эмирами и воинами тоже были не хороши, и все были осведомлены о таких замыслах. Ходжа Кази, Касым Каучин, Али Дуст Тагай, Узун Хасан и некоторые другие доброжелатели, собравшись у моей бабки Исан Даулат бегим, сговорились о том, чтобы низложить Хасан Якуба и успокоить смуту.
Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан Даулат бегим. Она была очень умная и рассудительная женщина; большинство дел решали по ее совету.
Хасан Якуб был в арке, моя мать и бабка Исан Даулат бегим находились вне крепости, в наружном укреплении. С намерением (низложить Хасан Якуба) я направился в арк» *(л. 31б).*

"There must have been relationship between this envoy and Hasan-i-yaq'ub, and on its account he will have been the man sent to make Hasan-i-yaq'ub, by fair promises, look towards Sl. Mahmud Mirza. Hasan-i-yaq'ub returned him a smooth answer, made indeed as though won over to his side, and gave him leave to go. Five or six months later, his manners changed entirely; he began to behave ill to those about me and to others, and he carried matters so far that he would have dismissed me in order to put Jahangir Mirza in my place. Moreover his conversation with the whole body of begs and soldiers was not what should be; everyone came to know what was in his mind. Khwaja Qazi and (Sayyid) Qasim Quchin and 'Ali-dost Taghai met other well-wishers of mine in the presence of my grandmother, Aisan-daulat Begim and decided to give quietus to Hasan-i-yaq-ub's disloyalty by his deposition.
Few amongst women will have been my grandmother's equals for judgment and counsel; she was very wise and farsighted and most affairs of mine were carried through under her advice. She and my mother were (living) in the Gatehouse of the outer fort; Hasan-i-yaq'ub was in the citadel" *(f. 31b).*

11

«Тарих тўққуз юз ўнда Аму дарёси ёқасида Боқи Чағониёний манга келиб мулозамат қилди. Бу бегимлар оналари била Тирмизта эдилар. Булар ҳам Боқи Чағониёнийнинг кўчи била келиб қўшулдилар. Коҳмардқа келганда (Ойбегимни) Жаҳонгир Мирзо олди. Биргина қизи бўлди. Бу тарихда улуғ онаси Хонзодабегим била Бадахшон вилоятидадур» *(в. 35б).*

«В девятьсот десятом году Баки Чаганияни на берегу реки Аму явился ко мне на службу; обе эти бегим вместе с их матерями были в Термезе. Они тоже пришли вместе с семьей Баки Чаганияни и присоединились ко мне. Придя в Кахмерд, Джехангир Мирза взял Ай бегим в жены. У них родилась всего одна девочка, которая теперь находится в области Бадахшана вместе с Ханзаде бегим, своей бабушкой» *(л. 35б).*

"In 910 AH. (1504 AD.) when Baqi Chaghaniani waited on me on the bank of the Amu(Oxus), these (lastnamed two) Begims were with their mothers in Tirmiz and joined me then with Baqi's family. When we reached Kahmard, Jahangir Mirza took (Ay) Begim; one little daughter was born; she now is in the Badakhshan country with her grandmother" *(f. 35b).*

12

«Ўшул чиққон била Ҳамза Султон ва Маҳди Султон ва Ҳамза Султоннинг ўғли Мамоқ Султон ва Муҳаммад Дуғлатким, сўнгралар Муҳаммад Ҳисорийға машҳур бўлуб эди. Султон Ҳусайн Дуғлат ва бу султонларға тааллуқ ўзбаклар Ҳисор вилояти ўлтурушлук, Султон Маҳмуд Мирзо навкари мўғуллар бизни деб рамазон ойи Андижонға келдилар.

Ул фурсатлар Темурия салотини дастури била тўшак устида ўлтурур эдим. Ҳамза Султон била Маҳди Султон ва Мамоқ Султонким келдилар, бу салотиннинг таъзимиға қўпуб тўшакдин тушуб, бу султонлар била кўруштум» *(в. 44а).*

«После ухода (из Хисара) Хамза султан, Махди Султан и сын Хамзы Султана Мамак Султан и Мухаммед Дуглат, который потом был известен под именем Мухаммед Хисари, Султан Хусейн Дуглат и узбеки, подчиненные этим султанам, а также моголы, жившие в области Хисара, нукеры Султан Махмуд Мирзы, вспомнив о нас, в месяце рамазане явились в Андижан. В это время по обычаю султанов-тимуридов я восседал на ложе. Когда пришли Хамза Султан с Махди Султаном и Мамак Султаном, я поднялся из уважения к этим султанам и, сойдя с ложа, поздоровался с султанами» *(л. 44а).*

"As a result of this exodus, Hamza Sl. with his son, Mamaq Sl., and Mahdi Sl. and Mohammad Dughlat, later known as Hisari and his brother, Sl. Husain Dughlat with the Auzbegs dependent on the sultans and the Mughuls who had been located in Hisar as (the late) Sl. Mahmud Mirza's retainers, came, after letting me know (their intention), and waited upon me in Ramzan (May-June) at Andijan. According to the custom of Timuriya sultans on such occasions, I had seated myself on a raised seat (tushak); when Hamza Sl. and Mamaq Sl. and Mahdi Sl. entered, I rose and went down to do them honour; we looked one another in the eyes and I placed them on my right, baghish da" *(f. 44a).*

13

«Андин кўчуб Самарқанднинг шарқ тарафи Хонюртиға тушулди, Самарқанддин уч куруҳ бўлғай. Қирқ-эллик кун бу юртта ўлтурулди. Бу юртта эканда неча навбат ташқаридин-ичкаридин кўнгуллук йигитлар хиёбонда яхшилаб чопқулаштилар. Бир мартаба хиёбонда Иброҳим Бегчик чопқулашти, юзига чоптилар. Мундин сўнг Иброҳим Чопуқ дерлар эди» *(в. 52а).*

«Выйдя оттуда, мы остановились к востоку от Самарканда, в Ханюрти; от Самарканда это будет три куруха. На этой стоянке мы провели сорок—пятьдесят дней. Пока мы стояли в этом Юрте, смелые йигиты из осаждающих и осажденных несколько раз здорово рубились на хиабане. Однажды на хиабане рубился Ибрахим Бекчик, и ему порезали лицо. После этого Ибрахим Бекчика стали называть «Ибрахим Чапук» *(л. 52а).*

"Marching from Yam, it was dismounted in Khan Yurti (The Khan's Camping Ground), some 6 m. (3 kuroh) east of Samarkand. We lay there for 40 or 50 days. During the time, men from their side and from ours chopped at one another (chapqufashtilar) several times in the Avenue. One day when Ibrahim Begchik was chopping away there, he was cut on the face; thereafter people called him Chapuk (Balafre)" *(f. 52a).*

14

«Боғи майдоннинг орқаси Қўлба ўлангига тушулди. Самарқанд эли сипоҳи ва шаҳри Пули Муҳаммад Чаб навоҳисиға қалин чиқтилар.
Самарқанддағилар ул юрттин кўчуб, бу юртқа келганимизни ёнди тасаввур қилиб, кўмаки сипоҳий ва шаҳрий Мирзо кўпругигача, Шайхзода дарвозасидин Муҳаммад Чаб кўпругигача чиқтилар. Буюрдукким, бўлғон йигитлар яроқланиб отландилар. Икки тарафдин — Пули Мирзодин ва Пули Муҳаммад Чабдин зўр келтурдилар. Тенгри рост келтурди, ёғи босилди. Ўбдон-ўбдон бекларни ва яхши-яхши йигитларни тушуриб келтурдилар. Ул жумладин бир Муҳаммад Мискин Ҳофиз Дўлдай эди. Шаҳодат бармоғини тушура чопиб, олиб келтурдилар. Яна Муҳаммад Қосим Набирани иниси Ҳасан Набира тушуруб келтурди» *(в. 54а).*

«Мы остановились за Баги майданом, на урочище Кольба́. Жители Самарканда — воины и горожане — толпой вышли к мосту Мухаммед-Чап.. Толпа воинов и горожан вышла на помощь и прошла (от ворот Фируза) до моста Мирзы, а от ворот Шейх-заде они дошли до моста Мухаммед-Чап. Мы приказали всем йигитам снарядиться, сесть на коней и выехать. С двух сторон — от моста Мирзы и от моста Мухаммед-Чап — на них напали, но господь исправил дело: враг был разбит, многих славных беков и добрых йигитов свалили с коней и привели. Среди них были Нур Мухаммед Мискин, сын Хафиз Дулдая; сбив его с коня, ему отрубили указательный палец, захватили его и привели. Младший брат Мухаммед Касима Набире, Хасан Набире, тоже сбил с коня (своего старшего брата) и привел его» *(л. 54а).*

"When we had dismounted in the Qulba (Plough) meadow, behind the Bag-i-maidan (Garden of the plain), the Samarkandis came out in great numbers to near Mohammad Chap's Bridge. Our men were unprepared; and before they were ready, Baba 'Ali's (son) Baba

Quli had been unhorsed and taken into the fort. A few days later we moved to the top of Qulba, at the back of Kohik. That day Sayyid Yusuf, having been sent out of the town, came to our camp and did me obeisance.
The Samarkandis fancying that our move from the one ground to the other meant, 'He has given it up,' came out, soldiers and townsmen in alliance (through the Turquoise Gate), as far as the Mirza's Bridge and, through the Shaikh-zada's Gate, as far as Muhammad Chap's. We ordered our braves to arm and ride out; they were strongly attacked from both sides, from Mohammad Chap's Bridge and from the Mirza's, but God brought it right! our foes were beaten. Begs of the best and the boldest of braves our men unhorsed and brought in. Amongst them Hafiz Duldai's (son) Muhammad Miskin was taken, after his index-finger had been struck off; Muhammad Qasim Nabira also was unhorsed and brought in by his own brother, Hasan Nabira. There were many other such soldiers and known men" *(f. 54a).*

15

«Бойсунғур Мирзо чиққач бизга хабар келди. Хожа Дийдордин отланиб, Самарқандға мутаважжиҳ бўлдук. Йўлда акобир ва беклар ва йигитлар мутаоқиб истиқболга келдилар. Рабиулаввал ойининг авохирида келиб аркта Бўстонсароға туштум. Тенгри таоло инояти била Самарқанд шаҳри ва вилояти муяссар ва мусаххар бўлди.
Рубъи маскунда Самарқандча латиф шаҳр камроқдур. Бешинчи иқлимдиндур. Тули (99°) рамзи нужумий (56°) даража ва дақиқадур, арзи — (40°) даража ва дақиқадур. Шаҳри Самарқанддур, вилоятини Моваройуннаҳр дерлар. Ҳеч ёғи қаҳр ва ғалаба била мунга даст топмағон учун балдаи маҳфуза дерлар. Самарқанд ҳозрати амирул-мўъминин Усмон замонида мусулмон бўлғондур. Саҳобадин Қусам ибн Аббос анда борғондур. Қабри Оҳанин дарвозасининг тошидадур. Ҳоло мазори Шоҳға машҳурдур. Самарқандни Искандар бино қилғондур. Мўғул ва турк улуси Семизкенд дерлар. Темурбек пойтахт қилиб эди. Темурбекдин бурун Темурбекдек улуғ подшоҳ Самарқандни пойтахт қилғон эмастур. Қўрғонини фасилнинг устидин буюрдумким, қадам урдилар. Ўн минг олти юз қадам чиқти» *(в. 59a).*

«Как только Байсункар Мирза вышел из Самарканда, к нам тотчас же пришла об этом весть. Мы вышли из Ходжа Дидара и направились к Самарканду. По дороге вельможи, беки и воины один за другим выходили нам навстречу. В конце месяца первого раби я остановился в арке, в Бустан Сарае. По милости всевышнего господа область и город Самарканд стали нам доступны и подвластны.
В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. Он находится в пятом климате, долгота его 99 градусов 56 минут, широта—40 градусов и 40 минут.
(Главный) город (области) — Самарканд, а всю область называют Мавераннахр. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, то его называют «(город), хранимый (Аллахом)». Самарканд стал мусульманским во времена достойнейшего повелителя правоверных Османа, из сподвижников пророка там умер Кусам ибн Аббас. Его могила находится за воротами Аханин, теперь она известна под названием Мазар Шаха.
Самарканд построен Искандером; народы моголов и тюрков называют (его) Симизкенд. Тимур бек сделал Самарканд (своей) столицей; раньше Тимур бека ни один государь столь великий, как Тимур бек, не объявлял Самарканд столицей. Я приказал обмерить шагами по верху внутреннюю стену крепости— вышло десять тысяч шестьсот шагов» (*л. 59a*).

"When the news of his departure reached us, we got to horse and started from Khwaja Didar for Samarkand. To give us honourable meeting on the road, were nobles and braves, one after another. It was on one of the last ten days of the first Rabi' (end of November 1497 AD.), that we entered the citadel and dismounted at the Bu-stan Sarai. Thus, by God's favour, were the town and the country of Samarkand taken and occupied.
Few towns in the whole habitable world are so pleasant as Samarkand. It is of the Fifth Climate and situated in lat. 40°40′ and long. 99°56′. The name of the town is Samarkand; its country people used to call Ma wara'un-nahr (Transoxania). They used to call it Baldat-i-mahfuza because no foe laid hands on it with storm and sack. It must have become Musalman in the time of the Commander of the Faithful, his Highness 'Usman. Qusam ibn' Abbas, one of the Companions must have gone there; his burial-place, known as the Tomb of Shah-i-zinda (The Living Shah, i. e., Faqir) is outside the Iron Gate. Iskandar must have founded Samarkand. The Turk and Mughul hordes call it Simiz-kint. Timur Beg made it his capital; no ruler so great will ever have made it a capital before (qilghan aimas dur). I ordered people to pace round the ramparts of the walled-town; it came out at 10,000 steps" *(f. 59a).*

16

«Муҳосара муддатида менинг волидаларимдин ва Хожа Қозидин муттасил бу мазмун била хатлар келур эдиким, бизларни мундоқ муҳосара қилибтурлар. Агар келиб фарёдимизға етмасангиз, иш вубол бўлғусидур. Самарқанд Андижон кучи била олилиб эди. Агар Андижон иликта бўлса, яна тенгри рост келтурса, Самарқандни иликласа бўлур. Мутаоқиб бу мазмун била хатлар келди.
Ул фурсатта бир мартаба беҳузур бўлуб, яхши бўлуб эдим. Нақоҳат айёмини ўбдон риоят қила олмадим, узулдум. Бу навбат ёмон беҳузур бўлдум. Андоқким, тўрт кунгача тилим тутулди, оғзимға пахта била сув томизурлар эрди. Менинг била қолғон бек ва бегот ва йигит-яланг менинг тирилмагимдин маъюс бўлуб, ҳар ким ўз фикрида бўлдилар. Ушмундоқ маҳалда Узун Ҳасаннинг навкариниким, элчиликка келиб, паришон сўзлар келтуруб эди, беклар раъйда ғалат қилиб, мени кўрсатиб рухсат бердилар. Тўрт-беш кундин сўнг ул ҳолдин бир нима яхшироқ бўлдум. Вале тилимда калолат қолди. Неча кундин сўнг ўз ҳолимға келдим» *(в. 70a).*

«Во время осады от моих родительниц, а также от Ходжа Кази непрерывно приходили письма такого содержания: «Нас держат в жестокой осаде, если вы не придете (в ответ) на наши вопли, то дело кончится плохо. Самарканд взят силами Андижана; если Андижан останется в ваших руках, то, с помощью божией, можно будет овладеть также и Самаркандом».
Одно за другим приходили такие письма. В это время я однажды заболел и уже стал поправляться. В дни выздоровления я не обращал на себя должного внимания и снова захворал. На этот раз я заболел очень тяжело, так что у меня на четыре дня отнялся язык, и меня поили водой по капле, с кусочка ваты. Оставшиеся со мной великие и малые беки и йигиты потеряли надежду, что я выживу, и каждый стал думать только о себе. В это время беки, совершив ошибку в суждении, показали мне одного нукера, который прибыл послом от Узун Хасана и передал всякие бестолковые слова, и потом отпустили его. Спустя четыре-пять дней, мое положение немного улучшилось, но косноязычность осталась, а еще через несколько дней я пришел в свое обычное состояние» (*л. 70a*).

"While the siege was going on, letters kept coming to me from my mothers and from the Khwaja, saying in effect, "They are besieging us in this way; if at our cry of distress you do not come, things will go all to ruin. Samarkand was taken by the strength of Andijan; if Andijan is in your hands, God willing, Samarkand can be had again". One after another came letters to this purport. Just then I was recovering from illness but, not having been able to take due care in the days of convalescence, I went all to pieces again and this time, became so very ill that for four days my speech was impeded and they used to drop water into my mouth with cotton. Those with me, begs and bare braves alike, despairing of my life, began each to take thought for himself. While I was in this condition, the begs, by an error of judgment, shewed me to a servant of Auzun Hasan's a messenger come with wild proposals, and then dismissed him. In four or five days, I became somewhat better but still could not speak, in another few days, was myself again" *(f. 70a).*

17

«Андижонға бўла Самарқандни иликдин бердук. Андижон ҳам иликдин чиқмиш эди. Бизга «ғофиқ аз инжо ронда ва аз онжо монда» дегандек бўлди. Бисёр шоқ ва душвор келди. Не учунким, то подшоҳ бўлуб эдим, бу навъ навкардин ва вилояттин айрилмайдур эдим, то ўзумни билиб эдим, бу йўсунлуқ раҳж ва машаққатни билмайдур эдим» *(в. 81б).*

«Ради Андижана мы выпустили из рук Самарканд, а Андижан тоже ушел у нас из рук. Вышло так, как говорится в поговорке: «Дурака и оттуда выгнали, и туда он не попал». Мне пришлось очень тяжело и трудно: с тех пор, как я стал государем, я еще ни разу не расставался таким образом со своими нукерами и родной страной. Сколько себя помню, я не знал такого горя и страдания» (*л. 81б*).

"In anxiety for Andijan, we had given Samarkand out of our hands; then heard we had lost Andijan. It was like the saying, "In ignorance, made to leave this place, shut out from that" (Ghafil az in ja randa, az an ja manda). It was very hard and vexing to me; for why? never since I had ruled, had I been cut off like this from my retainers and my country; never since I had known myself, had I known such annoyance and such hardship" *(f. 81b).*

18

«Етган била бурунроқ бизинг жвонғор киши анинг бронғори била илик олишти. Хожа Калоннинг оғаси Кичикбек анда яхши чопқулашти. Муҳаммад Али Мубашшир ҳам Кичикбектин

сўнгра чопқулашти. Ушмунча била тоб келтура олмай, ёги қочти. Бронгор била ировулга пешо-пеш уруш етмади. Қалин йигитларни келтурдилар. Бўюнларига буюрдикким, урдилар. Бизинг беклар Қосимбек ва Али Дўстбек кўпраги Али Дўст ҳазм ва сардорлигини риоят қилиб, қовгунчини йироқ йиборгали маслаҳат кўрмадилар. Бу жиҳаттин қалин кишиси иликкa тушмади. Хўбон кентига-ўқ туштук. Менинг аввал масоф уруши урушқоним ушбу эди. Тенгри таоло ўз фазл ва карами била фатҳ ва зафар рўзи қилди. Шугун туттук» *(в. 84а)*.

«Еще раньше, чем подошли (главные силы), люди на нашем левом крыле схватились с правым крылом врагов. Кичик бек, старший брат Ходжа Калана, тогда хорошо рубился; Мухаммед Али Мубашшир тоже хорошо рубился после Кичик бека. Враг, будучи не в силах устоять, бежал. На правом крыле и в авангарде дело тоже не дошло до боя. (К нам) привели много йигитов, мы приказали отрубить им головы. Наши беки Касим бек и Али Дуст, особенно Али Дуст, придерживаясь благоразумия и правил военного искусства, не сочли полезным посылать погоню далеко (вперед), поэтому многие враги не попали в плен. Мы остановились в самом селении Хубан.
Это была первая битва, в которой я сражался. Великий господь по своей милости и благости сделал тот день днем победы и торжества. Мы сочли это хорошим предзнаменованием» *(л. 84а)*.

"By God's grace, there was no need of them; our left had got hands in with their right before they came up. Kichik Beg chopped away very well; next to him ranked Muhammad 'Ali Mubashir. Not being able to bring equal zeal to oppose us, the enemy took to flight. The fighting did not reach the front of our van or right. Our men brought in many of their braves; we ordered the heads of all to be struck off. Favouring caution and good generalship, our begs, Qasim Beg and, especially, 'Ali-dost did not think it advisable to send far in pursuit; for this reason, many of their men did not fall into our hands. We dismounted right in Khuban village. This was my first ranged battle; the Most High God, of His own favour and mercy, made it a day of victory and triumph. We accepted the omen" *(f. 84a)*.

«Бу аснода Сайид Юсуф Мажамий Султон Аҳмад Танбалға киши йибориб, анга боқти. Андижон кўҳ пояларидин Уйгур Мажам дерлар, икки кўҳ поядур, Сайид Юсуф Мажам анинг улуғи эди, сўнгралар эшикда танимони бўлуб эди. Иши улуғлуқтин ўтуб эди. Беклик дағдаға ва даъвоси бор эди. Агарчи ҳеч ким бек қилмайдур эди, ажаб мунофиқ ва бепошна мардак эди. Мен ушбу навбат Андижонни олғондин ушбу тариҳқача шоядким, икки-уч қатла манга кириб Танбалға ёғиқти экин. Яна икки-уч қатла Танбалға кириб, манга ёғиқти экин. Охир ёғи бўлғони ушбу эди. Анинг била эл ва улус ва аймоқ хили бор эди. Танбалға қўшулмасун деб оралай отландук. Ора қўнуб, Пишхорон навоҳисиға келдик. Пишхорон қўрғониға Танбалнинг кишиси келиб кирган экандур. Бизнинг илғор беклари Али Дарвешбек ва Қучбек оға-иниси била Пишхорон эшигига бориб, яхшилаб чопқулаштилар. Қучбек оға иниси била яхшилаб бордилар. Иликлари аксари ишга тегди» *(в. 94б)*.

«В это время Са'ид Юсуф Мачами послал человека к Султан Ахмед Танбалу и изъявил ему покорность. У подошвы Андижанских гор есть два укрепления, называемые Уйгур и Мачам; Са'ид Юсуф Мачами был наибольшим в Мачаме. Впоследствии он стал известен и при моем дворе, значение его превысило звание наибольшего, и он притязал на звание бека, хотя никто не назначал его беком. Это был удивительно подлый и непостоянный человечишко; с тех пор, как я в последний раз взял Андижан, и до сего времени он, наверное, раза два или три покорялся мне и восставал на Танбала и затем тоже два или три раза покорялся Танбалу и восставал против меня. Последний его бунт произошел именно в тот раз. С ним вместе ушло много оседлых поселенцев и аймаков. Думая: «лишь бы только он не соединился с Танбалом», мы выступили, чтобы стать между ними, и, сделав одну ночевку, пришли в окрестности Бишхарана; в бишхаранскую крепость, по слухам, вступил человек Танбала. Наши беки, посланные вперед,—Али Дервиш бек и Куч бек со своими старшими и младшими братьями—направились к воротам Бишхарана и отлично там дрались. Куч бек и его братья держались хорошо. У большинства из них руки дошли до дела» *(л. 94б)*.

"Meantime Sayyid Yusuf of Macham had sent a man to Tambal and was looking towards him. He was the head-man of one of the two foot-hills of Andijan, Macham and Awighur. Latterly he had become known in my Gate, having outgrown the head-man and put on the beg, though no-one ever had made him a beg. He was a singularly hypocritical manikin, of no standing whatever. From our last taking of Andijan (June 1499) till then (Feb. 1500), he had revolted two

or three times from Tambal and come to me, and two or three times had revolted from me and gone to Tambal. This was his last change of side. With him were many from the (Mughul) horde and tribesmen and clansmen. "Don't let him join Tambal", we said and rode in between them. We got to Bishkharan with one night's halt. Tambal's men must have come earlier and entered the fort. A party of our begs, 'Ali-darwesh Beg and Ouch Beg, with his brothers, went close up to the Gate of Bishkharan and exchanged good blows with the enemy. Ouch Beg and his brothers did very well there, their hands getting in for most of the work" *(f. 94b)*.

20

«Бир неча кундин сўнг Танбал Ура-тепанинг устига келди. Бу хабар келгач, хон Тошканддин черик отланди. Пискент била Сомсийракнинг орасида бронгор ва жвонгорни ясол ясаб эдим, кўрдилар. Мўғул дастури била туғ боғладилар. Хон оттин тушти. Тўққуз туғни хоннинг олида тургузуб, бир мўғул бир ўйнинг ўрта илигига бир узун оқ бўзни боғлаб, илигига тутубдур: Яна уч парча узун бўзни уч туғнинг тутасидин қуйироқ боғлаб, туғнинг йигочининг остидин олиб келтуруб, бир бўзнинг учини хон босиб турди. Яна бир туққа боғлаған бўзнинг учини мен босиб турдум. Яна бир бўзнинг учини Султон Муҳаммад Хоника» *(в. 128б)*.

«Спустя несколько дней Танбал пошел на Ура-Тепа. По получении этого известия Хан тотчас же повел из Ташкента войско. Между Пискентом и Самсираком правое и левое крыло выстроили в ряды и произвели смотр войск. По могольскому обычаю распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед Ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины—Султан Мухаммед Ханике» *(л. 128б)*.

"When, a few days later, The Khan heard that Tambal had gone up into Aura-tipa, he got his army to horse and rode out from Tashkent. Between Pish-kint and Sam-sirak he formed up into array of right and left and saw the count of his men. This done, the standards were acclaimed in Mughul fashion. The Khan dismounted and nine standards were set up in front of him. A Mughul tied a long strip of white cloth to the thighbone (aurta ailik) of a cow and took the other end in his hand. Three other long strips of white cloth were tied to the staves of three of the (nine) standards, just below the yak-tails, and their other ends were brought for the Khan to stand on one and for me and Sl. Muh. Khanika to stand each on one of the two others" *(f. 128b)*.

21

«Тошканд била Сайромнинг орасида Яғо деган кент ва яна бир неча кентгиналар бор. Иброҳим ота ва Исҳоқ отанинг қабри андадур, бу кентларгача борилди. Кичик хон додамнинг бу замон келурини таҳқиқ билмай ҳолидин суръат била отланиб эдим. Баякбор хон учрай-ўқ туштилар. Илгари юрудум, мен тушганда-ўқ кичик хон додам воқиф бўлди, хили изтиробта бўлди. Голибо андоқ хаёли бор экандурким, бир ерда тушуб ўлтуруб, менинг била таъзим била кўрушгайлар. Ёвуқ етишиб туштум, маҳал ул тақозо қилмади, юкунгуча фурсат ҳам бўлмади, букулуб бориб кўруштум. Изтироб ва инфиолда бўлуб, филҳол Султон Саидхон била Бобохон Султонни буюрдиларким, тушуб менинг била юкунуб кўрушгайлар. Хоннинг ўғлонларидин ушбу икки султон-ўқ келиб, ўн уч-ўн тўрт ёшда бўлғойлар эди» *(в. 133а)*.

«Между Ташкентом и Сайрамом есть деревня Яга и еще несколько деревушек; там находится могила Ибрахим ата и Исхак ата. Мы достигли этих деревень. Не зная наверное, что мой дядя младший хан сейчас прибудет, я быстро выехал на коне и вдруг встречаю Хана; они только что стали лагерем. Я подъехал к ним. Когда я сошел с коня, младший хан, мой дядя, сразу все понял и очень взволновался: вероятно, он думал разбить где-нибудь лагерь, усесться и торжественно со мной поздороваться. Но так как я подъехал близко и спешился, обстоятельства этого не позволили, преклонить колени и то было некогда. Поклонившись, я подошел и поздоровался. Хан, взволнованный и смущенный, тотчас же приказал Султан Са'ид хану и Баба хан Султану сойти с коней и поздороваться со мной, преклонив колени. Из сыновей Хана прибыли только эти два султана, им было лет тринадцать — четырнадцать» *(л. 133а)*.

"Between Tashkint and Sairam is a village called Yagha (var. Yaghma), with some smaller ones, where are the tombs of Father Abraham and Father Isaac. So far we went out. Knowing nothing exact about his coming, I rode out for an excursion, with an easy mind. All at once, he descended on me, face to face. I went forward; when I stop-

ped, he stopped. He was a good heal perturbed; perhaps he was thinking of dismounting in some fixed spot and there seated, of receiving me ceremoniously. There was no time for this; when we were near each other, I dismounted. He had not time even to dismount; I bent the knee, went forward and saw him. Hurriedly and with agitation, he told Sl. Sa'id Khan and Baba Khan Sl. to dismount, bend the knee with (bila) me and make my acquaintance. Just these two of his sons had come with him; they may have been 13 or 14 years old" *(f. 133a).*

22

«Икки-уч куруҳгача элни Харобук ва Пашомуннинг рўбарўйидаги пуштағача қувлай келдилар. Пуштаға етганда Муҳаммад Али Мубашшир учради. Мен дедимким: «Бу оз кишидур, туруб от солалинг». Туруб от солдук, ириша туруб қолдилар. Паришон бўлғон эл ул тарафдин-бу тарафдин йиғилиб келдилар. Баъзи ўбдон-ўбдон йигитлар ушбу доритқон била рост Ўшқа боритбурлар» *(в. 137б).*

«Наших людей гнали два или три куруха, до холмов, что напротив Харабука и Пашамуна. Достигнув этих холмов, мы встретили Мухаммед Али Мубашшира. Я сказал: «Их немного, остановимся и пустим на них коней». Остановившись, мы пустили коней вскачь; когда мы подскакали, враги встали. Разбежавшись, воины стали подъезжать то оттуда, то отсюда; некоторые молодцы проскакали, убегая, до самого Оша» *(л. 137б).*

"They pursued us two or three kuroh (4–6 m.), as far as the riding ground opposite Kharabuk and Pashamun. There we met Muh. 'Ali Mubashir. Said I, "They are only few; let us stop and put our horses at them". So we did. When we got up to them, they stood still.
Our scattered braves gathered in from this side and that, but several very serviceable men, scattering in this attack, went right away to Aush" *(f. 137b).*

23

«Офтоб бир найза бўйи чиқиб эдиким, Санжид дара оёғида келиб тушулди. Бизнинг илгари борғон қоровул йигитлари ва баъзи йигитлар Қорабоғнинг оёғи Эгриёр навоҳисида Шеракка етган била-ўқ илик қўшарлар, оз-оғлоқ урушқондек қилур. Ботўқ илғор била тебрарлар. Шеракни ва яна етмиш, сексон, юз ўбдон йигитларни тушуруб келтурдилар. Шеракнинг қонини бағишлаб мулозим қилилди» *(в. 163а).*

«Солнце поднялось на высоту копья, когда мы пришли в долину Санджид и остановились. Наши караульные йигиты, выехавшие вперед, и еще несколько йигитов встретились с Шираком под Карабагом в окрестностях Эгрияра и тотчас же схватились врукопашную. Ведя легкий бой, пуская стрелы, они быстро двигались вперед. Ширака и еще семьдесят—восемьдесят или сто добрых йигитов сбили с коней и привели ко мне. Я подарил Шираку его кровь, и он стал моим слугой» *(л. 163а).*

"The Sun was a spear's-length high when we reached the foot of the Sanjid (Jujube) – valley and dismounted. Our scouting braves fell in with Sherak below the Qara-bagh, near Aikariyar, and straightway got to grips with him. After a little of some sort of fighting, our men took the upper hand, hurried their adversaries off, unhorsed 70–80 serviceable braves and brought them in. We gave Sherak his life and he took service with us" *(f. 163a).*

24

«Одинапур қўрғонининг олида, жанубий тарафида бир баландида тарихи тўққуз юз ўн тўртта бир чаҳорбоғ солдим. Боғи Вафоға мавсум... Боғ ўртасидағи чорчаман бу пуштанинг устида воқиъ бўлубтур. Боғнинг ғарби жанубий тарафида даҳи Дардаҳ ҳавзедур, атрофи тамом норунж дарахтларидур, анор дарахтлари ҳам бор. Бу ҳавзнинг гирдогирди тамом себаргазордур. Бу боғнинг айн ери ушбудур. Норунжлар сарғарғон маҳалда бисёр яхши кўрунур, хили яхши боғ воқиъ бўлубтур» *(в. 173б).*

«Перед крепостью Адинапур, в южной стороне, на возвышенности, я разбил в девятьсот четырнадцатом году большой сад, названный Баги вафа...
В юго-западной стороне сада и находится водоем площадью десять на десять (кари). Вокруг него всюду растут апельсиновые деревья, гранатные деревья там тоже есть. Возле водоема все покрыто трилистником; это лучшее место в саду. В то время, когда желтеют апельсины, сад кажется очень красивым. Очень красивым вышел сад» *(л. 173б).*

"In 914 AH. (1508-9 AD.) I laid out the Four-gardens, known as the Bagh-i-wafa (Garden-of-fidelity), on a rising-ground, facing south and having the Surkh-rud between it and Fort Adinapur...
In the south-west part of it there is a reservoir, 10 by 10, round which are orange-trees and a few pomegranates, the whole encircled by a trefoil-meadow. This is the best part of the garden, a most beautiful sight when the oranges take colour. Truly that garden is admirably situated" *(f. 173b).*

25, 26

«Бу кентлардин қуйироқ даштдин бир куруҳ-бир ярим куруҳ юқори боқа доманада тоғнинг тубида чашма воқиъ бўлубтур. Хожа Сеёрон дерлар. Бу чашмада ва бу чашманинг атрофида уч навъ дарахтлардур. Чашманинг ўртасида қалин чинор дарахтларидур, латиф сояси бордур. Чашманинг икки тарафида тоғ тубидаги пушталарда қалин балут дарахтидур. Ушбу икки парча балутистондин ўзга Кобулнинг ғарбий тоғида балут дарахти асло бўлмас. Чашманинг олидаким, дашт тарафи бўлғай, қалин арғувонзор воқиъ бўлубтур. Бу вилоятта ушбу арғувонзордин ўзга арғувонзор асло йўқтур. Дерларким, бу уч жинс дарахт уч азизнинг карометидур. Сеёронға важҳи тасмия муни дерлар. Бу чашманинг атрофини мен сангкорлиқ қилдурдум. Чашмани гач ва соружа била даҳи Дардаҳ қилдурдум. Бу чашманинг чор ҳади сиёқлиқ, гўниялиқ тахти бўлди, тамом арғувонзорға муширф, арғувон гули очилған маҳалда мунча ер маълум эмаским, оламда бўлғай. Сариқ арғувони ҳам бисёр бўлур. Сариқ арғувон била қизил арғувон доманада дарҳам очилур» *(вв. 180б, 181б).*

«Ниже этих селений, на курух или полтора куруха выше степи, по склонам горы струится источник, Ходжа Се-яран называется. У этого источника и вокруг него растут деревья трех пород. Над источником высятся густые чинары, получается приятная тень; по обоим берегам, у подножья горы, на холмах растут высокие дубы; кроме этих двух участков, где есть дубовые рощи, в горах к западу от Кабула совсем нет дубов. А перед источником на краю степи тянутся большие рощи аргувана. В Кабульской области, кроме этих рощ, аргувана больше нигде нет. Говорят, что эти три породы дерева—чудо трех святых; причину названия Се-яран видят именно в этом. Я приказал обложить этот источник камнем и облицевать его берега алебастром и цементом на площади десять на десять (кари). С четырех сторон над источником возникла ровная, правильная площадка, выходящая к роще аргувана; когда цветы аргувана распускаются, то неизвестно, есть ли другое такое (красивое) место в мире. Желтого аргувана там тоже много; желтый аргуван распускается на склонах гор одновременно с красным» *(лл. 180б, 181б).*

"Between the village and the valley-bottom, from 4 to 6 miles down the slope, is a spring, known as Khwaja Sihyaran (Three-friends), round which three sorts of tree grow. A group of planes gives pleasant shade above it.; holm-oak (quercus bilut) grows in masses on the slope at its sides,–these two oaklands (bilutistan) excepted, no holm-oak grows in the mountains of western Kabul, – and the Judas-tree (arghwan) is much cultivated in front of it, that is towards the level ground, – cultivated there and nowhere else. People say the three different sorts of tree were a gift made by three saints, whence its name. I ordered that the spring should be enclosed in mortared stone-works, 10 by 10, and that a symmetrical, right-angled platform should be built on each of its sides, so as to overlook the whole field of Judas-trees. If, the world over, there is a place to match this when the arghwans are in full bloom, I do not know it. The yellow arghwan grows plentifully there also, the red and the yellow flowering at the same time" *(ff. 180b, 181b).*

27

«Тутмоғининг кайфияти бу турлукдурким, бир газ отими инчка таноб эшарлар, бу танобнинг бир учида газни беркитурлар, яна бир учида шохдин билдурга ясабтурлар, бу билдургани беркитурлар, яна бир билакча ёғочтур, узунлуғи бир қариш бўлғай, газ тарафидин бу танобни бу йиғочқа тугангуча чирмарлар, таноб тугангандин сўнг билдургани беркитурлар, андин сўнг билакча йиғочни таноб ичидин чиқарурлар, таноб чирмоғлиқ ковок-ўқ турар. Билдургани иликка солиб, келадурган қушнинг оли сари газни отарлар. Қушнинг қанотиға ё бўйниға туша чирмашиб, қуш йиқилур. Тамом Борон эли бу тариқ била қалин қуш тутарлар, вале бу қуш тутмоқнинг хили машаққати бор. Емғурлуқ ва қоронғу кечалари керак, бу кечаларда бу қушлар сибоъ ва дарандалар жиҳатидин тонг отқунча тинмаслар ва муттасил учарлар ва паст учарлар, қоронғу кечаларда қушларнинг йўли оқар сувдур, қоронғуда оқариб кўрунур. Қўрқунчдин сув юқори, сув қуйи тонг отгунча борурлар ва келурлар. Танобни бу маҳалда отарлар. Мен бир қатла кеча таноб оттим, таноб узулди, қуш ҳам топилмади. Тонгласиға қушни узулган таноб била топиб келтурдилар.
Бу тариқ била Борон эли қалин уқор тутарлар. Соч ўтағаси уқордин бўлур. Ироқға ва Хуросонға Кобулдин бир матое ким борур, соч ўтағасидур» *(в. 190а).*

«Ловля этих больших птиц — нечто необычное. Способ их ловли таков: вьют тонкую веревку длиной в полет стрелы, к одному концу веревки прикрепляют дротик, к другому концу веревки прилаживают кольцо из рога, потом берут палку толщиной в кисть руки и длиной в один кариш и наматывают веревку

до конца на эту палку, начиная с той стороны, где стрела. Когда веревку всю намотают на палку, к (свободному) концу крепко прикрепляют (роговое) кольцо, затем эту палку толщиной в кисть руки вынимают из веревки, так что моток веревки оказывается полым. Кольцо надевают на руку и бросают стрелу навстречу летящей птице, стрела попадает птице в крыло или в шею, веревка обвивается вокруг нее и птица падает. Все жители Борана ловят таким способом много птиц, но только такая ловля очень трудна. Для этого подходят дождливые темные ночи; в такие ночи птицы из-за хищников и диких зверей до рассвета не знают покоя и все время летают, причем летают низко; в темные ночи дорогой для птиц служит текущая вода, ибо в темноте видно, как она течет. От страха птицы до рассвета летают взад и вперед над водой, то выше, то ниже; в это время и бросают веревку. Я раз ночью бросил такую веревку; веревка разорвалась, а птицу не нашли. К утру птицу на обрывке веревки нашли и принесли. Таким способом люди на Боране ловят много цапель. Султаны на шапки делают из перьев цапли. К числу кабульских товаров, идущих в Ирак и Хорасан, принадлежат такие султаны» *(л. 190а)*.

"Along the Baran people take masses of cranes (turna) with the cord; masses of auqar, qarqara and qutan also. This method of bird-catching is unique. They twist a cord as long as the arrow's flight, tie the arrow at one end and a bildurga at the other, and wind it up, from the arrow-end, on a piece of wood, span-long and wrist-thick, right up to the bildurga. They then pull out the piece of wood, leaving just the hole it was in. The bildurga being held fast in the hand, the arrow is shot off towards the coming flock. If the cord twist round a neck or wing, it brings the bird down. On the Baran everyone takes birds in this way; it is difficult; it must be done on rainy nights, because on such nights the birds do not alight, but fly continually and fly low till dawn, in fear of ravening beasts of prey. Through the night the flowing river is their road, its moving water showing through the dark; then it is, while they come and go, up and down the river, that the cord is shot. One night I shot it; it broke in drawing in; both bird and cord were brought in to me next day. By this device Baran people catch the many herons from which they take the turban-aigrettes sent from Kabul for sale in Khurasan" *(f. 190a)*.

28, 29

«Жомға тушгач, Бигромни сайр қила отландим. Улуғ бир йиғочни кўруб Бигромнинг навоҳисини сайр қилдим. Бошчи Малик Бусаид Камарий эди. Ҳар неча Гўркўҳтарини сўрдук, айтмади. Ениб ўрдуға ёвуқ етганда Хожа Муҳаммад Аминға айтурким, Гўркўҳтари Бигромнинг қошида эди. Тор ғор ва мухотара ер учун айтмадим. Хожа филҳол хабосат қилиб, анинг деганин айтди. Кун кеч бўлуб эди ва йўл ҳам йироқ эди, бора олмадук, бу юртда Синд суйи кечарни ва қай сари мутаважжиҳ бўлурни машварат қилилди» *(вв. 197б, 199а)*.

«По прибытии в Джам я поехал прогуляться в Биграм. Я полюбовался там одним огромным деревом и объехал окрестности Биграма. Проводником у меня был Малик Буса'ид Камари. Сколько мы ни спрашивали, где Гурикухтари, он так и не сказал. Когда мы вернулись в лагерь, он говорил Ходжа Мухаммед Амину: «Гурикухтари находится возле Биграма, но я им этого не сказал, так как там есть узкие пещеры и опасные места» *(лл. 197б, 199а)*.

"I rode out at once from Jam to visit Bigram, saw its great tree, and all the country round, but, much as we enquired about Gur-kuhtari, our guide, one Malik Bu-sa'id Kamari, would say nothing about it. When we were almost back in camp, however, he told Khwaja Muhammad-amin that it was in Bigram and that he had said nothing about it because of its confined cells and narrow passages" *(ff. 197b, 199a)*.

30

«Бронғор Жаҳонгир Мирзо, Боқи Чағониён, Ширим Тағойи, Сайид Ҳусайн Акбар ва яна баъзи беклар эди. Жвонғор Мирзохон, Абдураззоқ Мирзо, Қосимбек ва яна баъзи беклар эди. Ғулда улуғ беклардин киши йўқ эди, тамом ички беклар эди. Ировулда Сайид Қосим Эшикоға Бобо ўғли, Оллоқули Беран ва яна баъзи беклар эди. Черикни олти бўлак қилилиб эди. Ҳар бўлакка бир кеча-кундуз чоғдовуллуқ навбати эди.
Ул доманадин кўчуб, ғарбқа боқа юруб, Дашт била Баннунинг орасида бир сувсиз кўлда тушулди. Черик эли сойни қазиб, ўзлари ва гала қораларға сув олдилар.
Тонгласиға кўчуб Даштнинг кентларининг орасида ёвуқроқ тушулди, андин кўчуб, Гўмал суйи ёқасиға тушулди. Даштдин ғарбий тарафи икки йўл чиқар эрмиш, бири Санг-сўрох йўликим, Барқдин ўтуб Фармул келур» *(в. 200б)*.

«На правом крыле стояли Джехангир Мирза, Баки Чаганияни, Ширим Тагай, Са'ид Хусейн Акбар и еще несколько беков, на левом крыле—Мирза хан, Абд ар-Раззак Мирза, Касим бек и еще несколько беков. В центре из больших беков не было никого, все одни приближенные беки, а впереди стояли Са'ид Касим ишик-ага, Баба оглы, Алла Кули Буран и еще несколько беков. Все войско разделили на шесть отрядов, каждому отряду был черед нести караул одни сутки.
Выступив оттуда, мы пошли на запад и остановились между Даштом и Банну, в безводном русле реки. Воины прокопали сай и добыли воды для себя и для скота.
На следующее утро мы выступили и остановились неподалеку, среди деревень Дашта. Выйдя оттуда, мы остановились на берегах реки Гумал. Из Дашта на Газни выходят две дороги; одна дорога ведет в Санги сурах, пройдя Бурак, она идет в Фармул» *(л. 200б)*.

"Jahangir Mirza was the right wing, with Baqi Chaghaniani, Sherim Taghai, Sayyid Husain Akbar, and other begs. Mirza Khan was the left wing with 'Abdu'r-razzaq Mirza, Qasim Beg and other begs. In the centre there were no great begs, all were household-begs. Sayyid Qasim, Lord-of-the-gate, was the van, with Baba Aughuli, Allah-birdi (var. Allah-quli Puran), and some other begs. The army was in six divisions, each of which had its day and night on guard.
Marching from that hill-skirt, our faces set west, we dismounted on a waterless plain (qul) between Bannu and the Plain. The soldiers got water here for themselves, their herds and so on, by digging down, from one to one-and-a-half yards, into the dry water-course, when water came.
Two roads were heard of as leading from where we were to Ghazni; one was the Tunnel-rock (Sang-i-surakh) road, passing Birk (Barak) and going on to Farmul" *(f. 200b)*.

31

«Ушбу кент тўғрисида бир орол бор эди. Кейин қолған эллар оролда кўрундилар. Аксар черик эли от ва яроқ била ўзларини солиб ўттилар, бир неча киши сувға борди. Менинг навкарларимдин бир Қул Аҳмад Оруқ эди, бир Меҳтар Фаррош эди. Жаҳонгир Мирзо навкарларидин бир Қайтмас туркман эди. Бу оролда баъзи рахт ва партолдек нималар черик элига тушти. Бу навоҳининг эли кемалар била тамом Синд суйининг ул юзига ўттилар» *(в. 204б)*.

«Напротив этого селения есть остров; отставшие жители селения виднелись на этом острове. Большинство моих воинов, с лошадьми и с оружием, бросились в воду и переправились на остров, несколько человек при этом утонуло. Из моих нукеров среди погибших был Кул Ахмед Арук и был главный постельничий; из нукеров Джехангир Мирзы (утонул) Кайтмас Туркмен. На острове воинам достались кое-какие вещи и пожитки.
Все жители тех мест переехали на лодках на другой берег реки Синда» *(л. 204б)*.

"Some were seen standing on an island in front of Bilah. Most of our men, man and horse in mail, plunged in and crossed to the island; some were carried down, one being Qul-i-aruk (thin slave), one of my servants, another the head tentpitcher, another Jahangir Mirza's servant, Qaitmas Turkman. Cloth and things of the baggage (partaldik nima) fell to our men. The villagers all crossed by boat to the further side of the river" *(f. 204b)*.

32

«Яна бир навбат Бадиуззамон Мирзо қошиға борғонда намози пешиндин сўнг чоғир мажлиси бўлди, мен ул маҳаллар ичмас эдим, тавр ороста мажлисе эди, хонларда ҳар навъ газаклар ясаб эдилар: товуқ кабоби ва қоз кабоби ва ҳар жинс атъимадин торттилар. Бадиуззамон Мирзонинг мажлисини хили таъриф қилурлар эди, филвоқиъ беғилу ғаш оромида мажлис эди. Мурғоб ёқасида эканда икки-уч қатла Мирзонинг чоғир мажлисида ҳозир бўлдум. Ичмасимни чун билурлар эди, таклиф қилмадилар» *(в. 208б)*.

«Один раз, когда я пошел к Бади'аз-Заман Мирзе, после полуденной молитвы состоялось собрание с попойкой. В то время я не пил (вина). Хорошо устроенное было собрание! На столах расставили всевозможные закуски, подавали всякого рода кушанья—жареных кур, жареных гусей.
Собрание у Бади'аз-Заман Мирзы очень хвалили, и, действительно, это была спокойная пирушка, без подвоха и обмана. Находясь на берегах Мургаба, я два или три раза бывал на пирушках у Мирзы. Так как все знали, что я не пью, то меня и не принуждали» *(л. 208б)*.

"There was a wine-party (chaghir-majlisi) once when I went after the Mid-day Prayer to Badi'u'z-zaman Mirza's presence. At the time I drank no wine. The party was altogether elegant; every sort of relish to wine (gazak) was set out on the napery, with brochettes of fowl and goose, and all sorts of viands. The Mirza's entertainments

were much renowned; truly was this one free from the pang of thirst (bi ghall), reposeful and tranquil. I was at two or three of his wine-parties while we were on the bank of the Murgh-ab; once it was known I did not drink, no pressure to do so was put on me" *(f. 208b).*

33, 34

«Бу улуғ оқ уйда тўрт тўшак солиб эрдилар. Бадиуззамон Мирзонинг оқ уйлари албатта ён эшиклик бўлур эди. Мирзо доим бу эшикнинг ёнида ўлтурур эди, бир тўшакни бу эшикнинг ёнида солиб эрдилар. Бадиуззамон Мирзо ва Музаффар Мирзо бу тўшакда ўлтурдилар, яна бир тўшак рост қўлда солиб эрдилар, Абулмуҳсин Мирзо ва мен бу тўшакда ўлтурдук. Бадиуззамон Мирзонинг тўшакидин қуйи чап ёнда яна бир тўшак солиб эдилар. Қосим Султон Ўзбак Шайбоний султонларидинким, Мирзонинг куёви бўлур эди, Қосим Ҳусайн Султоннинг отаси бўлғай, яна Ибни Ҳусайн Мирзо бу тўшакда ўлтурдилар, манга солғон тўшакдин қуйи ўнг қўлумда яна бир тўшак солиб эрдилар, Жаҳонгир Мирзо била Абдураззоқ Мирзо ул тўшакда ўлтурдилар. Муҳаммад Бурундуқбек ва Зуннунбек ва Қосимбек ўнг ёнда Қосим Султон била Ибни Ҳусайн Мирзодин хили қуйироқ ўлтурдилар.
Ош тортилди, бовужудким, суҳбат йўқ эди, ош тор татурғон ерда шира қўюб олтун ва Кумуш суроҳиларни шира устига тердилар» *(вв. 252б, 253а).*

«В этом большом шатре клали четыре подушки (тошак). Шатры Бади'аз-Заман Мирзы обязательно были с нишами; Мирза всегда сидел в нише. Одну подушку положили в нише, на эту подушку сели Бади'аз-Заман Мирза и Музаффар Мирза, а другую подушку положили в правом переднем углу. Мы с Абул-Мухсин Мирзой сели на эту подушку, ниже подушки Бади'аз-Заман Мирзы, с левой стороны, положили еще одну подушку. Касым Султан Узбек, один из султанов Шейбанидов, зять Бади'аз-Заман Мирзы и отец Касым Хусейн Султана, также сел на этой подушке с Ибн Хусейн Мирзой. Ниже моей подушки, с правой стороны, положили еще одну подушку; на эту подушку сел Джехангир Мирза с Абд ар-Раззак Мирзой. Мухаммед Бурундукбек, Зуннунбек и Касымбек сели с правой стороны, чуть ниже Касым Султана и Ибн Хусейна. Принесли еду. Хотя попойки не было, но в том месте, где поставили кушанье, разостлали скатерть и уставили ее золотыми и серебряными кубками» *(лл. 252б, 253а).*

"Four divans (tushuk) had been placed in the tent. Always in the Mirza's tents one side was like a gate-way and at the edge of this gate-way he always sat. A divan was set there now on which he and Muzaffar Mirza sat together. Abu'lmuhsin, Mirza and I sat on another, set in the right-hand place of honour (tur). On another, to Badi-u'z-zaman Mirza's left, sat Ibn-i-husain Mirza with Qasim Sl. Auzbeg, a son-in-law of the late Mirza and father of Qasim-i-husain Sultan. To my right and below my divan was one on which sat Jahangir Mirza and 'Abdu'r-razzaq Mirza. To the left of Qasim Sl. and Ibn-i-husain Mirza, but a good deal lower, were Muh. Baranduq Beg, Zu'n-nun Beg and Qasim Beg.
Although this was not a social gathering, cooked viands were brought in, drinkables were set with the food, and near them gold and silver cups" *(ff. 252b, 253a).*

35

«Барча бегимлар, Поянда Султонбегим, менинг аммам Хадичабегим, Офоқбегим, яна Султон Абусаид Мирзонинг қизлари амма бегимлар барча Султон Ҳусайн Мирзонинг мадрасасида йиғилдилар. Барча бегимлар Мирзонинг мақбарасида эдиларким, бориб кўрдум. Аввал Поянда Султонбегим била юкуниб кўруштум, андин сўнг Офоқбегим била юкунмай кўруштум, андин кейин Хадичабегим била юкуниб кўруштум. Бир замон мунда ўлтуруб ҳофизлар қуръон ўқуғондин сўнг жанубий мадрасадаким, Хадичабегимнинг уйини тикиб эдилар бордуқ. Хадичабегимнинг ошини торттилар. Ош тортилғондин кейин Поянда Султонбегимнинг уйига бордим. Ул кеча анда бўлдум, аввал манга Боғи Навда юрт тайин қилиб эдилар. Тонгласи келиб Боғи Навда туштум» *(в. 256 б).*

«Все знатные госпожи: Паянда Султан бегим, моя тетка Хадича бегим, Аппак бегим, а также другие госпожи; дочери Султан Абу Са'ид Мирзы, мои тетушки, собрались в медресе Султан Хусейн Мирзы. Все эти госпожи находились у могилы Мирзы, куда я пошел и повидал их. Сперва я поклонился и поздоровался с Паянда Султан бегим, потом, не кланяясь, поздоровался с Аппак бегим, после чего, поклонившись, поздоровался с Хадича бегим. Посидев у могилы некоторое время, мы после того, как чтецы почитали Коран, направились в южное медресе, где был разбит шатер Хадича бегим. Подали угощение от Хадича бегим, после угощения я пошел в шатер Паянда Султан бегим и провел ночь в этом месте. Сначала мне отвели помещение в Баги нау, на утро я отправился в Баги нау и расположился там» *(л. 256б).*

"All the Begims, i. e. my paternal-aunt Payanda-sultan Begim, Khadija Begim, Apaq Begim, and my other paternal-aunt Begims, daughters of Sl. Abu-sa'id Mirza, were gathered together, at the time I went to see them, in Sl. Husain Mirza's College at his Mausoleum. Having bent the knee with (yukunub bila) Payanda-sultan Begim first of all, I had an interview with her; next, not bending the knee, I had an interview with Apaq Begim; next, having bent the knee with Khadija Begim, I hand an interview with her. After sitting there for some time during recitation of the Qoran, we went to the South College where Khadija Begim's tents had been set up and where food was placed before us. After partaking of this, we went to Payanda-sultan Begim's tents and there spent the night" *(f. 256b).*

36

«Неча кундин сўнг Музаффар Мирзо уйига чорлади, Музаффар Мирзо Боғи Сафидда ўлтурур эди. Хадичабегим ҳам анда эди, Жаҳонгир Мирзо менинг била борди, Хадичабегим қошида ош ва таом тортилгандин кейин Музаффар Мирзо бизни Бобир солғон Тарабхона отлиқ иморатқа олиб борди» *(в. 257а).*

«Через несколько дней Музаффар Мирза пригласил (меня) к себе в дом. Музаффар Мирза жил (в саду) Баги сефид; Хадича бегим тоже находилась там. Джехангир Мирза пошел со мной. После того, как убрали еду и угощение, (предложенное) Хадича бегим, Музаффар Мирза повел нас в здание, построенное Бабур Мирзой и называемое Тараб-хана» *(л. 257а).*

"A few days after Muzaffar Mirza had settled down in the White-garden, he invited me to his quarters; Khadija Begim was also there, and with me went Jahangir Mirza. When we had eaten a meal in the Begim's presence, Muzaffar Mirza took me to where there was a wine-party, in the Tarab-khana (Joy-house) built by Babur Mirza, a sweet little abode, a smallish, twostoreyed house in the middle of a smallish garden" *(f. 257a).*

37

«Бу суҳбатта менинг олимға қоз кабоби қўйдилар, чун қуш бузмоғини ва тўрғамоғини қилғон эмас эрдим, илик элтмадим. Бадиуззамон Мирзо дедиким, нега майл қилмассиз. Мен дедим, тўрғамоқтин ожиздурмен. Филҳол Бадиуззамон Мирзо менинг олдимдағи қозни бузуб, тўрғаб олимда қўюр. Мундоқ ишларда Бадиуззамон Мирзо беназир киши эди. Охир суҳбатда бир мурассаъ камар, ханжар, бир чорқаб, бир тупчоқ манга берди» *(в. 260б).*

«На этой пирушке передо мной поставили жареного гуся. Так как я еще никогда не разрезал и не разнимал птиц, то не дотронулся до гуся. Бади'аз-Заман Мирза спросил: «Почему вам не хочется?» Я ответил: «Не умею разделывать». Бади'аз-Заман тотчас же разрезал и разнял лежащего предо мной гуся и подал его мне; в такого рода делах Бади'аз-Заман Мирза был человек бесподобный.
В конце пира он подарил мне кинжал, украшенный драгоценными камнями, чаркуб и кровного коня» *(л. 260б).*

"At this party they set a roast goose before me but as I was no carver or disjointer of birds, I left it alone. "Do you not like it?" inquired the Mirza. Said I, "I am a poor carver." On this he at once disjointed the bird and set it again before me. In such matters he had no match. At the end of the party he gave me an enamelled waist-dagger, a char-qab, and a tipuchaq" *(f. 260b).*

38, 39

«Охир от солдим, илгари юрудум,
Сурубон тоғқа юққори юрудум,
Мени кўруб юруди эл доғи,
Қолди элдин кейинга қўрқоғи.
Етибон тез тоққа тормоштук,
Ўқиға боқмайин юруб оштук.
Гаҳи оттин тушуб, гаҳи отлиқ,
Юрубон илгарига журъатлиқ.
Ёғи ҳам тоғдин ўқ қўяр эди,
Зўр кўргач солиб юруберди,
Тоққа чиқтук ҳазорани қовлаб,
Қийру қўлда кийик киби овлаб» *(вв. 270б, 271а).*

«Наконец пустил я коня, двинулся вперед,
Погоняя (коня), поднялся на гору,
Увидя меня, (мои) люди тоже двинулись,
Остался позади людей страх.
Достигнув горы, мы быстро взобрались вверх,
Несмотря на стрелы врага, поднялись.
Иногда сходя с коня, иногда—на коне,
Шли мы вперед, смело.
Враги метали с горы стрелы,
Увидя нашу силу, они все побросали и убежали.
Поднялись мы на гору и подняли хазарейцев

По горе и по степи, точно оленей;
В тех, кто был перед нами, словно в кииков, стреляли»
(лл. 270б, 271а).

"At last I charged forward myself,
Herding the foe up the hill;
Seeing me go, my men also moved,
Leaving their terrors behind.
With me they swift spread over the slope,
Moving on without heed to the shaft;
Sometimes on foot, mounted sometimes,
Boldly we ever moved on,
Still from the hill poured the shafts.
Our strength seen, the foe took to flight.
We got out on the hill; we drove the Hazars,
Drove them like deer by valley and ridge;
We shot those wretches like deer" *(ff. 270b, 271a).*

40

«Монор тоғидин ўтуб, доманада тушуб, совуқдин бетоқат бўлуб, ўтлар ёндуруб исиндук.
Агарчи ўт ёндурур маҳал эмас эди, совуқ зарбидин бетоқат бўлуб, ўт ёндурулди. Тонг ота ёвушуб эдиким, Монор тоғининг доманасидин отландук» *(в. 273б).*

«Мы спустились с горы Минар и стали лагерем у ее подножья. Изнемогая от холода, мы развели костры и принялись греться; хотя зажигать огонь было (совсем) не время, но мы так измучились от ударов мороза, что развели костры. С приближением утра мы тронулись от подножья горы Минар» *(л. 273б).*

"After crossing Minar-hill and dismounting on its skirt, helpless with cold, we lit fires to warm ourselves. It was not time to light the signal-fire; we just lit these because we were helpless in that mighty cold. Near shoot of dawn we rode on from Minar-hill; between it and Kabul the snow was up to the horses' knees and had hardened, so off the road to move was difficult" *(f. 273b).*

41

«Монор била Кобулнинг орасида қор отнинг тизида бор эди. Қотқон бўлуб эди, йўлдин чиққон киши ташвиш била юрур эди. Бу оралиқни тамом чубуруб келдук, бу жиҳаттин фарз вақтида Кобулға баҳила еттук. Бибимоҳрўйға етардин бурунроқ арктин улуғ ўт чиқти, маълум бўлдиким, хабардор бўлмишлар» *(в. 274а).*

«Между Минаром и Кабулом снег был коням по колено и совершенно смерзся; сойдя с дороги, человек лишь с трудом продвигался вперед. Весь этот отрезок пути мы шли гуськом; поэтому нам не без труда удалось дойти до Кабула ко времени утренней молитвы. Не успели мы достигнуть Биби Махруй, как над арком поднялся большой огонь; стало ясно, что там узнали (о нашем приближении)» *(л. 274а).*

"Near shoot of dawn we rode on from Minar-hill; between it and Kabul the snow was up to the horses' knees and had hardened, so off the road to move was difficult. Riding single-file the whole way, we got to Kabul in good time undiscovered. Before we were at Bibi Mah-rul (Lady Moon-face), the blaze of fire on the citadel let us know that the begs were looking out" *(f. 274a).*

42

«Ов асносида бир қулоннинг сўнгича чоптим, ёвуқроқ етиб, бир ўқ урдум, яна бир ўқ ҳам урдум, вале бу захмлар йиқилғуча кори эмас эди. Бу икки захмнинг зарбидин бурунғи югуришидин оҳистароқ бўлди. Пошна қилдим, яқин сиғиниб келиб, икки қулоғидин кейинги чаккасига-ўқ чоптим, кекиртаки-ўқ илиниб қолди. Муаллақ ошиб борди, кейинги оёғи узангумга тега ёзиб қолди, қиличим хили яхши кести» *(в. 283б).*

«Во время охоты я погнался за куланом: подскакав близко, я пустил стрелу, за нею—еще одну, но эти две раны не свалили кулана с ног, только бег его после ранения стал тише, чем прежде. Пришпорив коня, я подскакал к кулану вплотную и так уда рил его по шее за ушами, что рассек ему гортань. Кулан подскочил и так перекувыркнулся, что чуть не зацепил задними ногами за мои стремена. Моя сабля рубила очень хорошо» *(л. 283б).*

"During the hunt I galloped after a wild-ass, on getting near shot one arrow, shot another, but did not bring it down, it only running more slowly for the two wounds. Spurring forwards and getting into position quite close to it I chopped at the nape of its neck behind the ears, and cut through the wind-pipe; it stopped, turned over and died. My sword cut well" *(f. 283b).*

43

«Ул юрттин эрта била отланиб, Каттавоз тузида ов учун чарга қўюлди. Бу даштнинг ҳамеша кийик ва қулони семиз бўлур ва кўп бўлур, чарга орасиға қулон ва кийик қалин кирди. Қалин қулон ва кийик ўлтурдилар» *(в. 284а).*

«Выступив рано утром с этой стоянки, мы устроили в равнине Каттаваз облаву, чтобы поохотиться. В круг попало множество куланов и кииков. Много кииков и куланов перебили» *(л. 284а).*

"Next day when he had ridden from that camp, a hunting-circle was formed on the plain of Kattawaz where deer (kiyik) and wild-ass are always plentiful and always fat. Masses went into the ring; masses were killed" *(f. 284a).*

44

«Ёғини босқоч, тамоми черик киши тушурмоққа ва ёғини қувламоққа бордилар. Менинг била саноғлиқ ўн бир киши қолиб эди. Ул ўн бир кишидан дурусти Абдулло Китобдор эди. Муқим ҳануз туруб урушадур эди. Кишимизнинг озиға боқмай, тенгрига таваккул қилиб, нақораларни қоқиб, ғаним сори боқиб югурдук.

Кўпу озға тенгридур бергучи,
Бу даргоҳда йўқтур кишининг кучи.

Нақора унини эшитиб, бизнинг мутаважжиҳ бўлғонимизни билиб, қарор тариқин унутуб, фирор йўлин тутти» *(в. 285а).*

«Разбив врага, все наши люди бросились преследовать неприятелей и сбивать их с коней; со мной осталось ровным счетом одиннадцать человек. Среди этих одиннадцати воинов был также Абдуллах Китабдар.
Муким все еще стоял на месте и дрался. Несмотря на малочисленность наших людей, мы ударили в барабаны и, возложив упование на Аллаха, двинулись на врага.

И многого и малого податель — господь,
В земной обители нет у человека силы.

...Услышав бой барабанов и поняв, что мы направляемся в их сторону, враги забыли путь устойчивости и вступили на стезю бегства» *(л. 285а).*

"Our men having beaten their opponents, all went off to pursue and unhorse them. Remained with me eleven to count, 'Abdu'l-lah the librarian being one. Muqim was still keeping his ground and fighting. Without a glance at the fewness of our men, we had the nagarets sounded and, putting our trust in God, moved with face set for Muqim.

(Turki) For few or for many God is full strenght;
No man has might in His Court.
(Arabik) How often, God willing it, a small force has vanquished a large one!

Learning from the nagarets that we were approaching, Muqim forgot his fixed plan and took the road of flight" *(f. 285a).*

45

«Ушбу йилнинг охирида сешанба кечаси зулқаъда ойининг тўртида офтоб ҳут буржида эди, Кобулнинг аркида Ҳумоюн мутаввалид бўлди. Тарихи валодатини Мавлоно Сайидий шоир «Султон Ҳумоюнхон» топиб эди. Кобул шоирчаларидин биров, «шоҳи феруз қадр» топиб эди, уч-тўрт кундин сўнг Ҳумоюн исми била мавсум бўлди. Ҳумоюннинг валодатидин беш-олти кундин сўнг Чорбоққа чиқиб, Ҳумоюннинг валодатининг тўйи бўлди. Бек ва бегот улуғ-кичик сочиқ келтурдилар, қалин оқ танга ўкулди, ондин бурун онча қалин оқ ёрмоқни бир ерда кўрулмайдур эди, хили яхши тўй бўлди» *(в. 295а).*

«В конце того года, вечером во вторник, четвертого числа месяца зул-ка'да, когда солнце было в созвездии Рыб, в кабульском арке родился Хумаюн. Маулана Са'иди, стихотворец, нашел тарих его рождения в словах «Султан Хумаюн хан». Один из мелких кабульских стихотворцев нашел тот же тарих в словах «шахи фируз кадр».
Через три-четыре дня (младенца) нарекли именем Хумаюн. Спустя пять или шесть дней после рождения Хумаюна мы вышли в сад и справили той по случаю его рождения. Старшие и младшие беки, большие и малые вельможи—все принесли в подарок деньги; серебра оказалась большая куча; никогда раньше не было увидано такого множества серебряных денег в одном месте. Очень хороший вышел той!» *(л. 295а).*

"At the end of this year, on Tuesday the 4th day of the month of Zu'l-qa'da (March 6th 1506 AD.), the Sun being in Pisces (Hut), Humayun was born in the citadel of Kabul. The date of his birth was found by the poet Maulana Sayidi in the words Sultan Hamayun Khan, and a minor poet of Kabul found it in Shah-i-firuz-qadr (Shah of victorious might). A few days later he received the name Humayun; when he was five or six days old, I went out to the Char-bagh where was had the feast of his nativity. All the begs, small and great, brought gifts; such a mass of white tankas was heaped up as had never been seen before. It was a first-rate feast!" *(f. 295a).*

46

«Ўрдуни дарё сари юрутуб, мен Савоти тарафиким, Каргхона ҳам дерлар, карг овлоғали бордим, бир неча карг пайдо бўлди. Вале жангали қалин эди, жангалдин чиқмади. Бир бузовлиқ карг тузга чиқиб, қоча берди, хили ўқ урулди, жангал ёвуқ эди, ўзини жангалға солди. Жангалға ўт солдилар, ул карг худ топилмади. Яна бир карг бузови ўтга куюб, тирачилаб ётадур эди, бўғузлаб, ҳар киши шибронға олди. Савотидин ёниб, хили саргардонлиқ тортиб, намози хуфтанда ўрдуға келдук» *(в. 305б)*.

«Отправив обоз к реке, я направился в сторону Савати, которое называют также Каргхана, чтобы поохотиться на носорогов. Мы увидели несколько носорогов, но заросли были очень густы, а носороги не выходили из зарослей. Одна самка носорога с детенышем вышла на полянку и бросилась бежать; в нее пустили много стрел. Заросли были близко, самка кинулась в заросли; мы подожгли их, но так и не нашли ту самку; детеныш носорога, горя в огне, бился и корчился на земле. Его прирезали, и каждый из нас взял свою долю. Возвращаясь из Савати, мы долго блуждали и прибыли в лагерь к молитве перед сном» *(л. 305б)*.

"(Feb. 16th). After starting off the camp for the river, I went to hunt rhinoceros on the Sawati side which place people call also Karg-khana (Rhino-home). A few were discovered but the jungle was dense and they did not come out of it. When one with a calf came into the open and be took itself to flight, many arrows were shot at it and it rushed into the near jungle; the jungle was fired but that same rhino was not had. Another calf was killed as it lay, scorched by the fire, writhing and palpitating. Each person took a share of the spoil. After leaving Sawati, we wandered about a good deal; it was the Bed-time Prayer when we got to camp" *(f. 305b)*.

47

«Тонгласи панжшанба куни ойнинг ўн олтисида от ва тева била ва партол била кечиттин кечилди. Ўрду бозори ва яёқ ва эшакни жолабонлар била кечурдилар. Ушбу кун гузар бошида эканда Нилобийлар келиб, тўққуз от ва уч юз шоҳрухий пешкаш қилиб кўрдилар» *(в. 306а)*.

«Люди, отправившиеся осмотреть переправу, осмотрели ее и возвратились. На следующий день, в четверг, шестнадцатого числа, мы перешли реку с конями, верблюдами и пожитками; обоз, пехотинцев и ослов переправили на плотах. Утром, когда мы были у переправы, жители Нилаба пришли и доставили в подарок коня в снаряжении и триста шахрухи (деньгами)» *(л. 306а)*.

"Those sent to examine the ford came back after doing it (Feb. 17th) Next day, Thursday the 16th, the horses and baggage-camels crossed through the ford and the campbazar and foot-soldiers were put over on rafts. Some Nilabis came and saw me at the ford-head (guzar-bashi), bringing a horse in mail and 300 shahrukhis, as an offering" *(f. 306a)*.

48

«Намози пешин сайрға отланиб, кемага кириб, арақ ичилди, аҳли мажлис Дўстбек ва Мирзоқули, Аҳмадий, Гадойи, Муҳаммад Али Жанг-жанг, Асас, Ўғонберди Мўғул, аҳли нағма, Руҳдам, Бобожон, Қосим Али, Юсуф Али, Тенгриқули, Абулқосим, Рамазон Лўли намози хуфтангача кемада ичиб, намози хуфтан кемадин маст тофиҳ чиқиб, отланиб, машъални илгимга олиб, дарё ёқасидин ўрдуғача отнинг бу юзиға эгилиб, гаҳ ул юзиға эгилиб, якжилов чопиб келибтурмен, ғарийб маст экандурмен. Тонгласиға мундоқ машъал олиб, ўрдуғача якжилов келганимни шарҳ қилдилар. Асло хотиримға келмади» *(в. 314а)*.

«В час полуденной молитвы я выехал на прогулку, сел в лодку, и мы пили арак. В пирушке участвовали Дуст бек, Мирза Кули, Ахмади, Гадаи, Мухаммед Али Дженг-дженг, Асас, Ауган Берди Могол, а из музыкантов — Раух дам, Бабаджан, Касим Али, Юсуф Али, Тенгри Кули, Абул Касим и Рамазан Лули. Мы пили в лодке до самой молитвы перед сном. В час молитвы мы вышли пьяные через край; я вскочил на коня, схватил в руку факел и скакал во весь опор от берега реки до самого лагеря, качаясь на лошади из стороны в сторону. Я был здорово пьян, и когда мне на следующее утро рассказали, как я примчался в лагерь с факелом в руке, я совершенно ничего не мог вспомнить» *(л. 314а)*.

"Having ridden out at the Mid-day Prayers for an excursion, we got on a boat and 'araq was drunk. The people of the party were Dost Beg, Mirza Quli, Ahmadi, Gadai, Muhammad 'Ali Jang-jang, 'Asas, and Aughan-birdi Mughul. The musicians were Rauh-dam, Baba Jah, Qasim-i-'ali, Yusuf-i-ali Tingri-quli, Abu l-qasim, Ramazan Luli. We drank in the boat till the Bed-time Prayer; then getting off it, full of drink, we mounted, took torches in our hands, and went to camp from the river's bank, leaning over from our horses on this side, leaning over from that, at one loose-rein gallop! Very drunk I must have been for, when they told me next day that we had galloped loose-rein into camp, carrying torches, I could not recall it in the very least" *(f. 314a)*.

49

«Тонгласиға андин отланиб, Хожа Хонд Саиднинг мазорини тавоф қилиб, келиб Чина қўрғонидин жолаға кирдук. Панжҳир сувининг қотилишида жола тоғининг тўқунишиға урунуб, ғарқ бўлаёзди. Руҳдам, Тенгриқули, Мир Муҳаммад Жолабон жола тоққа урунгач, сувға йиқилдилар. Руҳдам била Тенгриқулини ташвишлар била тортиб, жолаға-ўқ чиқордилар. Чини пиёла ва қошуқ ва доира сувға борди. Мундин ўтуб, Сангибурийда тўғрисиға етганда, жола сувнинг ўртасида шоҳқаму ё банд учун қоққон қозуққаму урунди. Шоҳ Ҳасан Шоҳбек арқонға-ўқ борди. Мирзоқули Кўкалтошни ола-ўқ йиқилди. Дарвеш Муҳаммад Сорбон ҳам сувға йиқилди. Мирзоқули тавре борди. Йиқилур маҳалда илигидаги қовун кесадур пичоқни жолаанинг устидаги бўрёға санчиб-ўқ йиқилди, Мирзоқули жолаға келмай, тўн уфроғи била узуб чиқти» *(в. 333б)*.

«Утром мы поехали оттуда и, совершив обход вокруг мазара Ходжа Ханд Са'ид, сели в Чинакургане на плот. У места впадения реки Панджхир плот ударился о выступ горы и начал тонуть. Раух дам, Тенгри Кули и Мир Мухаммед Джалабан, когда плот ударился об гору, упали в воду; Раух дама и Тенгри Кули с трудом втащили обратно. В воде пропали фарфоровая пиала, ложка и бубен.
Когда мы прошли это место и плыли мимо Санги буриде, плот снова обо что-то ударился—не то об корягу, не то об кол, вбитый в дно, чтобы запрудить воду. Шах Хасан, (сын) Шах бека, упал на спину; (падая), он схватился за Мирза Кули Кукельташа, и тот тоже упал. Дервиш Мухаммед Сарбан также свалился в воду. Мирза Кули упал удивительно: падая, он воткнул в коврик, покрывавший пол, нож для разрезания дынь, который держал в руке. Мирза Кули, не возвращаясь на плот, проплыл в своем халате (до берега), потом вышел» *(л. 333б)*.

"Riding on next day, we made the circuit of Khwaja Khawand Sa'id's tomb, went to China-fort and there got on a raft. Just where the Panjhir-water comes in, the raft struck the naze of a hill and began to sink. Rauh-dam, Tingri-quli and Mir Muhammad the raftsman were thrown into the water by the shock; Rauh-dam and Tingri-quli were got on the raft again; a China cup and a spoon and a tambour went into the water. Lower down, the raft struck again opposite the Sang-i-barida (the cut-stone), either on a branch in mid-stream or on a stake stuck in as a stop-water (qaqghan qazuq). Right over on his back went Shah Beg's Shah Hasan, clutching at Mirza Quli Kukuldash and making him fall too. Darwish-i-muhammad Sarban was also thrown into the water. Mirza Quli went over in his own fashion! Just when he fell, he was cutting a melon which he had in his hand; as he went over, he stuck his knife into the mat of the raft. He swam in his tun aufraghi and got out of the water without coming on the raft again" *(f. 333b)*.

50

«Одина куни Хожа Мирмиро кентининг яқиниға туштук. Намоз шомда мажлис бўлди.
Шанба куни Алишанг била Алангорнинг оралиғидаги тоғни овладук. Бир тарафдин Алангорлик, яна бир тарафдин Алишанглик чарға қилиб, тоғдин кийикни индурдилар. Хили кийик ўлди» *(в. 347б)*.

«В пятницу мы остановились близ деревни Ходжи Мир Мирана. В час вечерней молитвы состоялась пирушка.
В субботу мы охотились на горе между Алишенгом и Аланга-ром. Люди из Алишенга, с одной стороны, и жители Аланга-ра—с другой, устроили облаву и загоняли в круг оленей с горы. Мы поймали много оленей» *(л. 347б)*.

"(Jan. 20th). On Friday (28th) we dismounted near Khwaja Mir-i-miran's village. A party was held there at the Evening Prayer.
(Jan. 21st) On Saturday (29th) we hunted the hill between' Ali-shang and Alangar. One hunting-circle having been made on the 'Ali-shang side, another on the Alangar, the deer were driven down off the hill and many were killed" *(f. 347b)*.

51

«Келиб Бигромнинг ёвуғиға тушулди.
Тонгласи ул юртта таваққуф қилиб, карк овиға отландук. Черик Бигром олидағи Сиёҳобдин ўтуб, сув қуйи боқа чарга солдук. Муддате борилғондин сўнг кейиндин киши келдиким, Бигромнинг ёвуғида-ўқ озроқча жангалға карк кирди, теграсини олиб турубтурлар, ўшандин жилаврез тебраб еттук. Жангалға чарга солиб, ғавғо қилғон била карк чиқиб, тузга қоча берди. Ҳумоюн ва ул юздин келганлар ҳеч ким каркни кўрган эмас

эрди, бори хотирхоҳ тафарруж қилдилар. Бир куруҳга ёвуқ қовлаб, қалин ўқлаб йиқтилар. Бу карк ҳеч кишига ва отға яхши ҳамла қилмади» *(в. 351б)*.

«Поблизости от Биграма мы остановились. На другое утро мы (решили) задержаться в этом месте и поехали поохотиться на носорогов. Перейдя (реку) Сияхаб, протекающую перед Биграмом, мы построились в круг и двинулись по течению. Когда мы прошли некоторое расстояние, нас догнал какой-то человек и сказал: «В небольшой лесок, неподалеку от Биграма, зашел носорог. Воины окружили этот лесок и стоят там». Мы во весь опор помчались к лесу. Когда люди, окружавшие лесок, подняли шум, носорог выскочил и побежал в степь. Хумаюн и люди, которые пришли с той стороны, никогда не видели носорога; теперь все вдоволь нагляделись на него. Носорога гнали около куруха и выпустили в него много стрел; (в конце концов), его свалили. Этот носорог ни разу не бросился как следует на человека или на лошадь» *(л. 351б)*.

"We dismounted near Bigram (Peshawar); and next morning the camp remaining on that same ground rode to Kard-awi. We crossed the Siyah-ab in front of Bigram, and formed our hunting-circle looking down-stream. After a little, a person brought word that there was a rhino in a bit of jungle near Bigram, and that people had been stationed near-about it. We betook ourselves, loose rein, to the place, formed a ring round the jungle, made a noise, and brought the rhino out, when it took its way across the plain. Humayun and those come with him from that side (Tramontana), who had never seen one before, were much entertained. It was pursued for two miles; many arrows were shot at it; it was brought down without having made a good set at man or horse" *(f. 351b)*.

52

«Дойим хотирға кечар эдиким, фил била каркни рўбарў қилса, нечук муомала қилғайлар. Бу навбат филбонлар филларни келтурадур экандурларким, бир карк рўбарў-ўқ чиқар, филбонлар илгаррак юруган била карк рўбарў келмас, ўзга сари қочар» *(в. 352а)*.

«Мне постоянно приходила мысль: «Что, если свести слона с носорогом? Как они будут себя держать?» Теперь, как раз когда погонщики привели слонов, (из чащи) выбежал носорог и стал напротив них. Погонщики погнали слона вперед, но носорог не побежал им навстречу и бросился в другую сторону» *(л. 352а)*.

"I had often wondered how a rhino and an elephant would behave if brought face to face; this time one came out right in front of some elephants the mahauts were bringing along; it did not face them when the mahauts drove them towards it, but got off in another direction" *(f. 352a)*.

53

«Душанба куни сабоҳи ойнинг ўн тўртида Ҳамидхон устиға Ҳумоюн мутаважжиҳ бўлди. Илғоб, Ҳумоюн ўзидин илгаррак юз, юз эллик ўбдон йигитни қоровул айирур. Қоровул кишиси ёвуқ етиб, илик олишиб, бир-икки даст эгаришган маҳалда кейиндин Ҳумоюннинг қораси пайдо бўлғач-ўқ ғаним қочар. Юз, икки юз киши тушуруб, яриминиng бўйнини узуб, яримини етти-секкиз фил била келтурди» *(в. 368а)*.

«Утром в понедельник, четырнадцатого числа, Хумаюн мирза спешно выступил против Хамид хана. Он послал вперед сто или сто пятьдесят добрых йигитов; передовые, приблизившись к врагам, схватились с ними врукопашную. После двух-трех стычек сзади показалось войско Хумаюна. Враги тотчас же бежали; наши сбили с коней сто или двести человек, половине отрубили головы, остальных привели к Хумаюну и с ними семь или восемь слонов» *(л. 368а)*.

"(Feb. 26th). At dawn on Monday the 14th Humayun moved out against Hamid Khan. After advancing for some distance, he sent between 100 and 150 braves scouting ahead, who went close up to the enemy and at once got to grips. But when after a few encounters, the dark mass of Humayun's troops shewed in the rear, the enemy ran right away. Humayun's men unhorsed from 100 to 200, struck the heads off one half and brought the other half in, together with 7 or 8 elephants" *(f. 368a)*.

54

«...тонгласи панжшанба куни Хожа Қутбиддиннинг мазорини тавоф қилиб, Султон Ғиёсиддин филбон ва Султон Алоуддин Хилжийнинг мақбара ва иморатлари ва минорини ва ҳавзи хосни ва Султон Баҳлул ва Султон Искандарнинг мақобири ва боғотини сайр қилиб, ўрдуға тушуб, кемага кириб, арақ ичилди» *(в. 370б)*.

«...Ранним утром в четверг, осмотрев гробницу Ходжа Кутбиддина, мавзолеи и здания, башни и бассейны Султан Гияс-ад-дина, надсмотрщика слонов, и Султан Ала-ад-дина Хилджи и мавзолеи и сады Султан Искандера, спустились в урда. Войдя в лодку, пили арак» *(л. 370б)*.

"...on Thursday in the early morning we surveyed Kwadja Qutbiddin's tomb, mausoleums and buildings, towers and swimming-baths of Sultan Ghiyas-ad-din – the elephants' overseer – and of Sultan Alaud-din Hildji, and also mausoleums and gardens of Sultan Iskander. Then we went to urda. We drank araq on a boot" *(f. 370b)*.

55

«Ҳайвонотким, Ҳиндустон махсусидур, вуҳушдин бир филдурким, Ҳиндустоний «ҳотий» дерким, Колпи вилоятининг сарҳадларида бўлур. Андин юққори шарқ сари боқа борғон сари саҳроий фил кўпрак бўлур. Ул орадин фил тутуб келтурурлар. Карра ва Моникпурдин ўттуз-қирқ мавзиъниng иши фил тутмоқдур. Девонға фил-ўқ жавоб берурлар» *(в. 378а)*.

«Один из тамошних диких зверей — слон. Хиндустанцы называют (слона) хати, и живет он на границе области Калпи. Чем выше от ее границ на восток, тем диких слонов больше; в этих местах и ловят слонов. В Карре и Маникпуре есть тридцать или сорок местечек, где занимаются ловлей слонов. Жители отвечают перед диваном за каждого слона» *(л. 378а)*.

"The elephant, which Hindustanis call hat(h)i, is one of the wild animals peculiar to Hindustan. It inhabits the (western?) borders of the Kalpi country, and becomes more numerous in its wild state the further east one goes (in Kalpi?). From this fact it is that captured elephants are brought; in Karrah and Manikpur elephant-catching is the work of 30 or 40 villages. People answer (jawab birurlar) for them direct to the exchequer" *(f. 378a)*.

56

«Яна каркдур; бу ҳам улуғ жониворедур, захомати уч говмишча бўлғай. Ул сўзким, ул вилоятларда машҳурдурким, карк филни шох била кўтарур эмиш, ғолибо ғалаттур. Бир шохи бор, бурнининг устида, узунлиги бир қаришдин кўпрак, икки қариш худ кўрулмайдур. Бир улуқ шохидин бир обхўра кишти бўлди, яна бир нарднинг тоси бўлди, яна уч-тўрт эллик ҳам шояд ортти экин. Териси бисёр қалин бўлур. Қаттиқ ёй била бағалкушо ва хўб тўлдуруб урсалар, яхши кирса, тўрт эллик кирар. Дерларким, пўстининг баъзи ерларидин ўқ хили ўтар эрмиш. Икки қўлининг қошидин ва икки бутининг қошидин тиҳи тушубтур. Йироқдин ёпуғ ёпқондек кўрунур» *(в. 379а)*.

«Еще водится в Хиндустане носорог. Это тоже большое животное величиной с трех буйволов. Распространенные в этих местах рассказы, будто носорог поднимает на роге слона, вероятно, неверны.
У носорога один рог — на носу, длиною больше пяди; рогов в две пяди не видывали. Из одного большого рога вышла чаша для воды в виде ладьи и доска для игры в нарды, и еще, должно быть, осталось три-четыре пальца рога.
Шкура у носорога очень толстая. Если взять тугой лук, натянуть тетиву до подмышки и ловко наложить и пустить стрелу, то хорошо, если она вонзится в шкуру носорога на четыре пальца. Однако говорят, будто стрела легко пробивает шкуру носорога в некоторых местах. Возле передних ног и бедер у носорога есть на коже складки; издали кажется, будто он накрыт попоной» *(л. 379а)*.

"The rhinoceros is another. This also is a large animal, equal in bulk to perhaps three buffaloes. The opinion current in those countries (Tramontana) that it can lift an elephant on its horn, seems mistaken. It has a single horn on its nose, more than nine inches (garish) long; one of two garish is not seen. Out of one large horn were made a drinking-vessel and a dice-box, leaving over (the thickness of) 3 or 4 hands. The rhinoceros hide is very thick; an arrow shot from a stiff bow, drawn with full strength right up to the arm-pit, if it pierce at all, might penetrate 4 inches (ailik, hands). From the sides (qash) of its fore and hind legs, folds hang which from a distance look like housings thrown over it" *(f. 379a)*.

57

«Яна саҳройи говмишдир. Бу говмишдин хили улуғроқдур. Шохи бу говмишнинг шохидек кейинга боқа ётуқ эмастур. Бу маҳкам музир ва дарранда жонивордур. Ҳиндустонда Сару дарёсининг ёқасида ҳам қалин бўлур» *(в. 380а)*.

«Другое хиндустанское животное — дикий буйвол; он гораздо больше нашего буйвола и рога у него не так загнуты назад. Это очень вредное и злое животное. В Хиндустане на берегу реки Сару буйволов очень много» *(л. 380а)*.

"The wild-buffalo is another. It is much larger than the (domestic) buffalo and its horns do not turn back in the same way. It is a mightily destructive and ferocious animal" *(f. 380a).*

58

«Яна нилаговдур, баландлиғи отча бўлғай, отдин бир нима иничкарактур. Эркаги кўктур. Бу жиҳаттин ғолибо нилагов дерлар. Икки кичикрак шохи бор. Бўғизда бир қаришдин узунроқ туки бордур. Баҳрий қўтосқа мушобаҳати бор. Тувоғи ўйнинг тувоғидек айридур. Модасининг ранги бўғумаралнинг рангисидекдур. Шохи ҳам йўқтур. Бўғзидаги туки ҳам йўқтур. Эркагига боқа тупчоқ вазъдур.
Яна кўтаҳпойдур. Улуқлуғи оқ кийикча бўлғай. Мунинг икки қўли ва икки бути қисқароқдур. Бу жиҳаттин кўтаҳпой дерлар. Мунгузи бўғи мунгузидек шохчаликдур, вале кичикрактур. Ҳар йил бўғудек, бу ҳам мунгуз солур. Югурушда забунроқдур. Бу жиҳаттин жангалдин чиқмас» *(в. 380б).*

«Еще водится в Хиндустане нилагау. Ростом он будет с лошадь, но (телом) немного тоньше лошади. Самец нилагау — голубой; вероятно, поэтому он и называется «нилагау». У нилагау два небольших рога, на горле у него клок шерсти длиной больше пяди; этим нилагау похож на горного быка. Копыта у него раздвоенные, как у обыкновенного быка. Самка нилагау того же цвета, как бугу-марал. Рогов у нее нет, клока шерсти на горле тоже нет; по сравнению с самцом самка жирнее.
Другое хиндустанское животное — коротконожка. Величиной он будет с киика; передние и задние ноги у него короткие, почему его и называют коротконожкой, рога ветвистые, как у оленя, но короче. Каждый год он сбрасывает рога, как олень. Бегает коротконожка плохо и поэтому не выходит из чащи» *(л. 380б).*

"The nila-gau (blue-bull) is another. It may stand as high as a horse but is somewhat lighter in build. The male is bluishgray, hence, seemingly, people call it nila-gau. It has two rather small horns. On its throat is a tuft of hair, nine inches long; (in this) it resembles the yak. Its hoof is cleft (airi) like the hoof of cattle. The doe is of colour of the bughu-maral; she, for her part, has no horns and is plumper that the male.
The Hog-deer (kotah-paicha) is another. It may be of the size of the white deer (aq kiyik). It has short legs, hence its name, little-legged. Its horns are like a bughu's but smaller; like the bughu it casts them every year. Being rather a poor runner, it does not leave the jungle" *(f. 380b).*

59

«Яна бир жайраннинг эркаги ҳуна йўсунлуқ кийикдур. Орқаси қора, туки оқ, ҳунанинг шохидин мунинг шохи узунроқтур ва паришонроқтур. Ҳиндустоний «галаҳра» дер. Аслда «голоҳран» экандур, яъни қора кийик, тахфиф қилиб, «галаҳра» дебтурлар. Модаси оқдур. Ушбу галаҳра била кийик тутарлар: бу галаҳранинг шохиға тузоқнинг ҳалқасини беркитурлар. Оёғиға тўпуқдин улуқроқ тошни овизон боғларлар, яъни кийик элтғондин сўнг йироқ кетарига мониъ бўлғай. Андин сўнг ёзи галаҳраси кўруб, муқоболасида қўя берурлар. Бу кийик урушқа ғариб ҳарисдур, филҳол урушқа кирур, шох урушуб, сусуб-сусуб илгари-кейин борурда-келурда ул кийикнинг шохи бу кийикнинг шохига беркитган тузоққа кирар. Ул қочмоққа майл қилса, ром кийик қочмас, ғолибо оёгига боғлағон тош мониъ бўлур. Бу навъ била қалин кийик тутарлар. Тутқондин сўнг ром қилурлар. Яна кийикларни тутмоққа ром қилурлар. Яна бу ром кийикларни ҳам уйда урушға солурлар. Яхши урушур.
Яна Ҳиндустоннинг тоғ доманаларида кичикрак кийик бўлур. Арқар ғалчанинг бир йиллиқ тўқлисича улуғлуғи бўлғай.
Яна биргина ўйдур, кичиккина ўйдур. Ул ерларнинг улуқ қўчқорича бўлғай. Гўшти бисёр юмшоқ ва лазиздур» *(в. 382а).*

«Есть еще в Хиндустане и киик, похожий на хуна—самца джейрана. Спина у него черная, брюхо белое, рога длиннее, чем у хуна, более ветвистые. Хиндустанцы называют его калахра, первоначально говорили: калархан, то есть «черный олень», потом это слово сократили и стали говорить калахра. Самка этого оленя белая.
При помощи калахра ловят оленей. К рогам калахра прикрепляют камень размером больше лодыжки, чтобы, когда олень поймается, калахра не мог далеко уйти. Увидав дикого оленя, калахра ставят перед ним. Дикий олень очень драчлив; он тотчас же выходит на бой, и олени начинают драться и бодаться. Когда они ходят взад и вперед, то рога дикого оленя застревают в сети, прикрепленной к рогам ручного оленя. Дикий олень старается убежать, но ручной олень не убегает, — вероятно, ему мешает камень, привязанный к ногам.
Таким образом ловят много оленей и, поймав, приручают, чтобы ловить других оленей. Ручных оленей сводят во дворах для боев; они хорошо дерутся.

На склонах хиндустанских гор водятся также олени поменьше, величиной с годовалого ягненка горного барана.
Еще есть в Хиндустане бык гини. Это маленький бык величиной с нашего большого барана. Мясо у него очень нежное и вкусное» *(л. 382а).*

"Another is a deer (kiyik) after the fashion of the male deer (airkaki-huna) of the jiran. Its back is black, its belly white, its horns longer than the huna's, but more crooked. A Hindustani calls it kalahara, a word which may have been originally kala-haran, black-buck, and which has been softened in pronunciation to kalahara. The doe is light-coloured. By means of this kalahara people catch deer; they fasten a noose (halqa) on its horns, hang a stone as large as a ball on one of its feet, so as to keep it from getting far away after it has brought about the capture of a deer, and set it opposite wild deer when these are seen. As these (kalahara) deer are singularly combative, advance to fight is made at once. The two deer strike with their horns and push one another backwards and forwards, during which the wild one's horns become entangled in the net that is fast to the tame one's. If the wild one would run away, the tame one does not go; it is impeded also by the stone on its foot. People take many deer in this way; after capture they tame them and use them in their turn to take others; they also set them to fight at home; the deer fight very well.
There is a smaller deer (kiyik) on the Hindustan hill-skirts, as large may-be as the one year's lamb of the arqarghalcha (Ovis poli).
The gini-cow is another, a very small one, perhaps as large as the quchqar (ram) of those countries (Tramontana). Its flesh is very tender and savoury" *(f. 382a).*

60

«Яна бир сичқондурким, килоҳирий дерлар. Бу ҳамиша дарахтларда-ўқ бўлур. Дарахтларнинг устида юқори-қуйи ажаб чуст ва чапсон югурур.
Туюрдин: бир товусдур. Пурранг ва пурзеб жониворедур. Андоми ранг ва зебича эмас» *(в. 383б).*

«Водится в Хиндустане род мыши, которую называют галахири. Она постоянно живет на деревьях и удивительно быстро и проворно бегает по деревьям вверх и вниз.
Из птиц в Хиндустане водится павлин. Это очень красиво раскрашенная, прекрасная птица. Сложена она не так красиво, как раскрашена» *(л. 383б).*

"A mouse (T. sichqan) people call galahri (squirrel) is another. It is just always in trees, running up and down with amazing alertness and speed.
The peacock (Ar. taus) is one of the birds of Hindustan. It is a beautifully coloured and splendid animal. Its form (andam) is not equal to its colouring and beauty" *(f. 383b).*

61

«Яна тўтидур. Бу ҳам Бажур ва андин қуйиғи вилоятларда бўлур. Ёзлар тут пишиғида Нингнаҳор ва Ламғонотқа келур. Ўзга вақтларда бўлмас. Тўти турлук-турлук бўладур. Бир навъи улдурким, ул вилоятларға элтарлар, суҳангўй қилурлар.
Яна бир навъи бу тўтидин кичикрак бўлур. Муни ҳам суҳангўй қилурлар. Бу жинсни жангалий дерлар. Бу жинс Бажур ва Савод ва ул навоҳида бисёр бўлур. Ул мартабадаким, беш минг-олти минг бир хил учар. Бу тўти била ул тўти орасида жуссада тафовуттур. Ранглари худ бирдек-ўқдур» *(в. 384б).*

«Еще водится в Хиндустане попугай. Он тоже встречается в Баджауре и нижележащих местах. Весной, когда поспевает тут, попугаи прилетают в Нингнахар и Ламганат; в другое время их там нет. Попугаи бывают разные. Один вид — это те попугаи, которых привозят в наши страны; попугаи другого вида — меньше, их тоже учат говорить. Таких попугаев называют лесными. Их много водится в Баджауре, Саваде и прилежащих местах, где они летают стаями по пять-шесть тысяч птиц. Между этими попугаями и первыми есть разница в величине, окраска же их совершенно одинаковая» *(л. 384б).*

"The parrot (H. tuti) is another. This also is in Bajaur and countries lower down. It comes into Ningnahar and the Lamghanat in the heats when mulberries ripen; it is not there at other times. It is of many, many kinds. One sort is that which people carry into those (Tramontane) countries. They make it speak words.—Another sort is smaller; this also they make speak words. They call it the jungle-parrot. It is numerous in Bajaur, Sawad and that neighbourhood, so much so that 5 or 6000 fly in one flock (khail). Between it and the one first-named the difference is in bulk; in colouring they are just one and the same" *(f. 384b).*

62

«Яна бир шоракдур. Бу Ламғонотта бисёрдур. Андин қуйи тамом Ҳиндустонда кўп бўлур. Бу ҳам турлук-турлук бўла-

дур. Бир навъи будурким, Ламғонотта кўптур. Боши қора, қанотлари ола, жуссаси чуғурчуқдин бир нима улуқ ва қабороқтур. Сўз ўргатурлар» *(в. 385б)*.

«Еще водится в Хиндустане шарак. Шараков очень много в Ламганате; ниже, во всем Хиндустане, их тоже множество. Шараки также бывают разных видов. Один вид в изобилии встречается в Ламганате. У шараков этого вида голова черная, крылья — пестрые, туловище немного больше и у́же, чем у скворца. Шараков можно научить говорить» *(л. 385б)*.

"The (P.) sharak is another. It is numerous in the Lamghanat and abounds lower down, all over Hindustan. Like the parrot, it is of many kinds. – The kind that is numerous in the Lamghanat has a black head; its primaries (qanat) are spotted, its body rather larger and thicker than that of the (T.) chughurchuq. People teach it to speak words" *(f. 385b)*.

63

«Бир навини мино дерлар. Банголадин келтурурлар. Якранг қорадур, жуссаси бу шоракдин хили улуқдур, тумшуғи ва оёғи сариқдур, икки қулоғида сариқ пўстлари бор, солиниб турадур. Мунинг баднамолиғи бор. Сухангўй қилурлар, яхши айтур ва фасиҳ айтур» *(в. 386а)*.

«Другая разновидность — пиндавали; их привозят из Бенгалии. Они черные, одноцветные, туловище у них немного больше, чем у горного шарака. Клюв и ноги у пиндавали желтые; на ушах — два желтых висячих лоскута кожи; это очень красиво. Пиндавали могут говорить хорошо и чисто» *(л. 386а)*.

"Another kind they call pindawali; they bring it from Bengal; it is black all over and of much greater bulk than the sharak (here, house-mina). Its bill and foot are yellow and on each ear are yellow wattles which hang down and have a bad appearance. It learns to speak well and clearly" *(f. 386a)*.

64

«Яна бир дуррож жинси бир қушдур, «канжал» дерлар. Жуссаси дуррожча-ўқ бўлғай, уни какликнинг унига хили ўхшар вале мунинг уни кўп тездур. Нари била модасининг ранги орасида тафовут камдур. Паршовар ва Хашанғар вилоятида ва андин қуйиғи вилоятларда бўлур, андин юқори бўлмас.
Яна пули пайкордур, улуқлуғи кабки дарийча бўлғай, уй товуғи андомлиқдур, ранги ҳам мокиён рангликдур, томоғидин қуйи кўксигача хушранг қип-қизилдур. Пули пайкор Ҳиндустон тоғларида бўлур» *(в. 387б)*.

«Есть еще другая порода таких птиц, называемая канджал. Величиной канджал с турача, голос у него очень похож на голос куропатки, но крик много пронзительнее. В окраске самца и самки различие небольшое. Канджал водится в областях Паршавара и Хашнагара и ниже; выше его нет.
Еще одна хиндустанская птица — пулпайкар; величиной она будет с горную куропатку. Сложение у нее такое, как у домашней курицы, цветом она тоже похожа на курицу. Ниже горла и до груди пулпайкар красивого ярко-красного цвета; эта птица живет в горах Хиндустана» *(л. 387б)*.

"Another kind is called kanjal. Its bulk may be that of the one already described. There is little difference in colour between the cock and hen. It is found in Parashawar, Hashnagar and countries lower down, but not higher up.
The p(h)ul-paikar' is another. Its size may be that of the kabg-i-dari; its shape is that of the house-cock, its colour that of the hen. From forehead (tumagh) to throat it is of a beautiful colour, quite red. It is in the Hindustan mountains" *(f. 387b)*.

65

«Яна бир харчалдур, улуғлиғи туғдоқча бўлғай. Ғолибо, Ҳиндустон туғдоғидур. Гўшти бисёр лаззатлиқдур. Баъзи қушнинг бўрт эти яхши бўлур, баъзисининг кўкси эти яхши бўлур: харчалнинг бори эти лаззатлиқ ва хўбдур.
Яна чарздур. Туғдоридин жуссаси бир нима кичикракдур. Нарининг орқаси туғдоридектур, кўкси қорадур. Модаси якрангдур. Чарзнинг гўшти ҳам бисёр лазиздур. Нечукким, харчалнинг туғдоққа мушобаҳати бор, чарзнинг ҳам туғдориға мушобаҳати бор» *(в. 389а)*.

«Другая хиндустанская птица — харчал. По величине она такая, как дрофа; вероятно, это хиндустанская дрофа. Мясо харчала очень вкусное, у некоторых птиц мясо особенно хорошее на ногах, у других — на груди, а у харчала мясо вкусное везде. Водится в Хиндустане также и чарз, он немного тоньше стрепета. У самца спинка, как у стрепета, грудь — черная; самки — сплошь одноцветные. Мясо тоже очень вкусное. Как харчал похож на дрофу, так у чарза есть сходство со стрепетом» *(л. 389а)*.

"The Indian bustard (P. kharchal) is another. It is about as large as the (T.) tughdaq (Otis tarda, the great bustard), and seems to be the tughdaq of Hindustan. Its flesh is delicious; of some birds the leg is good, of others, the wing; of the bustard all the meat is delicious and excellent.
The florican (P. charz) is another. It is rather less than the tughdiri (houbara); the cock's back is like the tughdiri's, and its breast is black. The hen is of one colour" *(f. 389a)*.

66

«Яна бири сорасдур. Ҳиндустонда бўлғон турклар тева-турна дейдурлар. Бу бир нима дингдин кечикрак бўлғай, бўйи дингдин баландроқдур, боши қип-қизилдур. Муни уйда сахлайдурлар, яхши ром бўладур» *(в. 390а)*.

«Другая такая птица — сарас. Хиндустанские тюрки называют ее тева-турна. Эта птица немного меньше динга, шея у нее длиннее, голова — красная. Сараса держат во дворах, он легко приручается» *(л. 390а)*.

"The saras (Grus antigone) is another. Turks in Hindustan call it tiwa-turna (camel-crane). It may be smaller than the ding but its neck is rather longer. Its head is quite red. People keep this bird at their houses; it becomes very tame" *(f. 390a)*.

67

«Яна маникдур. Бўйи сорасқа ёвушур. Жуссаси кичикрактур. Лаклакдин хили улуқдур, лаклакка мушобаҳати бор, тумшуғи лаклакнинг тумшуғидин узунроқдур. Тумшуғи қорадур, боши савсани, бўйни оқ, қаноти оладур, жарка қанотларининг учлари ва тублари оқдур, ўртаси қорадур.
Яна бир лаклакдур. Бўйни оқдур, боши ва жами аъзоси қорадур. Ул вилоятларға борур лаклакдин кичикракдур» *(в. 390б)*.

«Еще одна — маник, ростом она почти такая же, как сарас, но тело у нее тоньше. Маник гораздо больше аиста, но похож на него. Клюв у маника длиннее, чем у аиста, и притом черный, голова лиловая, шея белая, крылья пестрые. Кончики и корни перьев на крыльях белые, середина — черная.
Водится в Хиндустане также птица аист. Шея у него белая, голова и все прочие части тела черные. Он залетает в наши земли; по величине он меньше нашего аиста» *(л. 390б)*.

"The manek is another. In stature it approaches the saras, but its bulk is less. It resembles the lag-lag (Ciconia alba, the white stork) but is much larger; its bill is larger and is black. Its head is iridescent, its neck white, its wings partly-coloured; the tips and border-feathers and under parts of the wings are white, their middle black.
Another stork (lag-lag) has a white neck and all other parts black. It goes to those countries (Tramontana). It is rather smaller than the lag-lag (Ciconia alba)" *(f. 390b)*.

68

«Яна бир лаклакдур — ранғи ва вазъи тамом ул вилоятларға борур лаклаклардектур. Ғояташ, тумшуғи қорароқтур. Ул лаклакдин хили кичикдур.
Яна бир қушдур, уқор била лаклакка мушобаҳати бор. Уқордин тумшуғи улуғроқ ва узунроқдур, жуссаси лаклакдин кичикрактур» *(в. 391а)*.

«Есть там еще и другой аист, по цвету и сложению совсем такой же, как тот, который залетает в наши земли, но только клюв у него гораздо чернее и весь он гораздо меньше.
Другая хиндустанская птица похожа на цаплю и аиста. Клюв у нее больше и длиннее, чем у цапли, а телом она меньше тела аиста» *(л. 391а)*.

"Another stork in colour and shape is exactly like the storks that go to those countries. Its bill is blacker and its bulk much less than the lag-lag's (Ciconia alba).
Another bird resembles the grey heron (auqar) and the lag-lag; but its bill is longer than the heron's and its body smaller than the white stork's (lag-lag) *(f. 391a)*.

69

«Яна бир улуғ бўзакдур. Улуғлуғи сорча бўлғай. Икки қанотининг орқаси оқдур. Баланд уни бордур.
Яна бир, боши ва тумшуғи қора оқ бўзакдур. Ул вилоятқа борур бўзакдин хили улуқдур. Ҳиндустон бўзакидин кичикрактур.
Яна бир ўрдактур, ғармпой дерлар, сўна бурчиндин улуғроқдур, нари ва модаси бир рангдур. Ҳашанғарда дойим бўлур, гоҳи Ламғонотқа ҳам борур. Гўшти хили лазиздур» *(в. 391б)*.

«Еще одна хиндустанская птица — большой бузак. Величиной она будет с коршуна, оба крыла у нее сверху белые, голос — громкий.

Другая птица — белый бузак с черной головой и клювом. Она гораздо больше того бузака, что залетает в наши страны, но меньше хиндустанского бузака.
Есть еще в Хиндустане утка, которую называют гармпай. Эта утка больше обыкновенной, самец и самка одинакового цвета. Гармпай постоянно встречается в Хашнагаре; иногда она залетает в Ламганат. Мясо у нее очень вкусное» *(л. 391б)*.

"Another is the large buzak (black ibis). In bulk it may equal the buzzard (Turki, sar). The back of its wings is white. It has a loud cry.
The white buzak is another. Its head and bill are black. It is much larger than the one that goes to those countries, but smaller than the Hindustan buzak.
The gharm-pai (spotted-billed duck) is another. It is larger than the suna burchin (mallard). The drake and duck are of one colour. It is in Hashnagar at all seasons, sometimes it goes into the Lamghanat. Its flesh is very savoury" *(f. 391b)*.

70

«Яна бир Ҳиндустон аккасидур, мато дерлар. Аккадин жузвий кичикрак бўлғай. Акка оқ-оладур, мато малла оладур.
Яна бир қушқинадур, улуқлуғи сондуғочча бўлғай, хушранг қизилдур, қанотларида озроқча қоралари бордур.
Яна бир карчадур, қорлуғоч йўсунлуқдур, қорлуғочдин хили улуқдур, якранг қоп-қорадур» *(в. 393а)*.

«Еще водится там хиндустанская сорока; по тамошнему мата; она немного меньше нашей сороки. Наша сорока — черно-белая, а мата — черно-желтая.
Есть в Хиндустане еще одна птичка величиной с трясогузку, красивого красного цвета; крылья у нее чуть-чуть черные.
Другая птичка — карача, похожа на ласточку, но много крупнее ласточки и сплошь черная» *(л. 393а)*.

"The magpie (Ar. 'aqqa) is another. People call it (H?) mata (Dendrocitta rufa, the Indian tree-pie). It may be somewhat less than the 'aqqa (Pica rustica), which moreover is pied black and white, while the mata is pied brown and black.
Another is a small bird, perhaps of the size of the (T.) sandulach. It is of a beautiful red with a little black on its wings" *(f. 393a)*.

71

«Яна бир қуйилдур, узунлуғи зоғча бўлғай, зоғчадин хили иничкаракдур. Тавре ўқур. Ҳиндустон булбули бу эмиш. Ҳиндустон эли қошида булбулча ҳурмати бордур. Қалин дарахтлиқ боғларда бўладур.
Яна бир қушдур шақроқ йўсунлуқдур. Йиғочларға ёпушуб юрур, улуғлуғи шақроқча бўлғай. Тўтидек сабз ранглиқдур.
Сув ҳайвоноти: бир шери обийдур, қора сувларда бўладур, калога мушобаҳати бор. Дерларким, кишини ва балки говмишни олур эмиш» *(в. 393б)*.

«Птица куил будет величиной с ворону, но гораздо тоньше вороны. Куил прекрасно поет, это хиндустанский соловей; жители Хиндустана также почитают ее, как мы соловья. Она водится в садах с густыми деревьями.
Есть еще в Хиндустане другая птица, вроде дятла; она цепляется за деревья. Величиной она будет с дятла, цветом — зеленая, как попугай.
Из водяных животных Хиндустана одно — водяной лев. Он живет в стоячих водах и похож на ящера. Говорят, что он хватает людей и даже буйволов» *(л. 393б)*.

"The kuil (Eudynamys orientalis, the koel) is another. It may be as large as the crow (P. zag) but is much slenderer. It has a kind of song and is understood to be the bulbul of Hindustan. Its honour with Hindustanis is as great as is the bulbul's. It always stays in closely-wooded gardens.
Another bird is after the fashion of the (Ar.) shiqarrak (Cissa chinensis, the green-magpie). It clings to trees, is perhaps as large as the green-magpie, and is parrot-green (Gecinus striolatus, the little green-woodpecker?)
(k. Fauna of Hindustan: – Aquatic animals)
One is the water-tiger (P. shir-abi, Crocodilus palustris). This is in the standing-waters. It is like a lizard (T. gilas). People say it carries off men and even buffaloes" *(f. 393b)*.

72

«Яна сепсордур, бу ҳам калс вазълиқдур. Тамом Ҳиндустон дарёларида бордур. Тутуб келтуруб эдилар, узунлуғи тўрт-беш қари ёвушар эди. Йўғонлиғи қўйча бўлғай. Мундин улуғроқ ҳам бўлур эмиш, ярим қаридин узунроқ тумшуғи бор, юқориғи тумшуғи ва қўйиғи тумшуғида иничка-иничка қатор кичик тишлари бор. Сув ёқаларида чиқиб ётадур.
Яна ҳуки обийдур, бу ҳам тамом Ҳиндустон дарёларида бўлур. Сувдин баякбор чиқар, боши кўрунур-кўрунмас яна сувға чўмар, қўйруғи кўрунуб қолур, мунинг тумшуғи ҳам сесор тумшуғидек узундур ва ушоқ қатор тишлари бордур» *(в. 394а)*.

«Другое животное — сийсар; по сложению он тоже подобен ящеру. Сийсар водится во всех реках Хиндустана; одного сийсара поймали и принесли мне. Длина его — около четырех-пяти кари; толщиной он с барана, но бывают сийсары и еще больше, Морда у сийсара—в полкари с лишком; в верхней челюсти и в нижней челюсти — по ряду тонких, мелких зубов. Сийсар выходит на берег реки и лежит там.
Еще одно хиндустанское животное — водяная свинья. Она тоже водится во всех реках Хиндустана. Водяная свинья разом высовывается из воды, голова ее то показывается, то скрывается и, наконец, погружается в воду, а хвост виднеется из воды» *(л. 394а)*.

"The (P). siysar is another. This also is like a lizard. It is in all rivers of Hindustan. One that was taken and brought in was about 4–5 qari (cir. 13 feet) long and as thick perhaps as a sheep. It is said to grow still larger. Its snout is over half a yard long. It has rows of small teeth in its upper and lower jaws. It comes out of the water and sinks into the mud (bata).
The water-hog (P. khuk-abi, Platanista gangetica, the porpoise) is another. This also is in all Hindustan rivers. It comes up suddenly out of the water; its head appears and disappears; it dives again and stays below, shewing its tail" *(f. 394a)*.

73

«Яна карёлдур, бу улуқ бўлур эмиш. Сару дарёсида черик элидин хили киши кўрдилар. Бу кишини олур эмиш. Сару ёқасида эканда бир-икки додакни олибтур. Ғозипур била Банорас орасида ўрду элидин уч-тўрт кишини олди. Ушбу навоҳида мен ҳам карёлни йироқтин кўрдум, ўбдон мушаххас кўрулмади» *(в. 394б)*.

«Еще одно водяное животное — гариал. Это крупное животное. Многие мои воины видели его в реке Сару. Гариал хватает людей; когда мы были на реке Сару, он схватил одну или двух рабынь. Между Газипуром и Банарасом гариал утащил трех или четырех человек из лагеря, я тоже издали видел в тех местах гариала, но он не был виден отчетливо» *(л. 394б)*.

"The (Sans.) g(h) arial (Gavialus gangeticus) is another. It is said to grow large; many in the army saw it in the Saru (gogra) river. It is said to take people; while we were on that river's banks (934–935 A. H.), it took one or two slave-women (daduk), and it took three or four camp-followers between Ghazipur and Banaras. In that neighbourhood I saw one but from a distance only and not quite clearly" *(f. 394b)*.

74

«Яна какка балиқдур. Икки қулоғининг тўғриси икки сўнгак чиқибтур, узунлиғи уч эллик бўлғай, ётқонда бу икки сўнгакни тебратадур. Ғариб тавр ун келадур. Ғолибо ул уни жиҳатидин какка дебтурлар» *(в. 395а)*.

«Рыба какка — другой хиндустанский водяной зверь. Против жабер у него торчат две кости, пальца в три длиной. Когда его поймают, он шевелит этими костями и слышится странный звук; вероятно, поэтому его и назвали какка» *(л. 395а)*.

"Again there is the kalah (or galah) – fish (baligh). Two bones each about 3 inches (ailik) long, come out in a line with its ears; these it shakes when taken, producing an extraordinary noise, whence, seemingly, people have called it kalah (or galah)" *(f. 395a)*.

75

«Яна Ҳиндустон бақалари, агарчи ўшал бақалардектур, вале бу бақалар сувнинг юзида етти-секкиз қари югурадурлар» *(в. 395б)*.

«Хотя хиндустанские лягушки такие же, как наши лягушки, но они могут пробежать по воде семь или восемь кари» *(л. 395б)*.

"The frogs of Hindustan, though otherwise like those others (Tramontana), run 6 or 7 yards on the face of the water" *(f. 395b)*.

76

«Яна кирнидур. Мунинг дарахти агарчи кўп болида бўлмас, кичик ҳам бўлмас. Меваси сариғ рангликдур, жигдадин иничкаректур. Мазаси филжумла узумга ўхшар, охирида озроқча бадтаъмлиғи бор, ёмон эмас, еса бўлур. Донасининг териси юпқадур» *(в. 398а)*.

«Еще одно хиндустанское дерево — кирни. Дерево это, хотя и не очень высокое, но и не маленькое, плоды у него желтого цвета, меньше грудной ягоды, вкусом они, в общем, похожи на

виноград. После кирни во рту остается легкий неприятный привкус, но это не дурной плод, и его едят; кожица на косточке мягкая» *(л. 398а)*.

"The mimusops (Sans, khirni, Mimusops kauki) is another. Its tree, though not very large, is not small. The fruit is yellow and thinner than the red jujube (T. chikda, Eloegnus angustifolia). It has just the grape's flavour, but a rather bad aftertaste; it is not bad, however, and is eatable. The husk of its stone is thin" *(f. 398a)*.

77

«Яна жомандур, барги тол баргига филжумла ўхшар, гирдроқ ва яшилроқтур, дарахти холи аз хуш намолиқ эмас. Меваси қора узумга ўхшар, туршроқ мазаси бор, хили яхши эмастур.
Яна камракдур. Панж паҳлудур. Улуғлуги ғайнолуча бўлғай, узунлуги тўрт эллик бўлғай, сариқ пишадур, мунинг ҳам донаси йўқтур. Хомроқ узгани кўп аччиқтур. Яхши пишғонининг туршлиғи муйхушдур, ёмон эмас, холи аз латофат эмас» *(в. 398б)*.

«Другое дерево — джаман. Листья его в общем похожи на листья тала, но они круглей и зеленее. Дерево джаман не лишено красоты; плоды его похожи на черный виноград, вкус у них кисловатый, они не очень хороши.
Другое дерево — камрак; (плод его) пятигранный, величиной он будет со сливу, длиной — пальца на четыре. Зрелые плоды — желтые, косточек у них нет. Сорванный незрелым камрак очень кислый, но когда доспеет, становится кисло-сладким. В общем, вкус у него неплохой, не лишенный приятности» *(л. 398б)*.

"The (Sans) jaman (Eugenia jambolana) is another. Its leaf, except for being thicker and greener, is quite like the willow's (T. tal). The tree does not want for beauty. Its fruit is like a black grape, is sourish, and not very good.
The (H.) kamrak (Beng. kamrunga, Averrhoa carambola) is another. Its fruit is five-sided, about as large as the 'ain-alu and some 3 inches long. It ripens to yellow; gathered unripe, it is very bitter; gathered ripe, its bitterness has become subacid, not bad, not wanting in pleasantness" *(f. 398b)*.

78

«Яна бадҳалдур, улуғлуги олмача бўлғай эди. Ёмон эмас, хомлиғида ғариб турш ва бемазадур, пишиғи ёмон эмас, юмшоқ пишар ва ҳар еридин илик била узуб еса бўладур. Мазаси биҳининг ганда бўлғониға хили ўхшар, турш-турш яхшиғина мазаси бор.
Яна бийрдур, форсий кунор дерлар эмиш. Бу анвоъ бўладур. Олучадин бир нима улуқроқдур. Бир нави бўладур, ҳусайни узум андомида, аксари хили яхши бўлмайдур. Бондирда бир бийр кўрдук, хили яхши эди» *(в. 399б)*.

«Другой хиндустанский плод — бадхал; величиной он будет с яблоко, запах у него не дурной. В незрелом виде это очень кислая и невкусная вещь, но когда поспеет, он не дурен. Поспевая, бадхал становится мягким, его можно разрывать пальцами и есть. Вкусом он очень похож на переспелую айву: кисловатый и довольно приятный.
Еще один хиндустанский плод — бийр; по-персидски его называют канар. Бийр бывает разных сортов. Один сорт немного крупнее алчи, другой — такого вида, как виноград хусайни. Большей частью этот плод не очень хорош, но в Бандире мы видели бийр, и очень хороший оказался» *(л. 399б)*.

"The monkey-jack (H. badhal, B. burhul, Artocarpus lacoocha) is another. The fruit may be of the size of a quince (var. apple). Its smell is not bad. Unripe it is a singularly tasteless and empty thing; when ripe, it is not so bad. It ripens soft, can be pulled to pieces and eaten anywhere, tasted very much like a rotten quince, and has an excellent little flavour.
The lote-fruit (Sans. ber, Zizyphus jujuba) is another. Its Persian name is understood to be kanar. It is of several kinds: of one the fruit is larger than the plum (alucha); another is shaped like the Husaini grape. Most of them are not very good; we saw one in Bandir (Gualiar) that was really good. The lote-tree sheds its leaves under the Signs Saur and Jauza (Bull and Twins), burgeons under Saratan and Asad (Crab and Lion) which are the true rainy-season,— then becoming fresh and green, and it ripens its fruit under Dalu and Haut (Bucket i. e. Aquarius, and Fish)" *(f. 399b)*.

79

«Яна панёладур, олучадин улуғроқтур, қизил олманинг ғўрасиға шабиҳдур, туршқина мазаси бор, яхшиғинадур. Дарахти анор йиғочидин улуғроқтур, барги бодом баргиға ўхшар» *(в. 400б)*.

«Еще есть в Хиндустане паниала; этот плод больше алчи и похож на незрелое яблоко. Вкус у него кисловатый, довольно приятный. Дерево паниалы выше граната, листья похожи на листья миндаля» *(л. 400б)*.

"The (Sans.) paniyala (Flacourtia cataphracta) is another. It larger than the plum (alucha) and like the red-apple unripe. It is a little austere and is good. The tree is taller than the pomegranate's; its leaf is like that of the almond-tree but smaller" *(f. 400b)*.

80

«Яна чирунчидур, дарахти кўҳий эмиш. Бизнинг боғларда уч-тўрт туп бор экандур, сўнгра билдим. Маҳваға хили шабиҳдур, мағзи ёмон эмас, мағзи янғоқ мағзи била бодом мағзи орасида бир нимадур. Мағзи писта мағзидин кичикрактур. Чиручининг мағзи гирдтур, полудаға ва ҳалволарға солурлар.
Яна хурмодур. Агарчи хурмо Ҳиндустон махсуси эмас. Чун ул вилоятларда йўқ эди, мазкур бўлди. Хурмо дарахти Ламғонда ҳам бордур, шохлари дарахт калласида бир ерда-ўқ бўлур. Барглари шохларининг тубидин учиғача икки тарафида бўлур, танаси ноҳамвор ва бадрангдур. Меваси узумнинг хўшасидек бўлур, узумнинг хўшасидин хили улуғроқ бўлур» *(в. 401а)*.

«Еще одно дерево — чирунчи. Это якобы горное дерево, но, как я узнал позднее, в наших садах есть три-четыре дерева чирунчи. Плод чирунчи очень похож на плод махува. Ядрышки его не дурны, они что-то среднее между ядрышками орешка и миндаля. Они намного меньше ядрышек фисташки. Ядрышки чирунчи круглые. Их кладут в студни и разные сласти.
Есть еще в Хиндустане финики. Хотя финики встречаются не только в Хиндустане, но так как в наших землях их нет, я упомянул о них. Финиковое дерево также есть в Ламгане. Ветви его растут только на макушке, в одном месте; листья покрывают ветви сверху донизу с обеих сторон; ствол неровный, некрасивого цвета. Плоды растут гроздьями, как виноград, но гроздья фиников значительно больше виноградных» *(л. 401а)*.

"The (H.) chirunji (Buchanania latifolia) is another. This tree had been understood to grow in the hills, but I knew later about it, because there were three or four clumps of it in our gardens. It is much like the mahuwa. Its kernel is not bad, a thing between the walnut and the almond, not bad! rather smaller than the pistachio and round; people put it in custards (P. paluda) and sweetmeats (Ar. halwa).
The date-palm (P. khurma, Phoenix dactylifera) is another. This is not peculiar to Hindustan, but is here described because it is not in those countries (Tramontana). It grows in Lamghan also. Its branches (i. e. leaves) grow from just one place at its top; its leaves (i. e. leaflets) grow on both sides of the branches (midribs) from neck (buin) to tip; its trunk is rough and ill-coloured; its fruit is like a bunch of grapes, but much larger" *(f. 401a)*.

81

«Яна норунж ва лиму машҳур мевалардур. Норунж Ламғоннотта, Бажур ва Саводта кўп бўлур ва хўб бўлур. Ламғонот норунжи кичикрак ва киндиклик бўлур, бисёр латиф ва нозук ва сероб бўлур. Хуросон навоҳисининг норунжиға ҳеч нисбати йўқтур. Нозуклугидиндурким, Ламғоноттин Кобулғачакким, ўн уч-ўн тўрт йиғоч бўлғай, келтургунча баъзи норунжлар хароб бўлур. Астробод норунжини Самарқандғаким, икки юз етмиш икки юзексон йиғоч бўлғай, элтарлар. Терисининг қалинлиғидин ва кам облиғидин онча хароб бўлмас» *(в. 403б)*.

«Еще знамениты апельсины и лимоны. Апельсинов особенно много и хорошо выращивают в Ламганате, Баджауре и Саводте. Ламганатские апельсины бывают меньшего размера, нежные и сочные. Климат Хорасана не благоприятен апельсинам.
Эти апельсины, вследствие их нежности, пока их везут из Ламганата в Кабул, то есть за тринадцать-четырнадцать йигачей, частью портятся. Астрабадские апельсины доставляют в Самарканд, то есть за двести семьдесят — двести восемьдесят йигачей, но из-за грубости кожи и малой сочности они не портятся» *(л. 403б)*.

"The orange is so fragile... that many spoil before reaching Kabul from the Lamghanat which may be 13–14 yighach (65–70 miles), while the Astarabad orange, by reason of its thick skin and scant juice, carries with less damage from there to Samarkand, some 270–280 yighach" *(f. 403b)*.

82

«Яна лимудур, бисёр бўладур, улуғлуги юмуртқача бўлғай, юмуртқа андомлиқтур. Илдизини масмум қайнатиб ичса маззаратини дафъ қилур эмиш.
Яна бир норунж мушобиҳи мева турунждур. Бажур ва Савод эли болинг дейдурлар. Бу жиҳаттин турунж пўстининг мураббосини мураббойи болинг дер эмишлар. Ҳиндустонда турунжни бажурий дейдурлар. Турунж икки навъ бўладур: бири чучук ва бемаза ва дил ошур. Чучук, еярга худ ярамас, магар пўсти

мураббоға яраған. Ламғонотнинг турунжи ушмундоқ дил ошур чучуктур. Яна Бажур турунжлари ва Ҳиндустон турунжлари турш бўладур ва хўб туршдурлар. Шарбати бисёр хушмаза ва хуштаъм бўладур, турунжнинг улуғлиғи хисравий қовунча бўлғай. Пўсти қўтур-путур ва ноҳамвордур. Учи иничка ва тумшуқлуқ бўлур. Турунжнинг ранги норунж рангидин сариғроқтур. Дарахти таналиқ дарахт бўлмас, кичикрак бўлур. Ва бута-бута бўлур, барги норунж баргидин улуғроқ бўлур» *(в. 404а)*.

«Другой такой плод — лимон. Его (в Хиндустане) много. Величиной лимон будет с куриное яйцо и такого же вида. Если отравившийся вскипятит лимонный корень и выпьет, это якобы устранит вред от яда.
Еще один плод, похожий на апельсин, — это цитрон. Жители Баджаура и Савада называют его баланг; поэтому варенье из цитроновых корок называют баланговым вареньем. В Хиндустане цитрон называют баджаури.
Цитрон бывает двух родов. Один цитрон сладкий до тошноты, не вкусный и не годен в пищу; кожура его, может быть, годится на варенье. Ламганатский цитрон именно такой, тошнотворно-сладкий. Баджаурские цитроны и хиндустанские цитроны кислые, кислота их приятна; питье из них очень вкусно и приятно. Величиной цитрон будет с дыню хусрави; кожура у него неровная, вся в буграх, конец тонкий, в виде клюва. Цветом цитрон желтее апельсина. Цитронное дерево — не настоящее дерево со стволом, а маленькое; оно растет кустами; листья у него крупнее, чем у апельсинового дерева» *(л. 404а)*.

"The citron (P. turunj, C. medica) is another of the fruits resembling the orange. Bajauris and Sawadis call it balang and hence give the name balang-marabba to its marmalade (marabba) confiture. In Hindustan people call the turunj bajauri. There are two kinds of turunj; one is sweet, flavourless and nauseating, of no use for eating but with peel that may be good for marmalade; it has the same sickening sweetness as the Lamghanat turunj; the other, that of Hindustan and Bajaur, is acid, quite deliciously acid, and makes excellent sherbet, well-flavoured, and wholesome drinking. Its size may be that of the Khusrawi melon; it has a thick skin, wrinkled and uneven, with one end thinner and beaked. It is of a deeper yellow than the orange (naranj). Its tree has no trunk, is rather low, grows in bushes, and has a larger leaf than the orange" *(f. 404a)*.

83

«Яна норунж мушобиҳи мевалардин сангторадур, ранги ва вазъи турунждекдур, ғояташ, мунинг териси сийдамдур, ноҳамвор эмас, жузвий турунждин кичикрактур. Дарахти улуқ бўладур. Ўрук дарахтича бўладур, барги норунж баргига ўхшар, хўб туршлуғи бордур. Шарбати яхши лаззатлиқ ва хуштаъм бўладур. Бу лимудек муқаввийи меъдадур, норунждек музъиф эмас. Яна норунж мушобаҳати мевалардин улуқ лимудурким, Ҳиндустонга гал-гал лиму дейдурлар. Андоми қоз юмуртқасиға ўхшар, вале юмуртқадек икки боши иничкарак эмас. Мунинг пўсти ҳам сангтора пўстидек ҳамвордур, ғариб сероб бўладур.
Яна чанбирийдур, норунж мушобиҳидур. Андоми норунждектур, вале ранги сариқдур, норунжий эмас, иди турунж идига ўхшар, мунинг ҳам яхши туршлуғи бор.
Яна норунж мушобиҳи садофалдур, амурда андомлиқтур, ранги биҳи рангидектур. Чучук бўладур, вале чучук норунжча дил ошур эмас» *(в. 405б)*.

«Еще один плод, похожий на апельсин, это сангтара. По цвету и форме сангтара такой же, как апельсин, только кожура у него гладкая, без бугорков. Размером он несколько меньше апельсина. Дерево сангтара — высокое, с дерево урюка будет, листья похожи на листья апельсина, плод — с приятной кислотой, сок сладкий, тоже приятный на вкус. Сангтара, как и лимон, укрепляет желудок и не послабляет его, как апельсин.
Другой плод, похожий на апельсин, — большой лимон. В Хиндустане его называют гал-гал лиму. По форме он похож на гусиное яйцо, но только оба конца у него тонкие. Кожа у гал-гала, как у сангтара, гладкая. Он очень сочный.
Еще походит на апельсин джанбири. Форма у него такая же, как у апельсина, но цвет — желтый, не оранжевый. Запах джанбири похож на запах апельсина, плод тоже имеет приятную кислоту.
Также похож на апельсин и садафал. Он грушевидной формы, а цветом — как айва. Садафал сладкий, но сладость его не тошнотворная, как у цитрона» *(л. 405б)*.

"The sangatara is another fruit resembling the orange (naranj). It is like the citron (turunj) in colour and form, but has both ends of its skin level; also it is not rough and is somewhat the smaller fruit. Its tree is large as the apricot (auruq), with a leaf like the orange's. It is deliciously acid fruit, making a very pleasant and whole-some sherbet. Like the time it is a powerful stomachic, but not weakening like the orange (naranj).
The large lime which they call (H.) gal-gal in Hindustan is another fruit resembling the orange. It has the shape of a goose's egg, but unlike that egg, does not taper to the ends. Its skin is smooth like the sangtara's; it is remarkable juicy.
The (H.) janbiri lime is another orange-like fruit. It is orange-chaped and, though yellow, not orange-yellow. It smells like the citron (turunj); it too is deliciously acid.
The (Sans) sada-fal (phal) is another orange-like fruit. This is pear-chaped, colours like the quince, ripens sweet, but not to the sickly-swetness of the orange (naranj)" *(f. 405b)*.

84

«Яна норунж мушобиҳи амрадпалдур.
Яна норунж мушобиҳи карнадур. Мунинг улуғлуғи гал-гал лимуча бўлғай. Бу ҳам туршдур.
Яна норунж мушобиҳи амалбеддурким, бу уч йилдин бери эмди назарға келди. Андоқ дедиларким, игнани мунинг ичига солсалар эрир, туршлиғидинму экин ё хосаяттинму экин. Туршлиғи норунж ва лимуча бўлғай *(в. 406а)*.

«Другой плод, похожий на апельсин — амрудпал; походит на апельсин также и карна. Величиной карна будет с гал-гал, он тоже кислый.
Еще один плод, сходный с апельсином, — амалбид, который за три года моего пребывания в Хиндустане попался мне на глаза лишь теперь. Говорят, что если воткнуть в амалбид иголку, она растает; может быть это происходит от кислоты, может быть от каких-либо других свойств амалбида. По кислоте он подобен лимону или апельсину» *(л. 406а)*.

"The amrd-fal (sic. Hai. MS.–Sans amrit-phal) is another orange-like fruit.
The lemon (H. karna, C. limonium) is another fruit resembling the orange (naranj); it may be as large as the gal-gal and is also acid.
The (Sans.) amal-bid is another fruit resembling the orange. After three years (in Hindustan), it was first seen to-day. They say a needle melts away if put inside it, either from its acidity or some other property. It is acid, perhaps, as the citron and lemon (turunj and limu)" *(f. 406a)*.

85

«Яна Ҳиндустонда тавре гуллар бордур: бир жосундур. Баъзи ҳиндустоний қарҳал дейдур, гиеҳ эмас, дарахти соқлиқтур, гулбундин бир нима баландракдур, ранги анор гулидин ҳануз сабзароқтур, улуғлуғи қизил гулча бўлғай, вале қизил гул ғунча бўлғондин сўнг бир-ўқ очилур. Бу жосунким, очилди ўртасидин яна ҳам ушбу баргидин иничка бўлуб, танадек бир эллик узаб, яна ушбу жосун барглари очиладур. Ҳосил дусунба гул бўладур, холи аз ғаройиб эмас. Дарахтининг устида бисёр хушранг ва хушнамо кўрунадур, кўп турмайдур, бир кунда-ўқ пажмурда бўладур. Тўрт ой-пашкол ойларида асру хўб ва кўп очиладур, ғолибо аксар йил очилур. Вале бу кўклук била иди йўқтур» *(в. 406б)*.

«В Хиндустане есть прекрасные цветы. Один вид цветов — джасун; некоторые хиндустанцы называют этот цветок гархал. Джасун не трава, стебель у него высокий, он немного выше розового куста. Цветок джасуна ярче цветка граната, величиной он с красную розу, но только красная роза распускается из бутона одним цветком, а когда распустится джасун, то из середины (чашечки) вытягивается нечто вроде стебелька, потоньше, длиною с палец, и на нем также распускаются лепестки джасуна. В общем, получается двойной цветок, не лишенный своеобразия. На кустах джасун кажется очень красивым по цвету и по форме, но держится он недолго и увядает в один день. В четыре дождливых месяца джасуна распускается очень много, и он особенно красив. Джасун цветет, по-видимому, бóльшую часть года, но при таком множестве цветов не имеет запаха» *(л. 406б)*.

"In Hindustan there is great variety of flowers. One is the (D.) jasun (Hibiscus rosa sinensis), which some Hindustanis call (Hindi) gazhal. It is not a grass (giyah); its tree (is in stems like the bush of the red-rose); it is rather taller than the bush of the red rose. The flower of the jasun is fuller in colour than that of the pomegranate, and may be of the size of the red-rose, but, the red-rose, when its bud has grown, opens simply, whereas when the jasun-bud opens, a stem on which other petals grow, is seen like a heart amongst its petals. Though the two are parts of the one flower, yet the outcome of the lengthening and thinning of that stem-like heart of the first-opened petals gives the semblance of two flowers. It is not a common matter. The beautifully coloured flowers look very well on the tree, but they do not last long; they fade in just one day. The jasun blossoms very well through the four months of the rains; it seems indeed to flower all through the year; with this profusion, however, it gives no perfume" *(f. 406b)*.

«Яна бир канирдур, оқ ҳам бўладур, қизил ҳам бўладур. Шафтолу гули вазълиқ панж барга бўладур. Қизил канирнинг шафтолу гулига шабоҳати бор. Вале канир гули ўн тўрт-ўн беш гул бир ерда очиладур, йироқтин бир улуқ гулдек кўрунадур. Мунинг бутаси гулбундин улуғроқтур. Қизил канирнинг тавреғина иди бор, хуш ояндадур. Бу ҳам пашколда кўп ва хўш очиладур. Бу ҳам аксар йил топилур.
Яна киюрадур, бисёр латиф иди бор. Мушкнинг айби будурким, хушклуғи бордур, муни «мушки тар» деса бўлур. Бисёр латиф иди бордур. Агарчи ўзининг ғариб тавр ҳайъати бордур, гулининг узунлуғи бир ярим қариш-икки қариш бўлғай. Вазъи ғарав баргидек узун барглардур. Мунинг тикони бордур. Ғунчадек тиқилғон ташқариғи барглари сабзроқ тиконликрак, ичкариги барглари юмшоқроқ барглар бўладур. Ичкариги барглариниг ораларида гулнинг ўртасидағидек нималар бўладур, яхши иди андин келадур. Янги чиқиб, ҳануз тана пайдо қилмағони эркак қамишнинг бутасига ўхшар. Мунинг барги яссироқтур ва тиконлик, таналиғи бисёр беандомдур, илдизлари кўрунуб турубтур» *(в. 407б)*.

«Другой хиндустанский цветок — канир. Канир бывает белый, бывает и красный; он такой формы, как цветок персика, и имеет пять листьев. Красный канир (более) похож на цветок персика, но только цветы канира распускаются по четырнадцати или пятнадцати в одном месте, и издали кажется, что это один большой цветок. Куст канира больше розового куста; красный канир довольно хорошо пахнет; это приятный цветок. Канир тоже красиво и обильно цветет во время дождей; его можно найти бóльшую часть года.
Цветет в Хиндустане цветок киюра. У него очень приятный запах. Недостаток мускуса в том, что он сухой, а киюра можно назвать влажным мускусом. Вид у киюра довольно необычный; длина его цветка — полтора-два кариша, листья длинные, такой формы, как листья гарау, и с шипами; внешние лепестки, сжатые, как бутон, у него зеленоватые и колючие, внутренние лепестки — мягкие, белые. Между внутренними лепестками находится нечто вроде сердцевины цветка, от которой исходит приятный запах. Только что вышедший из-под земли куст киюра, у которого еще нет ствола, похож на куст молодого камыша. Листья у него плоские и колючие, ствол очень некрасивый, корни — на виду» *(л. 407б)*.

"The (H.) kanir (Nerium odorum, the oleander) is another. It grows both red and white. Like the peach-flower, it is five petalled. It is like the peach-bloom (in colour), but opens 14 or 15 flowers from one place, so that seen from a distance, they look like one great flower. The oleander-bush is taller than the rose bush. The red oleander has a sort of scent, faint and agreeable. (Like the jasun) it also blooms well and profusely in the rains, and it also is had through most of the year.
The (H.) (kiura) (Pandanus odoratissimus, the screw-pine) is another. It has a very agreable perfume. Musk has the defect of being dry; this may be called moist musk – a very agreeable perfume. The tree's singular appearance notwithstanding, it has flowers perhaps 1 1/2 to 2 qarish (13 1/2 to 18 inches) long. It has long leaves having the character of the reed (P.) gharau and having spines. Of these leaves, while pressed together bud-like, the outer ones are the greener and more spiny; the inner ones are soft and white. In amongst these inner leaves grow things like what belongs to the middle of a flower, and from these things comes the excellent perfume. When the tree first comes up not yet shewing any trunk, it is like the bush (buta) of the male-reed, but with wired and more spiny leaves. What serves it for a trunk is very shapeless, its roots remaining shewn" *(f. 407b)*.

«Одина куни рабиул-аввал ойининг ўн олтисида ғариб воқиа даст берди; нечукким, Кобулға битиган китобатда машруҳ битилиб эди. Ул китобатни-ўқ безиёда ва бенуқсон мунда келтурулди. Ул китобат будур:
Воқиаи узмоким, жумъа куни рабиул-аввал ойининг ўн олтисида тарих тўққуз юз ўттуз учта рўй берди, тафсили будурким, Иброҳимнинг онаси бу бадбахт эшитурким, мен Ҳиндустон элининг илигидин нима едурман. Бу қисса мундоқ эдиким, уч-тўрт бу тарихдин бурунроқ Ҳиндустон ошларини чун кўрмайдур эдим. Дедимким, Иброҳимнинг бовурчиларини келтурдилар. Эллик-олтмишча бовурчидин тўртини сақладим. Бу кайфиятни бу эшитиб, Аҳмад чошнигиргаким, Ҳиндустон эли бакавулини чошнигир дейдурлар, Атоваға киши йибориб келтуруб, бир додак илгига чорсўта қилғон қоғазда бир тўла заҳр берур, тўла икки мисқолдин бир нима кўпрак бўлур, нечукким, бурунроқ мазкур бўлдиким, Аҳмад чошнигирга бергай. Аҳмад бизнинг бовурчихонадағи Ҳиндустоний бовурчиға бериб, тўрт паргана ваъда қилурким, ҳар тавр қилиб, менинг ошимға заҳрни солғай. Ул додакдинким, заҳрни Аҳмад чошнигирга йиборур, яна бир додакни анинг сўнгича йиборурким, кўргай, ул заҳрни берадурму ё йўқму? Яхшиким, қозонға солмай, табаққа солур. Бу жиҳаттин қозонға солмаским, бакавулларга таъкидлар қилиб эдиким, Ҳиндустонийлардин ҳозир бўлғайлар, қозонда ош пишурур маҳалда тоттурурлар эмиш. Ош тортарда бизнинг бедаврлат бакавуллар ғофил бўлурлар. Чийни устига юпқа нонни солур ва нон устига ул қоғаздаги заҳрнинг озроқ ярмини сепар, заҳрнинг устига ёғлиқ қалияни солур. Агар қалия устига сепса эди, ё қозонға солса эди, ёмон эди. Даст-поча бўлуб, заҳрнинг улуғ ярмини ўчоққа ташлар.
Одина куни кеч намоз дигар ош торттилар. Товушқон ошидин хили едим. Бу Ҳиндустоний заҳрлиқ ошининг устидин бир-икки тикка майл қилдим, қалия олиб едим, ҳеч нохуш маза маълум бўлмади. Қоқ гўшттин бир-икки тикка олдим. Кўнглум барҳам урди, ўтган кун қоқ гўштни еганимда бир нохуш маза анда бор эди, кўнглумнинг барҳам урғонин андин хаёл қилдим. Яна бир қўнглум қўзғолиб келди. Дастурхон устида икки-уч марта кўнглум барҳам уруб, қусаёздим. Охир кўрдумким, бўлмас, қўптум. Обхонаға боргунча йўлда бир навбат қусаёздим. Яна бир навбат қуса ёздим. Обхонага бориб, қалин қустим. Ҳаргиз ошдин сўнг қусмас эдим, балки ичганда ҳам қусмас эдим. Кўнглумға шубҳа кечти. Бовурчини сахлатиб буюрдумким, ул қайни итга бериб, итни сахлағайлар. Тонгласиға бир паҳрага ёвуқ ит беҳолроқ бўлуб, қорни дам қилғондек бўлди. Ҳар неча тош била урдилар, эвруштилар, қўпмади. Кун тушгача бу ҳоли бор эди, андин сўнгра қўпти, ўлмади. Бир-икки чуҳра ҳам бу ошдин егандур. Тонгласиға алар ҳам қалин қустилар, бирисининг худ ҳоли хароб эди, охир бори халос бўлдилар, Мисраъ:

«Расида буд балое, вале бахайр гузашт»

Тенгри манга бошдин жон берди. Ул дунёдин келадурмен, онадин эмди туғдум. Мен хаста ўлуб эдим, тирилдим. Жон қадрини, биллоҳ эмди билдим.
Султон Муҳаммад бахшиға буюрдумким, бовурчини эҳтиёт қилғай. Қийинғаким тутар, мазкур бўлғондек бирин-бирин шарҳи била айтур.
Душанба куни девон куни буюрдумким, акобир ва ашроф ва умар умаро ва вузаро девонда ҳозир бўлғайлар. Ул икки эр кишини ва икки хотун кишини келтуруб сўрғайлар ва баёни воқиъни шарҳи ва басти била айттилар» *(вв. 417б, 418а)*.

«В пятницу, шестнадцатого числа месяца раби' первого, года девятьсот тридцать третьего, произошло поразительное событие. Подробности его таковы: мать Ибрахима, эта злосчастная старуха, услышала, что я съел кое-что из рук жителей Хиндустана. Дело было так: месяца за три-четыре до этого по той причине, что мне еще не приходилось видеть хиндустанских блюд, я сказал, чтобы ко мне привели поваров Ибрахима. Из пятидесяти или шестидесяти поваров я удержал у себя четырех. Та женщина, услышав об этом, послала человека в Атаву за Ахмедом чашнигиром — жители Хиндустана называют бакаула чашнигир. Одной рабыне она дала в руки сложенную вчетверо бумажку, в которой была тола яда — тола, как упомянуто раньше, несколько больше двух мискалов — и велела передать эту бумажку Ахмеду чашнигиру. Ахмед дал бумажку одному из хиндустанских поваров, который находился у нас на кухне, и обещал ему четыре парганы, если он каким-либо образом подложит яд мне в пищу. Вслед за рабыней, с которой был передан яд Ахмеду чашнигиру, мать Ибрахима послала еще одну невольницу посмотреть, передала ли ему первая невольница яд или нет. К счастью Ахмед не бросил яд в котел, но бросил его на блюдо. Он не бросил яда в котел по той причине, что я крепко наказал бакаулам остерегаться хиндустанцев, и они пробовали пищу, когда пища варилась в котле.
Когда кушанье накладывали, наши несчастные бакаулы чем-то отвлеклись; (повар) положил на фарфоровое блюдо тоненькие ломтики хлеба, а на хлеб высыпал меньше половины яда, находившегося в бумажке. Поверх яда он наложил мяса, жаренного в масле. Если бы (повар) высыпал яд на мясо или бросил его в котел, было бы плохо, но он растерялся и просыпал больше половины яда в очаг.
В пятницу вечером во время послеполуденной молитвы подали кушанье. Я сильно налег на блюдо зайца, жареной морковки тоже уписал порядочно; из отравленной хиндустанской пищи я съел только несколько кусочков, лежавших сверху. Я взял жареного мяса и поел его, но не почувствовал никакого дурного вкуса. Потом я проглотил кусочка два вяленой говядины, и меня начало тошнить. Накануне я тоже ел вяленое мясо и, у него был неприятный вкус; я решил, что меня сегодня тошнит по этой причине. Вскоре меня опять затошнило; пока я сидел за дастарханом, меня два или три раза начинало тошнить и едва не вырвало. Наконец, я увидел, что дело плохо и поднялся. Пока я шел до нужника, меня еще раз чуть не вырвало; в нужнике меня обильно стошнило.
Раньше меня никогда не рвало после еды, даже при попойках меня не тошнило. В сердце у меня мелькнуло сомнение. Я приказал задержать повара и велел дать блевотину собаке и стеречь ее. На следующее утро незадолго до первой стражи собака

почувствовала себя очень плохо, брюхо у нее как будто раздулось. Сколько в нее ни кидали камнями, сколько ее ни ворочали, она не подымалась. До полудня собака была в таком положении, потом поднялась — не умерла.
Несколько телохранителей также поели этой пищи. Наутро их тоже сильно рвало; одному даже было очень плохо; в конце концов все спаслись. Стих:

Пришла беда, но все прошло хорошо.

Господь снова дал мне жизнь; я как будто вернулся с того света и снова родился от своей матери. Я был болен и ожил, и теперь, клянусь Аллахом, узнал цену жизни.
Я приказал Султан Мухаммеду Бахши схватить повара, подвергнуть пытке; он одно за другим подробно рассказал все, как упомянуто.
В понедельник, в день дивана, я приказал вельможам, знатным людям, эмирам и визирям явиться в диван. Те двое мужчин и обе женщины тоже были приведены и допрошены. Они со всеми подробностями рассказали, как было дело» *(лл. 417б, 418а)*.

"The details of the momentous event of Friday the 16th of the first Rabi' in the date 933 (Dec. 21st 1526 AD.) are as follows: – The ill-omened old woman Ibrahim's mother heard that I ate things from the hands of Hindustanis – the thing being that three or four months earlier, as I had not seen Hindustani dishes, I had ordered Ibrahim's cooks to be brought and out of 50 or 60 had kept four. Of this she heard, sent to Atawa (Etawa) for Ahmad the chashnigir – in Hindustan they call a taster (bakawal) a chashnigir – and, having got him, gave a tula of poison, wrapped in a square of paper, – as has been mentioned a tula is rather more than 2 misqals – into the hand of a slave-woman who was to give it to him. That poison Ahmad gave to the Hindustani cooks in our kitchen, promising them four parganas if they would get it somehow into the food. Following the first slave-woman that ill-omened old woman sent a second to see if the first did or did not give the poison she had received to Ahmad. Well was it that Ahmad put the poison not into the cooking-pot but on a dish! He did not put it into the pot because I had strictly ordered the tasters to compel any Hindustanis who were present while food was cooking in the pots, to taste that food. Our graceless tasters were neglectful when the food (ash) was being dished up. Thin slices of bread were put on porcelain dish; on these less than half of the paper packet of poison was sprinkled, and over this buttered fritters were laid. It would have been bad if the poison had been strewn on the fritters or thrown into the pot. In his confusion, the man threw larger half into the fire-place.
On-Friday, late the Afternoon Prayer, when the cooked meats were set out, I ate a good deal of a dish of hare and also much fried carrot, took a few mouthfuls of the poisoned Hindustani food without noticing any unpleasant flavour, took also a mouthful or two of dried-meat (qaq). Then I felt sick. As some dried meat eaten on the previous day had had an unpleasant taste, I thought my nausea due to the dried-meat. Again and again my heart rose, after retching two or three times I was near vomiting on the table-cloth. At last I saw it would not do, got up, went retching every moment of the way to the water-closet (abkhana) and on reaching it vomited much. Never had I vomited after food, used not to do so indeed while drinking. I became suspicious; I had the cooks put in ward and ordered some of the vomit given to a dog and the dog to be watched. It was somewhat out-of-sorts near the first watch of the next day; its belly was swollen and however much people threw stones at it and turned it over, it did not get up. In that state it remained till mid-day; it then got up; it did not die. One or two of the braves who also had eaten of that dish, vomited a good deal next day; one was in a very bad state. In the end all escaped. (Persian) "An evil arrived but happily passed on!" God gave me new-birth! I am coming from that other world; I am born today of my mother; I was sick; I live; through God, I know today the worth of life!
I ordered Pay-master Sl. Muhammad to watch the cook; when he was taken for torture (qin), he related the above particulars one after another.
Monday being Court-day, I ordered the grandees and notables, amirs and wazirs to be present and that those two men and two women should be brought and questioned. They there related the particulars of the affairs" *(ff. 417b, 418a)*.

89

«Аз рӯзи мазкур посе гузашта буд ки, фариқайни мутақобилайн мутақориби як — дигар гашта, бунъёди муқотала ва корзор шуд. Қалбайни аскарайн монанди нур ва зулмат дар баробари як-дигар истода дар бронғор ва чвонғор чунон азим қитоле воқиъ шудки, залзала дар замин ва валвала дар чисипеҳри барин афтод. Чувонғори куффори шақоват осор бачониби бронғори майманат дисори асокири ислом шиор мутаважжиҳ гашта бар сари Хисрав Кӯкалтош ва Малик Қосим бродари Бобо Қашқа ҳамла оварданд. Биродари ааззи аршад Чин Темур Султон ҳасбул-фармуда бакӯмаки эшон рафта мардона қитоле оғоз ниҳод ва куффорро аз чо бардошта қарийб баақби қалби эшон расонид ва чулду баноми он азиз биродар шуд ва нодируласри Мустафо Румий аз ғули фарзанди ааззи комгор манзури назари анзори иноёти ҳазрати офаридгор алмухтассу биавотифил-маликиллази янҳо ва яъмур Муҳаммад Ҳумоюн Баҳодур аробаҳоро пеш оварда суфуфи сипоҳи куффорро ба туфак» *(в. 453а)*.

(Мазкур кундан бир қисми ӯтган эди, икки муқобил томон бир-бирига яқин келиб, уруш бошланиб кетди. Икки томон ғули, гӯё нур ва зулмат каби, бир-бирларига қарши туриб, бронғор ва жвонғорда шундай зӯр уруш бӯлдики, ер юзига зилзила ва юксак осмонга ғулғула тушди. Кофирларнинг бузуқи жвонғори исломнинг муборак аскари бронғори томон йӯналиб, Хисрав Кӯкалтош, Бобо Қашқа биродари Малик Қосим устига ҳужум қилдилар. Энг азиз ва улуғ биродар Чин Темур Султон буйруқ бӯйича уларнинг ёрдамига бориб, мардона уруш бошладики, кофирларни жойидан улоқтириб, қалблари кетигача деярлик силжитиб юборди. Жулду (ғалаба инъоми) у азиз биродарнинг номига бӯлди. Замона нодири Мустафо Румий улуғ яратувчининг иноят назарига манзур бӯлган, қайтарувчи ва буюрувчи маликнинг лутф-карамлари билан ихтисос топган бахтиёр ва энг азиз фарзандимиз Муҳаммад Ҳумоюн Баҳодирнинг ғулидан аробаларни олдинга келтириб, кофирларнинг қӯшинлари сафларини туфак ва зарбзан билан ӯз қалбларидек чилчил қилди).

«Когда прошел один час упомянутого дня, противостоящие войска приблизились друг к другу и началось сражение и бой. Центры обоих войск стояли друг против друга, подобные свету и тьме, а на правом и левом крыле происходила столь великая битва, что на земле возникло трясение, а на вышнем небе раздались вопли. Левое крыло злополучной рати нечестивых двинулось против правого крыла войск ислама, сопутствуемых счастьем. Они произвели натиск на Хусрава Кукельташа и на Малик Касима, брата Баба Кашка. Наш дражайший брат Чин Тимур Султан, согласно приказу, двинулся им на помощь и начал храбро сражаться; он потеснил неверных и заставил их отступить почти до центра их войска, и за это нашему дорогому брату была пожалована награда. Редкость нашего времени, Мустафаи Руми, находившийся в центре, где пребывал драгоценнейший сын наш, счастливый, обласканный благосклонными взорами великого творца, взысканный милостями владыки повелевающего и запрещающего, Мухаммед Хумаюн Бахадур, выкатив вперед лафеты (пушек), разбил ряды нечестивых, как и сердца их, ружьями и пушками» *(л. 453а)*.

"One watch of the afore-mentioned day had elapsed when the opposing forces approached each other and the battle began. As Light opposes Darkness, so did the centres of the two armies oppose one another. Fighting began on the right and left wings, such fighting as shook the Earth and filled highest Heaven with clangour.
The left wing of the ill-fated pagans advanced against the right wing of the Faith-garbed troops of Islam and charged down on Khusrau Kukuldash and Baba Qashqa's brother Malik Qasim. The most glorious and most upright brother. Chin-timur Sultan, obeying orders, went to reinforce them and, engaging in the conflict with bold attack, bore the pagans back almost to the rear of their centre. Guerdon was made for the brother's glorious fame. The marvel of the Age, Mustafa of Rum, had his post in the centre (of the right wing) where was the exalted son, upright and fortunate, the object of the favourable regard of Creative Majesty (i. e. God), the one distinguished by the particular grace of the mighty Sovereign who commands to do and not to do (i. e. Babur), Muhammad Humayun Bahadur. This Mustafa of Rum had the carts (arabaha) brought forward and broke the ranks of pagans with matchlock and culverin dark like their hearts (?)" *(f. 453a)*.

90

«Душанба куни рабиул-аввал ойининг еттисида Секрийни сайр қила отландим. Кӯлнинг ичида буюрғон мусамман суфа тайёр бӯлуб эди. Кема била бориб, шомиёна тиктуруб, маъжун ихтиёр қилдук» *(в. 459а)*.

«В понедельник седьмого числа первого раби' я поехал на прогулку в Сикри. Восьмиугольная суфа, которую я приказал воздвигнуть посреди озера, была готова. Мы поехали на лодке, разбили на суфе шатер и ели ма'джун» *(л. 459а)*.

"(Dec. Ist) On Monday the 7th of the first Rabi' I rode out to visit Sikri. The octagonal platform ordered made in the middle of the lake was ready; we went over by boat, had an awning set up on it and elected for ma'jun" *(f. 459a)*.

91

«Уруш қизиғунча нақора ва аламни мавқуф қилиб, ӯзум устод Алиқулининг тош отарини тафарруж кӯра бордим. Уч-тӯрт тош отти. Чун ери боғдайсиз ва фасили асру мустаҳкам ва тамом тошдин эди, коргар келмади.
Мазкур бӯлуб эдиким, Чандирийнинг арки тоғ устида воқиъ

бўлубтур, бир тарафида сув жиҳатидин дутаҳи қилибтурлар. Бу дутаҳининг фасили тоғдин қуйидур, бир зўр келтурур ер бу ердур. Гулнинг ўнг қўли ва сўл қўли ва хосса тобинга бу ер булжар тегиб эди. Ҳар тарафдин уруш солдилар. Бу ердин кўпрак зўр келтурдилар. Юқоридин куффор ҳар неча тош оттилар, ўт ёндуруб солдилар, бу йигитлар ёнмадилар. Охир тош қўрғоннинг фасили бу дутаҳининг фасилиға етган ердин Шоҳим Юзбеги чиқти, яна икки-уч ердин ҳам йигитлар тормошиб чиқтилар. Дутаҳидағи кофирлар қоча бердилар, дутаҳи олилди. Юққоридағи қўрғонда мунча ҳам урушмадилар, бот қочтилар. Ғалаба киши тормошиб, юқориғи қўрғонға чиқтилар... Тенгри инояти била мундоқ номдор қўрғон алам ва нақорани келтурмай, бажид уруш солмай-ўқ икки-уч кирийда фатҳ бўлди» *(в. 468б)*.

«Задержав (сигнал) знаменем и барабаном, пока битва не разгорится, я смотрел, как устад Али Кули стреляет из пушки. Он выпустил три или четыре ядра, но так как место было без уклона, а стена крепости — очень крепкая, сплошь из камня, то выстрелы не произвели действия. Уже было упомянуто, что арк Чандири стоит на горе; с одной стороны в стене был сделан крытый проход для воды. Стенки этого прохода тянутся под горой, это единственное место, подходящее для нападения. Правый край и левый край центра, а также особый отряд получили приказ занять это место. Приступ начали со всех сторон, но в этом месте он был всего сильнее. Нечестивые кинули сверху несколько камней и сбросили огонь, но наши молодцы не обращали на это внимания; в конце концов, Шахим Юзбеки поднялся к тому месту, где стенки водопровода примыкают к стенке внешнего укрепления, наши йигиты тоже вскарабкались туда с двух или трех сторон. Нечестивые, которые стояли у прохода, бросились бежать, и водопровод был взят. Люди, находившиеся в верхней крепости, не дрались даже столько (времени) и поспешно бежали, йигиты во множестве взобрались и поднялись в верхнюю крепость... Милостью божией мне удалось завоевать столь славную крепость в течение двух или трех гари, не поднимая знамени, не ударив барабан и не начиная настоящей битвы» *(л. 468б)*.

"I myself, dimissing drum and standard till the fighting should grow hot, went to amuse myself by watching Ustad 'Aliquli's stone-discharge. Nothing was effected by it because his ground had no fall (yaghda) and because the fort-walls, being entirely of stone, were extremely strong.
That the citadel of Chandiri stands on a hill has been said already. Down one side of this hill runs a double-walled road (du-tahi) to water. This is the one place for attack; it had been assigned as the post of the right and left hands and royal corps of the centre. Hurled though assault was from every side, the greatest force was here brought to bear. Our braves did not turn back, however much the pagans threw down stones and flung flaming fire upon them. At length Shahim the centurion got up where the du-tahi wall touches the wall of the outer fort; braves swarmed up in the other places; the du-tahi was taken.
Not even as much as this did the pagans fight in the citadel; when a number of our men swarmed up, they fled in haste. In a little while they came out again, quite naked, and renewed the fight; they put many of our men to fight; they made them fly (duchurdilar) over the ramparts; some they cut down and killed. Why they had gone so suddenly off the walls seems to have been that they had taken the resolve of those who give up a place as lost...
By God's grace this renowned fort was captured in 2 or 3 garis (cir. an hour), without drum and standard, with no hard fighting done" *(f. 468b)*.

«Бовужуди хумор Мон Сингнинг ва Бикраможитнинг иморатларини тамом юруб, сайр қилдим, ғариб иморатлардур. Агарчи бўлук-бўлук ва бесиёқдур, бу иморатлар тамом санги тарошидадиндур. Борча рожалар иморатларидин Мон Сингнинг иморатлари яхшироқ ва олийроқтур. Мон Синг иморатининг томининг бир зилъи шарқ соридур. Бу зилъни ўзга зилъларға боқа кўпрак такаллуф қилибтур, баландлиғи тахминан қирқ-эллик қари бўлғай, тамом санги тарошидадин, юзини гач била оқортибтурлар. Баъзи ерда тўрт табақа имораттур, икки қуйиғи табақаси хили қоронғудур, андак ёруғлуғи муддате ўлтурғондин сўнгра зоҳир бўладур, буларни шамъ била юруб сайр қилдук. Бу иморатнинг ҳар зилъида беш гунбазтур. Бу гунбазларн ораларида кичик Ҳиндустон дастури била чорсу-чорсу гунбазчалардур. Бу беш улуқ гунбазларнинг устига зарандуд қилғон мис тангаларини қадабтурлар. Бу томларнинг ташқарисини яшил коши била кошикорлиқ қилибтурлар. Яшил коши била гирдо-гирдини тамом кела дарахтларини кўрсатибтурлар. Шарқ сойиғи зилъининг буржида Ҳотийпулдур. Пилни «ҳотий»дерлар, дарвозани «пул». Бу дарвозанинг чиқишида бир филнинг суратини мужассам қилибтурлар, устида икки филбон ҳам қилибтурлар; биайниҳи фил, хили мушобиҳ қилибтурлар. Бу жиҳаттин «Ҳотийпул» дерлар» *(в. 478а)*.

«Несмотря на похмелье я обошел и осмотрел все дворцы Ман Синга и Бикрамаджита; это удивительные постройки, хотя они разбросаны в беспорядке и без плана. Дворцы эти возведены целиком из тесаного камня; из всех дворцов, построенных раджами, дворцы Ман Синга самые высокие. Одной стороной дворец Ман Синга обращен к востоку, стены этой стороны, в сравнении с остальными, отделаны роскошнее. Высотою они будут в сорок или пятьдесят кари; они все из тесаного камня и поверхность их выбелена известью.
В некоторых частях этого дворца четыре яруса, в двух нижних ярусах очень темно. Если посидеть там некоторое время, то (в глазах) становится немного светлее. Мы обходили эти помещения со свечами.
На одной стороне дворца — пять куполов; между этими куполами маленькие купола, по хиндустанскому обычаю четырехгранные. Пять больших куполов обиты листами вызолоченной меди; внешняя сторона стен покрыта зелеными изразцами. Стены кругом украшены изображениями растений банана из зеленых изразцов.
Под башней на восточной стороне находятся (ворота) Хати пул; индусы называют слона «хати», а ворота «пул». При выходе из ворот возвышается скульптурное изображение слона, на котором сидят два погонщика. Это самый настоящий слон, очень похоже сделали; поэтому ворота и названы Хати пул *(л. 478а)*.

"Sickness notwithstanding, I visited the buildings ('imaratlar) of Mansing and Bikramajit thoroughly. They are wonderful buildings, entirely of hewn stone, in heavy and unsymmetrical blocks however. Of all the Rajas' buildings Man-sing's is the best and loftiest. It is more elaborately worked on its eastern face than on the others. This face may be 40 to 50 qari (yards) high, and is entirely of hewn stone, whitened with plaster. In parts it is four storeys high; the lower two are very dark; we went through them with candles. On one (or, every) side of this building are five cupolas having between each two of them a smaller one, square after the fashion of Hindustan. On the larger ones are fastened sheets of gilded copper. On the outside of the walls is painted-tile work, the semblance of plantain-trees being shewn all round with green tiles. In a bastion of the eastern front is the Hati-pul, hati being what these people call an elephant, pul, a gate" *(f. 478a)*.

«Ошдин бурунроқ сочиқ киюрур асносида маст теваларни ва филларни ўтрудағи оролда урушқа солдилар. Бир неча қўчқор ҳам уруштурдилар. Булардин сўнг куштигирлар кушти тутти-лар» *(в. 492а)*.

«До угощения во время подношения подарков на острове перед сидящими устроили бои пьяных верблюдов и слонов, стравили также и несколько баранов. После этого боролись борцы» *(л. 492а)*.

"While the gifts were being brought and before food, fierce camels and fierce elephants were set to fight on an island opposite, so too a few rams; thereafter wrestlers grappled" *(f. 492a)*.

«Юртқа етганда кемаларга от қўюлди. Бурунғи бойри улуғ кемагаким, Ограда Санго ғазвидин бурунроқ тамом бўлуб эди, «Осойиш» от қўюлди. Ушбу йил черик отланурдин бурунроқ Оройишхон бир кема ясатиб пешкаш қилди. Ушбу келурда анга ҳам толор боғлаттим. Бу кемага «Оройиш» от қўюлди. Султон Жалолиддин тортқон кемага улуғроқ толор қилдуруб, бу толорнинг устида яна бир толор буюрулди, мунга «Гунжайиш» от қўюлди. Яна бир кичик жавкандилиқ заврақкаким, ҳар иш-куч учун ани йиборулур эди, бу заврақка «Фармойиш» от қўюлди» *(в. 504б)*.

«По прибытии на стоянку я дал лодкам названия. Большую заслуженную лодку, которую построили еще в Агре, до похода против Рана Санга, назвали «Асаиш». В том же году, перед выступлением войска, Араиш хан построил лодку и поднес ее мне в подарок. Войдя в эту лодку, я приказал устроить на ней помост и дал ей название «Араиш». На лодке, которую поднес мне в подарок хан Джалал ад-дин, я приказал воздвигнуть помост побольше и на нем вознести еще одни подмостки. Эту лодку я назвал «Гунджаиш». Другой небольшой челнок с каютко̆й, который посылали по всяким делам, получил наименование «Фармаиш» *(л. 504б)*.

"When we were nearing our ground, we gave the boats names: – a large one, formerly the Baburi, which had been built in Agra before the Holy-battles with Sanga, was named Asaish (Repose). Another, which Araish Khan had built and presented to me this year before

our army got to horse, one in which I had had a platform set up on our way to this ground, was named Araish (Ornament). Another, a good-sized one presented to me by Jalalu'd-din Sharqi, was named the Gunjaish (Capacious); in it I had ordered a second platform set up, on the top of the one already in it. To a little skiff, having a chaukandi, one used for every task (har aish) and duty, was given the name Farmaish (Commissioned)" *(f. 504b).*

95

«Душанба куни Бангола элчиси мулозаматқа келиб эди, рухсатни анга айттурулди. Бу ҳам мазкур бўлдиким, ғаним дафъиға ул сари бу сари мутавважжиҳ бўлғумиздур. Сизларга тааллуқ ер ва сувға зарар ва осибе етмагусидур. Нечукким, ул уч фасл сўзнинг бири бу эди: лашкари Харидқа айтким, йўл устини қўюб, Харидқа келсун. Туркдин бир неча киши анга қўшалинг, Харид элига истимолат бериб, ерига келтурсунлар. Агар гузар бошидин кетмаса ва бу нодир муқобала сўзларин тарк этмаса, ҳар ёмонлиқ бошиға етса, ўзидин; ва ҳар ношойист қошиға келса, сўзидин кўрсун. Чоршанба куни Бангола элчиси Исмоил Митоға муътодий хилъат кийдуруб, инъом қилиб, рухсат берилди.
Панжшанба куни Шайх Жамолни Дуду била ўғли Жалолхонға истимолат фармонлар ва иноят сўзлари била йиборилди» *(в. 520а).*

«В понедельник посол Бенгалии явился засвидетельствовать почтение и ему было сказано, что он может уезжать. При этом было упомянуто, что «ради отражения врага мы будем ходить то в ту, то в другую сторону, но принадлежащие вам земли и воды не потерпят при этом никакого вреда или ущерба. Так как первое из наших трех условий гласило: «Скажи войску Харида, чтобы оно ушло с нашей дороги и вернулось в Харид», то пошлите с ними несколько тюрков, которые проводят их до Харида и доставят жителям этой области успокоительные грамоты. Если они не отступят от переправы и не оставят своих неподходящих слов, то пусть считают самих себя причиной всякого зла, что падает им на голову, и виновниками всего, что случится с ними дурного».
В среду я облачил бенгальского посла Исмаила Мита в обычную одежду, пожаловал ему награду и отпустил его; в четверг я послал Шейха Джамали к Дуду и ее сыну Джалал хану с успокоительными грамотами и милостивыми словами» *(л. 520а).*

"(April 18th). On Monday (10th) when the Bengal envoy came to wait on me, he was let to know that he had his leave, and what follows was mentioned: – "We shall be going to this side and that side, in pursuit of our foe, but no hurt or harm will be done to any dependency of yours. As one of those three articles said, when you have told the army of Kharid to rise off our road and to go back to Kharid, let a few Turks be joined with it to reassure these Kharid people and to escort them to their own place. If they quit not the ferry-head, if they cease not their unbecoming words, they must regard as their own act any ill that befalls them, must count any misfortune they confront as the fruit of their own words".
(April 20th) On Wednesday (12th) the usual dress of honour was put on the Bengal envoy, gifts were bestowed on him and his leave to go was given.
(April 21st) On Thursday (13th) Shaikh Jamali was sent with royal letters of encouragement to Dudu and her son Jalal Khan" *(f. 520a).*

96

«Андин Сўнни ёвуқтур дедилар. Бориб Сўнни тафарруж қилдук. Сўн суйи қуйи қалин дарахтлар кўрунди, дедиларким, Мунирдур. Шайх Шарафиддин Мунирийнинг отаси Шайх Яҳёнинг қабри андадур. Чун мунча ёвуқ етилиб эди, Сўйдин ўтуб, Сўн қуйи икки-уч куруҳ келиб, Мунирни сайр қилиб, боғоти била ўтуб, мазорни тавоф қилиб, Сўн ёқасиға келиб, ғусл қилиб, намоз пешинни эрта адо қилиб, ўрду сари мутаважжиҳ бўлдум.
Отлар семиз учун бир неча от қолди. Яна бир неча отлар олдараб эди, бир неча кишини қўюб, фармон бўлдиким, отлари толиққонларни йиғиб, отларини суғориб, тиндуруб, изтироб қилмай келгайлар. Агар мундоқ бўлмаса эди, хили от зойиъ бўлур эди» *(в. 522а).*

«Мне сказали, что река Сон находится поблизости; мы поехали и поглядели на эту реку. На левом берегу Сона виднелось множество деревьев; говорили, что это — местность Мунир, где находится могила Шейха Ях'я, отца Шейха Шараф ад-дина Мунири. Поскольку мы были уже так близко, то переправились через Сон и, пройдя три-четыре куруха по левому берегу реки, осмотрели Мунир. Мы проехали через сады и совершили обход вокруг мазара; потом я отправился на берег реки Сона и омылся в реке. Сотворив полуденную молитву раньше времени, мы двинулись обратно в лагерь. Лошади у нас были жирные и некоторые из них отстали, другие притомились. Мы оставили несколько человек позади и приказали им собрать уставших коней и дать им отдохнуть, напоить их и, не торопясь, привести в лагерь. Если бы мы этого не сделали, то потеряли бы много коней» *(л. 522а).*

"As people said, "The Son is near", we went to refresh ourselves on it. Masses of trees could be seen down-stream; "Munir is there" said they, "where the tomb is of Shaikh Yahya the father of Shaikh Sharafu'd-din Muniri". It being so close, I crossed the Son, went 2 or 3 kurohs down it, traversed the Munir orchards, made the circuit of the tomb, returned to the Son-bank, made ablution, went through Mid-day Prayer before time, and made for camp. Some of our horses, being fat, had fallen behind; some were worn out; a few people were left to gather them together, water them, rest them, and bring them on without pressure; but for this many would have been ruined" *(f. 522a).*

АДАБИЁТЛАР
ЛИТЕРАТУРА
LITERATURE

Энгельс Ф. Афганистан. К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 14, М., 1959.

Азимджанова С. Государство Бабура в Кабуле и Индии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969.

Альбом индийских и персидских миниатюр XVI—XVIII вв. под редакцией Л. Т. Гюзальяна, М., Изд-во восточной литературы, 1962.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Ленинград, из-во Гос. Университета 1925 г. стр. 83.

Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-наме, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1958.

Бобир Заҳириддин Муҳаммад. Бобирнома, Тошкент, ЎзССР Фанлар Академияси нашриёти, 1958.

Бобир Заҳириддин Муҳаммад. Танланган асарлар, Тошкент, ЎзССР Фанлар академияси нашриёти, 1958.

Грей Базиль. Проблемы истории Тимуридской школы миниатюрной живописи. Доклад, прочитанный на Международном научном симпозиуме по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов, Самарканд, 1969.

Грек Т. В. Индийские миниатюры. Альбом индийских и персидских миниатюр. М., Изд-во восточной литературы, 1962.

Гулбаданбегим. Ҳумоюннома, Тошкент, ЎзССР ФА нашриёти, 1959.

Грубе Эрнст. Декоративное искусство эпохи Тимуридов в Центральной Азии. Доклад, прочитанный на Международном симпозиуме по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов, Самарканд, 1969.

Зоҳидов В. Ю. Бобирнинг фаолияти ва адабий-илмий мероси ҳақида. В кн. Бобир. Бобирнома, Тошкент, Фанлар Академияси нашриёти, 1960.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений, т. 2.

Миниатюры рукописи «Бабур-наме» (составитель и автор предисловия С. Тюляев), М., Гос. изд-во изобразительного искусства, 1960.

Мир Хусейн Шах. Рукописи Тимуридов в Афганских коллекциях, представляющие художественную ценность. Доклад, прочитанный на Международном научном симпозиуме по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов, Самарканд, 1969.

Муминов И. М. Роль и место Амира Тимура в истории Средней Азии, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1968.

Муминов И. М. Об исторических корнях возникновения и развития искусства Средней Азии эпохи Тимуридов. Доклад, прочитанный на Международном научном симпозиуме по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов, Самарканд — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969.

Неру Джавахарлал. Открытие Индии, перевод с английского, М., ИЛ, 1955.

Памятники искусства Индии в собраниях музеев СССР, М., Гос. изд-во изобразительного искусства, 1956.

Пугаченкова Г. А. Зодчество эпохи Тимуридов в его основных чертах. Доклад, прочитанный на Международном научном симпозиуме по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов, Самарканд, 1969.

Сулейман Хамид. Проблемы изучения художественной рукописи и искусства каллиграфии эпохи Тимуридов. Доклад, прочитанный на Международном научном симпозиуме по искусству Центральной Азии эпохи Тимуридов, Самарканд — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969.

Ҳасанов Ҳ. Заҳириддин Муҳаммад Бобир, Тошкент, Ўзбекистон нашриёти, 1966.

Beveridge A. The Babur-name in English (Memoirs of Babur) by Zahir ud-din Muhammad Babur Padshah Ghazi, translated by Anette S. Beveridge, vol. I, II, London, 1921.

Baber's Memoirs, persians. British Museum, Or. 3714. (Inv.)

The court painters of the Grand Moghuls by Laurence Binyon. With historical introduction and notes by T. W. Arnold Humphrey

Milford. Oxford University Press, London, Edinburgh, Glasgow, New-York, Toronto, Melburne, Cape Town, Bombay, 1921.

Moti Chandra, M. A., Ph. D. The Technique of Mughal Painting, Lucknow, The U. P. Historical Society, 1949.

Lubor Hájek. Der Islam und Indien. In «Indische Miniaturen», Praha, Artia, 1960.

Indian Miniature Painting by Maurice Dimand. The Uffici Press, Milan.

E. Kuhnel. La Miniature en Orient, Paris, Les Éditions G. Crès.

Lamb Harold. An aspect of the character of Zahir ad-din Muhammad surnamed Babur, founder of the dynasty known the great Moghuls of India, Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. III, М., Изд-во восточной литературы, 1963.

Lane-Poole, Stanley, M. A. Babar. Delhi, New Era offset Printer's, 1964.

Persian miniatures-Imperial library, preface Basil Gray, introduction Andre Godard. Published by the New-York Graphic Society by arrangement with UNESCO, France–Italy, 1956.

Tara Chand, M. A., D. Phil. Influence of Islam on Indian Culture, Allahabad, The Indian Press, 1963.

The Jenghiz khan Miniatures from the court of Akbar the Great. Text by J. Marek, London, by Artia 1963, Printed in Czechoslovakia.

Tuzuk-i Jahangir or Memoirs of Jahangir, transl. by Rogers, London, 1909.

Ivan Stchoukine. Les Peintures des Manuscrits Safavis, Paris, Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1959.

Ivan Stchoukine. La Peinture indienne a l'epoque des Grands Moghols, Paris, Librairie Ernest Leroux, 1929.

Die persisch-islamische Miniaturmalerei, von Ph. Walter-Schulz, Leipzig, 1914.

МУНДАРИЖА

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

Бобирийлар даври миниатюра санъати	7
«Бобирнома» расмларининг муаллифлари	38
Расмлар	39
Изоҳлар	137
Адабиётлар	158

Искусство миниатюры эпохи Бабуридов	18
Художники миниатюр «Бабур-наме»	38
Миниатюры	39
Комментарии	137
Литература	158

The art of miniature in the Baburid period	28
Miniature-painters of „Babur-Name".	38
Miniatures	39
Commentary	137
Literature	158

МИНИАТЮРЫ
К БАБУР-НАМЕ
(на узбекском,
русском
и английском
языках)
Автор-составитель
Хамид СУЛЕЙМАН

Литературные редакторы — Л. И. Ионова, Х. Б. Бектемиров, А. Н. Коган.
Оформление и художественно-техническая редакция — Ю. И. Курышев, Ел. Б. Бельская.
Фотосъемка И. Николаева. Корректоры — Т. Д. Емельянова, С. Мусаева.

Рекомендации и руководство технологией издания — О. М. Виноградова
Операторы — В. Ф. Петров, И. С. Пономарев, И. С. Соколов.
Цинкографы — В. В. Берегатова, В. С. Горбачева, А. М. Захаров, С. П. Злоказова, Р. Б. Плашкина, Ю. Г. Привезенцев, Б. С. Суровцев
Линотописты — В. М. Пошехнова, Г. И. Чиванова.
Верстальщики — А. Г. Гераськина, А. Г. Рогова
Печатники — В. И. Архипов, Н. М. Егоров, Ю. Н. Ефретов, Н. А. Исаков, А. П. Кирпиченкова, Е. П. Королев, А. И. Кученков, Э. П. Ловягин, Е. И. Огурцов, Н. Д. Самогаев, В. И. Устинов, И. С. Якушина.

Сдано в набор 14.I 1970 г. Подписано в печать 3.VI 1970 г.
Формат 72×108 1/8. Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 21.
Изд. № 940. Тираж 25 000 экз. Зак. 5817.
Цена 13 р. 60 к.

Издательство «Фан» УзССР. Ташкент ГСП, ул. Гоголя, 70.
Типография № 5 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР.
Москва, Мало-Московская, 21.